

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
ИНСТИТУТ ВОСТОКОВЕДЕНИЯ
СИБИРСКОЕ ОТДЕЛЕНИЕ
ИНСТИТУТ ИСТОРИИ, ФИЛОЛОГИИ И ФИЛОСОФИИ

ПРЕДИКАТИВНОЕ
СКЛОНЕНИЕ
ПРИЧАСТИЙ
В АЛТАЙСКИХ
ЯЗЫКАХ

ИЗДАТЕЛЬСТВО «НАУКА»
СИБИРСКОЕ ОТДЕЛЕНИЕ
Новосибирск • 1984

Монография посвящена сопоставительно-типологическому исследованию сложного предложения в языках алтайской типологической общности. Для этого привлекаются тюркские языки Сибири, бурятский, эвенкийский и маньчжурский. Основным объектом исследования является важнейший способ выражения смысловых и синтаксических связей между предикативными единицами в этих языках – оформление причастного сказуемого зависимой части падежными аффиксами.

Книга рассчитана на филологов-алтаистов, специалистов в области теории синтаксиса, грамматики и общего языкознания.

Авторский коллектив:

д-р филол. наук М.И. Черемисина, канд. филол. наук Л.М. Бродская, канд. филол. наук Л.М. Горелова, канд. филол. наук Е.К. Скрибник, Т.Н. Боргоякова, Л.А. Шамина

Ответственные редакторы:

доктора филол. наук Е.И. Убрятова, Ф.А. Литвин

Рецензенты: М.Н. Валл, К.А. Тимофеев

П 4602000000-826 326-84-И
042(02) - 84

© Издательство "Наука", 1984 г.

ПРЕДИСЛОВИЕ

Исследования сложного предложения в алтайских языках Сибири в отделе филологии Института истории, филологии и философии Сибирского отделения АН СССР начали разворачиваться с 1976 г., после выхода монографии Е.И. Убрятовой "Исследования по синтаксису якутского языка. II. Сложное предложение". Основные положения этой работы – первого и пока единственного фундаментального исследования в области сложного предложения одного из языков Сибири – легли в основу концепции авторского коллектива предлагаемой читателю монографии, которая опирается на данные тюркских языков Южной Сибири, бурятского, эвенкийского и маньчжурского. Эти языки охватываются понятием "алтайской типологической общности". Вопрос о генетической общности алтайских языков нами не обсуждается, а в типологическом плане они объединяются между собой и противопоставляются другим общностям совокупностью таких признаков, как: 1) агглютинативный строй с последовательным постфигированием грамматических формантов; 2) гармония гласных; 3) наличие грамматической категории принадлежности, распространяющейся на именные и глагольные формы; 4) падежная система, содержащая "прямой" падеж (*casus indefinitus*), аккузатив и генетив; 5) система залогов, включающая каузатив и страдательный залог. В то же время в этих языках отсутствуют: 1) полиперсональное спряжение; 2) эргативный падеж и эргативная конструкция предложения; 3) именные классы (см.: Рамстедт, 1959; Котвич, 1962; Баскаков, 1981, с. 56–82; и др.). Эти признаки характеризуют алтайскую общность в целом, но в отдельных языках какой-то признак может отсутствовать: эвенкийский и якутский утратили генетив, маньчжурский – категорию принадлежности.

Общая цель предпринимаемого исследования – выявить и описать ведущие принципы организации сложного предложения в этих последовательно агглютинативных языках, проследить, как преломляются на уровне сложного предложения общие закономерности их грамматического строя. Это предполагает выявление структурных и функциональных типов сложных (полипредикативных) предложений в отдельных языках, сопоставление полученных результатов в масштабе семей и типологической общности, а также соотнесение их с той картиной, которая представлена в описаниях сложного предложения русского, флективного языка.

Приступив к исследованию, мы вскоре убедились в том, что содержание и объем понятия "сложное предложение" ни в одной грамматической традиции не определяются четко и строго. Поэтому должны были

определить тот объект, который хотели изучать. В основу своей трактовки этого понятия мы положили специфическую функцию сложного предложения как особой синтаксической формы, предназначенной выражать отношения между двумя событиями (ситуациями, пропозициями), представленными ее предикативными составляющими. Простое предложение есть синтаксическая форма представления одного события; предикативная часть сложного предложения — это своего рода "косвенная форма", которую принимает простое предложение, вступая в связь с другой предикативной единицей в составе сложного предложения.

Не наложив на понятия сложного предложения и его предикативных частей никаких жестких формальных ограничений, например требования финитности сказуемых, союзного характера связи, "прямопадежности" подлежащих и др., мы "открыли" область исследования для широкого круга форм, которые не всеми исследователями признаются сложными предложениями. Желая избежать терминологических споров о сложности или не сложности тех или иных построений, споров, бесплодность которых сейчас уже кажется очевидной, мы ввели в исследование термин "полипредикативная конструкция (ППК)", означающий род, к которому принадлежат и простое предложение, и конструкции, в разных отношениях отклоняющиеся от эталонного представления о сложном предложении, но содержащие как минимум два предикативных звена. Сложность предложения мы понимаем как относительную характеристику, способную проявляться в большей или меньшей мере. "Простое" (элементарное) и "собственно-сложное" — это лишь полюса шкалы, на которой можно задавать много делений. Поэтому вопросу "сложны ли данные построения" мы предпочли бы вопрос "в какой мере они сложны".

Вместе с тем мы глубоко убеждены в том, что конструкции, "осложненные" разного рода "оборотами", и в алтайских, и в европейских языках не могут быть адекватно осмыслены и описаны в терминах синтаксиса простого предложения. Для их описания нужна вся та система понятий, которая нарабатана в синтаксисе сложного предложения и которая будет еще дорабатываться применительно к этому новому материалу.

Те отношения между событиями, которые в русской грамматике составляют основу функциональных типов союзных сложных предложений, в алтайских выражаются без помощи союзов; они передаются аффиксами, встроенными в словоформу сказуемого зависимой части. Ясно, что формы, содержащие такие показатели связи, уже не могут быть сказуемыми простых предложений; они называются инфинитивными. К числу инфинитивных форм принадлежат формы косвенных наклонений, деепричастия, а также имена действия и причастия. Дело в том, что алтайские причастия свободно функционируют как сказуемые простых предложений. Инфинитивными формами они становятся, в частности принимая падежное и притяжательное оформление. Это дает основание говорить о склонении предикативных причастий, или о предикативном склонении. Русские причастия склоняются, будучи определениями; алтайские причастия, как и прилагательные, в роли определений примыкают к определяемому имени. Склонение причастий прямо обусловлено ролью сказуемого зависимой части в сложных предложениях определенных типов.

Предикативное склонение алтайских причастий, которому непосредственно посвящена данная монография, с морфологической точки зрения является именно склонением причастных форм (причастия в роли зависимых сказуемых нередко называют "именами действия"). Аффикс падежа встраивается в причастную словоформу, занимая в ней определенную линейную позицию, подчиняясь законам гармонии и ассимиляции. Но в контексте нашего исследования не менее, а скорее более важным оказывается синтаксический аспект этого явления. С этой точки зрения объектом предикативного склонения является не причастие, а предикативная единица с причастным сказуемым, принимающим аффикс падежа. Предикативное склонение причастий, на якутском материале уже описанное Е.И. Убрытовой, есть, в принципе, то же самое, что "склонение предложений", в японском языке выявленное Н.И. Фельдман, хотя "техника" этого склонения и область его применения в якутском и других алтайских языках заметно отличаются от того, что наблюдается в японском. Исследование предикативного склонения в якутском, одном из алтайских языков, наметило перспективу исследования этого синтаксического механизма в других типологически сходных с ним языках. Конкретные исследования в этом направлении показали, что данный механизм действительно является принципиально единым для всех языков алтайской типологической общности, и есть основания предполагать, что он представлен и в других агглютинативных языках.

Предикативное склонение являет собою центральный механизм алтайского гипотаксиса. Современные алтайские языки используют разные способы выражения отношений между двумя событиями, в том числе союзное соединение предикативных частей по классическому европейскому типу. Но основная масса моделей сложного предложения прямо или опосредованно связана с предикативным склонением, с использованием падежных аффиксов для связи не словоформ, а частей сложного предложения.

Исследование предикативного склонения привело нас к выводу о том, что этот синтаксический механизм органически связан с тем комплексом свойств, который подразумевается термином "агглютинативный строй языка". Предикативное склонение представляет собою закономерное продолжение и развитие первичных механизмов агглютинации на одном из самых верхних ярусов языковой системы. Вместе с тем в силу принципиальной лабильности (нежесткости) систем естественных языков в каждом конкретном языке этот синтаксический механизм приобретает свои специфические черты.

Изложенными общими представлениями определяется целевая установка предлагаемой монографии: с одной стороны, показать то общее, что присуще предикативному склонению во всех алтайских языках, с другой — по мере возможности проследить своеобразие каждого привлеченного к анализу языка. Мы не пытаемся сейчас оценивать диапазон варьирования системы предикативного склонения в алтайских языках в целом, поскольку работали лишь с некоторыми алтайскими языками Сибири, специфического ареала, где взаимное влияние языков разных семей было особенно длительным и глубоким. Вполне вероятно, что в тюркских языках Средней Азии и Поволжья предикативное склонение в

каких-то аспектах окажется иным, чем в тувинском или алтайском. Но мы будем считать свою цель достигнутой, если нам удастся обрисовать этот механизм в целом и отметить некоторые его особенности в том или ином изучаемом языке.

Предлагаемая монография является результатом коллективной работы. Авторский коллектив состоит из шести человек: д-р филол. наук, проф. М.И. Черемисина (руководитель темы); канд. филол. наук Е.К. Скрибник, Л.А. Шамина, Т.Н. Боргоякова (ИИФ СО АН СССР); канд. филол. наук, доц. Л.М. Бродская (Иркутский ГПИ); канд. филол. наук Л.М. Горелова (ИВ АН СССР).

Эвенкийские материалы разрабатывались Л.М. Бродской, маньчжурские — Л.М. Гореловой, бурятские — Е.К. Скрибник, хакаские — Т.Н. Боргояковой, тувинские — Л.А. Шамина. В разработке алтайских материалов принимали участие Е.К. Скрибник, Л.А. Шамина и М.И. Черемисина.

Вопрос об индивидуальном авторстве по разделам несколько затрудняется двумя обстоятельствами. Во-первых, авторство проблемных разработок пересекается с разработками фактического материала шести привлеченных к анализу языков. Во-вторых, совместные обсуждения и взаимное редактирование по существу перерастают в соавторство. С учетом сделанных оговорок авторство определяется следующим образом: введение и глава первая — М.И. Черемисина; глава вторая — М.И. Черемисина (§ 1-4), Л.М. Горелова (§ 2,4), Л.М. Бродская, Е.К. Скрибник (§ 4); глава третья — М.И. Черемисина (§ 1-4), Л.М. Бродская, Л.М. Горелова, Е.К. Скрибник, Л.А. Шамина, Т.Н. Боргоякова (§ 3,4); глава четвертая — М.И. Черемисина (§ 1-6), Л.М. Бродская, Е.К. Скрибник (§ 2-6), Л.М. Горелова, Л.А. Шамина, Т.Н. Боргоякова (§ 2,3); глава пятая — Е.К. Скрибник (§ 1-4), Л.М. Горелова (§ 1,4), Л.М. Бродская (§ 2); глава шестая — М.И. Черемисина (§ 1-3), Л.А. Шамина, Т.Н. Боргоякова (§ 2,3), Е.К. Скрибник (§ 4), Л.М. Горелова и Л.М. Бродская (§ 5); глава седьмая — Л.А. Шамина (§ 1-3), Л.М. Бродская (§ 2), Е.К. Скрибник (§ 2,3), Л.М. Горелова (§ 3); заключение — М.И. Черемисина.

Авторский коллектив приносит глубокую благодарность Е.И. Убрятовой и В.М. Наделяеву, которые на всех этапах работы помогали нам советом, критикой, обсуждением возникающих проблем. Мы благодарим всех прочитавших работу и отдельные ее разделы в рукописи и высказавших свои критические замечания, которые мы постарались учесть: Я.Г. Биренбаума, М.Н. Валл, Д.А. Монгуша, Н.П. Романову, В.И. Рассадина, Ш.Ч. Сата, О.В. Субракову, Ц.Б. Цыдендамбаева, Ц.-Ж.Ц.Цыдыпова, Л.Д. Шагдарова, Н.Н. Широкову и других. Мы пользуемся случаем выразить свою признательность нашим информантам и всем коллегам, помогавшим нам обрабатывать материал: А.А. Тыбыковой, А.Р. Бадмаеву, М.В. Оюн и многим другим.

Глава первая

ПРЕДМЕТ, ЗАДАЧИ И ПОСТРОЕНИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

§ 1. О типологической направленности исследования

Предлагаемое вниманию читателя исследование предикативного склонения составляет один из разделов исследования сложного (полипредикативного) предложения в языках алтайской типологической общности, т.е. тюркских, монгольских и тунгусо-маньчжурских. Называя его сопоставительно-типологическим, мы исходим не из какого-либо строгого определения сопоставительного и типологического подходов к языку, а из общего, широкого понимания обоих принципов. Типологию мы понимаем как направление лингвистики, исходящее из постулата сопоставимости всех языков мира, независимо от общности происхождения. Этот постулат основан на том, что все языки порождены принципиально единым человеческим интеллектом; все они — результат и орудие дальнейшего познания мира; все они обслуживают человеческие общества как средство общения. Глубинное тождество всех языков Земли ощущали многие крупные лингвисты прошлого. Вандриес, например, считал идею о том, что "существует только один язык под всеми широтами, единый по своему существу" (1937, с. 217), теоретической базой общего языкознания. Исследования объективной природы этого единства стали в наши дни специальной задачей лингвистической типологии.

Важное направление типологических исследований составляют поиск, фиксация и классификация лингвистических универсалий, таких черт, признаков, соотношений языковых форм и категорий, которые были бы действительны для любого языка (см.: Успенский Б., 1970, с. 10). В работах такого рода к анализу привлекается множество языков разных, по возможности удаленных друг от друга типов. Это существенно и закономерно, ибо говорить об универсалиях, а не о совпадениях, случайных или закономерных, можно лишь с опорой на широкий спектр языков.

Наше исследование на поиск универсалий не ориентировано. Независимо от того, изучается ли какой-то один уровень языка (напр., Лекомцева, 1963, и др.) или язык как многоуровневая система (напр., Скаличка, 1963), оперирование материалом множества разнотипных языков необходимо предполагает, что значительная часть фактов берется из уже существующих описаний, которые не были изначально ориентированы на использование с такой целью. Во всяком описании языка факты предстают преломленными через какую-то понятийную призму — а даже в описаниях близкородственных языков, выполненных независимо друг от друга, эти призмы существенно различаются. Если задача сопоставления языков не имеется в виду при по-

строении лингвистического описания, используемые в нем термины и понятия соотносятся лишь с фактами данного языка, и при попытке применить их к фактам других языков выявляется их недостаточность, противоречивость, несостоятельность. Б.А. Успенский писал: "Если различные структуры описываются в адекватных терминах и при одинаковых допущениях... то сравнение этих структур и составит предмет структурной типологии" (1965, с. 10). Но именно это условие и не выполняется, если таких описаний не оказывается в наличии.

В нашем случае дело обстоит именно так. Мы не располагаем не только описаниями сложного предложения, выполненными "в адекватных терминах и при одинаковых допущениях", но, если исключить якутский язык, в котором сложное предложение детально исследовано и описано в монографии Е.И. Убрятовой (1976), — вообще каким-либо специальным описанием. Поэтому в нашем исследовании с самого начала ставились и решались одновременно и сопоставительно-типологические задачи, и задачи первичного описания. Разумеется, при подготовке исследования мы опирались на работы, посвященные разным аспектам сложного предложения в разных языках алтайской типологической общности не только сибирского ареала. Определенные сведения о сложном предложении содержатся в общих описаниях языка (напр., Грамматика хакасского языка, 1975; Дыренкова, 1941; ср. также: Аврорин, 1969; Василевич, 1941; и многие другие) и в общих описаниях синтаксиса отдельных языков (Аврорин, 1981; Колесникова, 1966; Бертагаев, 1964; и др.). Имеются монографические работы, посвященные сложному предложению в отдельных тюркских языках других ареалов, например: М.А. Аскаровой (1963) и Г.А. Абдурахмановой (1960) — на узбекском, А.З. Абдуллаевой (1973) — на кумыкском и др., и различным аспектам, типам сложных предложений на материале разных непосредственно и опосредованно интересующих нас языков (напр., работы Н.З. Гаджиевой, Н.Х. Демесиновой, Х.М. Есенова, М.З. Закиева, Л.А. Карабаевой, Г.Ц. Пюрбеева, Г.Д. Санжеева и др.).

Приступая к исследованию, наш коллектив должен был собрать и осмыслить в единой системе терминов и понятий большой фактический материал, относящийся к строю сложного предложения в алтайских языках Сибири. Результаты этого этапа работы отражены в ряде публикаций (см. работы М.И. Черемисиной, Л.М. Бродской, Л.М. Гореловой, Е.К. Скрибник, Н.Н. Ефремова, Л.А. Шаминой, Т.Н. Боргояковой, А.В. Есиповой). Лишь после пяти лет подготовительных исследований мы получили возможность ставить целью сопоставление фактов.

Таким образом, главное основание считать свое исследование сопоставительно-типологическим мы видим в установке на формирование метаязыка описания, изначально ориентированного на разные языки; в контроле за содержанием используемых терминов и понятий; в неизменности угла зрения, под которым рассматриваются разноязычные факты.

§ 2. Сложное предложение как объект типологического исследования

Сопоставительно-типологические исследования выполняются на разных уровнях и срезах языковой системы. Под этим углом зрения рассматриваются звуковой строй, словарь, строение словоформ, организация словосочетания и предложения, как простого, так и сложного. Но сопоставительно-типологическое исследование сложного предложения сразу же наталкивается на специфическую трудность, связанную с тем, что ряду ученых спорным представляется сам факт существования сложного предложения в значительной части языков мира, в том числе в алтайских языках. Существование же в этих языках сложноподчиненного предложения нередко просто отвергается. Например, польский языковед Т. Милевский в статье "Предпосылки типологического языкознания" пишет: "Сложносочиненные предложения... отмечаются в огромном большинстве языков, предложения же сложноподчиненные... являются значительно более новой конструкцией и хотя распространены, но на значительно меньшей территории. Они отсутствуют, например, почти совершенно в американских и алтайских языках, где господствует вообще тип простых предложений" (1963, с. 29-30).

Выраженная здесь точка зрения действительно представлена в работах ряда алтаистов и до сих пор находит сторонников в рядах тюркологов и монголистов, тунгусоведов и финно-угроведов, и вообще специалистов, работающих с постфигирующими агглютинативными языками. Следует при этом оговорить, что последовательное отстаивание этой точки зрения всегда оказывается связано с представлением о сложном предложении вообще как о конструкции, устроенной по образцу и подобию европейского сложного предложения. Естественно, что в изучаемых ими языках эти ученые признают сложное предложение тогда и постольку, когда и поскольку оно организовано по этой схеме, т.е. состоит из частей, имеющих финитное сказуемое и связанных посредством союза (напр., Бертагаев, Шыдендамбаев, 1962, с. 123-125; Ширалиев, 1956, с. 94-95; и др.). Но функции, выполняемые в европейских языках такими бифинитными союзными конструкциями, в алтайских языках выполняют конструкции, в которых одна из частей, зависящая, имеет сказуемое, выраженное инфинитивной, "неконечной" формой глагола. А поскольку специфический аффикс таких словоформ выражает не только факт, но и характер зависимости, постольку союз оказывается в конструкциях этого типа явно лишним. Это является основанием, в силу которого другая часть языковедов признает построения такого типа сложноподчиненными, учитывая, разумеется, их формальную и содержательную специфику. Е.И. Убрятова описала сложноподчиненные предложения этой разновидности в якутском языке. Г.М. Василевич, а позже Л.М. Бродская и Л.М. Горелова так же оценили конструкции этого типа в эвенкийском. Признают существование синтетических сложноподчиненных предложений и казаховеды Н.Х. Демесинова, Х.М. Есенов, в узбекском языке о них говорят М.А. Аскарлова и другие. Конкретнее границы сложноподчиненного и простого предложения эти языковеды понимают по-разному, но ведь и русисты не всегда единодушны в трактовке конструкций с союзным подчинением.

Ясно, что специалисты, отрицающие и признающие существование сложноподчиненных синтетических предложений, исходят из разного понимания сложного предложения и признаков, отличающих его от простого. Спор между ними приобрел уже терминологический характер, и он останется спором о словах, а не о вещах, пока не будет предложено удовлетворяющее всех определение синтаксической категории "сложность предложения". До этого пока очень далеко.

Объектом данного исследования будут именно специфические, не похожие на европейские сложноподчиненные конструкции алтайских языков, вызвавшие столько споров. Право их называться сложноподчиненными у нас не вызывает сомнений, ибо они удовлетворяют принятому нами структурно-функциональному критерию сложности. Определяя объект своего исследования, мы задаем сначала широкую функциональную область, к которой затем прилагаем ограничивающие ее структурные критерии. Функция сложного предложения состоит в выражении определенных отношений между двумя событиями (пропозициями). Но отношения двух событий можно выразить и в форме простого предложения. Внутренняя структура пропозиции при этом редуцируется, в частности до предметного представления. Сложное предложение отграничивается от двух простых, соположенных в связанном тексте, тем, что его части формально связаны между собой и эта связь так или иначе "отпечатана" на структуре самих частей. От простого предложения сложное отличается тем, что его части своей внутренней организацией воспроизводят структуру ситуации, т.е. сохраняют пропозициональность, внутреннюю предикативность. "Предложенческая" структура содержания обеспечивается предикативным характером частей. При этом, однако, предикативность частей сложного целого не тождественна предикативности целого и предикативности простых предложений. В изучаемых нами конструкциях алтайских языков это различие проявляется более резко, чем в европейских союзных сложных предложениях.

По ряду признаков алтайское синтетическое сложноподчиненное предложение ближе к простому, чем союзное европейское. Последнее резче противопоставлено простому предложению, чем соединению простых в связанном тексте. Алтайское сложноподчиненное предложение, наоборот, резче отграничено от последовательности простых предложений в тексте, чем от простого предложения. Но и в тех, и в других языках этот класс конструкций выделяется относительно четко. Как и все границы между классами объектов в естественных языках, границы между простыми и сложными предложениями во всех языках условны и относительны. И если в алтайских языках эта условность острее дает себя чувствовать, то это делает особенно важными структурные критерии, опираясь на которые мы должны намечать и удерживать эту границу.

Субстантивное представление события с притяжательным выражением субъекта "определенного действия" (приезд брата, возмущение начальника) русской грамматикой трактуется как непредикативное. Вопрос о сложности конструкций с такими звеньями не возникает. Не будем ставить его и мы. Но для алтайских языков типично представление зависимых событий (действий) не существительными, а причас-

тиями, "глагольно-именными формами" ("именами действия", "глагольными именами", - см.: Грунина, 1962, с. 134-137; Исхаков, Пальмбах, 1961, с. 296; Благова, 1976, с. 70; Баскаков, 1961, с. 114; и др.). Сочетание в этих формах глагольных и именных черт порождает те споры о сложности конструкций в целом, о которых мы говорили выше. Свое понимание этих отношений мы попробуем показать и обосновать на следующих примерах, выбранных из тувинских текстов:

(1) Мен баштай чолаачылап тур-ум-да, Тывага чазаглыг орук чок турган (УХ, 133) - Когда я сначала работал шофером, в Туве не было шоссе на дороге. (2) Ажы-толун кижы боду бода-вас-ка, ооң орнунга кым бээр дээр сен (ОСо, 207) - Если человек сам не думает о своих детях, вместо него кто же (им что-то) даст. (3) Ам база аңчыларның бирээзи олчалыг кел-ген-и билдине берген (УХ, 32) - Стало известно, что опять один из охотников пришел с добычей. (4) Чутле даң ад-ар-ы билек, дунмам сугнуң өөнгө кылаштап чеде бердим (ОСо) - Едва засветлела заря, я пешком дошел до дома младшего брата. (5) Чон-нуң, ылангыя улузум-нуң чурттап тур-ар-ын-даа билдим (ОСо, 206) - Узнал я и то, как живет народ, особенно мои родные. (6) Мээң кел-ген-им-ге ачам амыраар, аажок өөрүүр боор деп бодаан мен (ОСо, 177) - Думал я, что отец очень обрадуется тому, что я приехал (моему приезду).

Подчеркнутым компонентам тувинских конструкций в переводах соответствуют придаточные временные, условные, изъяснительные (подлежащее и дополнительное). В оригинале сказуемым зависимой (подчеркнутой) части является причастие в одной из падежных форм, иногда с послелогом (4) или частицей (5). Причастие четко выражает грамматическое лицо субъекта действия и имеет при себе позицию подлежащего. Местоимения 1 и 2 л. в этой позиции избыточны. Вопросы о том, в какой мере необходимо или избыточно местоименное подлежащее в 3 лице в срединных частях текста, мы не касаемся. Во всех приведенных примерах подлежащее есть. Главный вопрос, который ставят подобные построения, - сохраняет ли причастие в этой позиции силу глагола? Если да, то его нужно признать сказуемым, а имя субъекта причастия действия подлежащим; их сочетание будет предикативным узлом с координацией компонентов; если нет, то это определенное сочетание.

Проанализируем приведенные примеры под этим углом зрения. В примере (1), мен... чолаачылап тур-ум-да, мен - местоимение 'я' в прямом падеже, чолаачылап тур-ум-да - аналитическая причастная форма с аффиксом местно-временного падежа (=да), выражающим временную соотносительность с главной частью, и с аффиксом =ум= (1 л. ед. ч.), выражающим координацию зависимой глагольной формы с местоимением мен. В примере (2) кижи 'человек' (прямой падеж), бода-вас-ка - причастие в отрицательной форме; отсутствием личного аффикса выражается 3 л. Местно-временной падеж выражает здесь условно-временную зависимость ('если/когда'). Аналогично в примере (3), где зависимая предикативная единица (ПЕ) играет роль подлежащего по отношению к конечному сказуемому; ее причастное сказуемое стоит в прямом падеже. В примере (4) причастное сказуемое зависимой ПЕ

(в форме 3 л.) осложнено послелогом билек, уточняющим временное отношение событий.

Четкая координация причастного сказуемого в лице с формой, которую естественно признать подлежащим, склоняет к признанию этих групп предикативными узлами. Другое решение связано с акцентуацией именных свойств причастий, что подчеркивается терминами "имена действия", "глагольные имена". При таком понимании их переводными аналогами становятся русские существительные типа отъезд, курение, размышление, работа. Веским аргументом в пользу этого взгляда является то, что имя субъекта действия может принимать форму родительного падежа; ср. в примерах (5,6): чон=нун, где =нун - аффикс родительного падежа; мээн - генитивная (притяжательная) форма местоимения мен 'я'. Второй аргумент - использование для выражения лица тех показателей, которыми выражается принадлежность предметов лицу или другому предмету и которые в системе большинства алтайских языков относительно четко противопоставлены "лично-предикативным" аффиксам финитного спряжения.

Эти обстоятельства провоцируют переводы типа "узнал жизнь народа и особенно своих родных", "рад моему приезду". Если бы речь шла только о качестве перевода, споров бы не было. Но речь идет о грамматической природе этих алтайских конструкций. Ее не передает ни глагольный, ни субстантивный русский перевод. Эта специфика состоит в том, что сочетание причастия с именем или местоимением, представляющим действующее лицо (которое мы оцениваем как предикативный узел), являет собою реализацию конструктивной схемы притяжательного сочетания, в тюркологии именуемого изафетом. Изафет традиционно рассматривается как определительная конструкция: тув. мээн бажым 'моя голова=моя', бис=тин ава=выс 'наша мать=наша', хак. критика=нын чэтин 'острие критики', алт. айыл=дын мал=ы 'домашние животные (скот)'. Основное значение изафетной конструкции - выражать принадлежность объекта обладания субъекту обладания - реализуется, когда объект обладания - предмет, выраженный существительным. Исполнение этой роли причастием существенно меняет дело.

Грамматическая категория принадлежности во всех алтайских языках, кроме маньчжурского, который, подобно японскому, ее не имеет, принадлежит к числу важнейших, фундаментальных, определяющих весь облик этих языков. Притяжательные отношения связывают слова, называющие не только обладателя и предмет обладания, но и часть и целое, единицу измерения и измеряемое, отношения людей по родству, свойству, подчиненности и т.п., а также предметно мыслимое свойство и его носителя, исполнителя действия и действие, которое он исполняет (см.: Аврорин, 1959, с. 141). Ясно, что в последнем случае семантика притяжательного сочетания вплотную смыкается с семантикой предикативного узла. Близость этих конструкций усугубляется тем, что во всех алтайских языках различие между собственно-глагольными, т.е. конечными, финитными формами, и причастиями весьма относительно. Все современные формы индикатива восходят к причастиям, а большинство форм, функционирующих как простые глаголь-

ные сказуемые, представляют собой живые причастия в финитном употреблении.

Притяжательные сочетания, как уже сказано, рассматриваются как особый тип определительных сочетаний. Но известно, что определительные отношения по природе очень близки предикативным. Об этом сродстве говорит и формальное своеобразие отношений между членами таких сочетаний. Эту синтаксическую связь В.А. Аврорин назвал отражением, зафиксировав этим ее специфику по сравнению с подчинением. Подчинение - это односторонняя связь, направленная "от хозяина к слуге". Отражение - связь обоюдная, которая ближе к координации членов предикативного узла. Она требует, чтобы определяемое, как и предикат, своей формой выражало лицо субъекта обладания, а определяющее (субъект обладания), как и подлежащее, принимало заданную падежную форму. Но в составе предикативного сочетания подлежащее должно всегда принимать форму прямого падежа, а в составе притяжательного (изафетного) сочетания субъект притяжания может выражаться двумя падежами - прямым или родительным (разумеется, в тех языках, где родительного нет, как в якутском, эвенкийском, нет и этого выбора). Многие тюркологи считают, что выбор родительного падежа первого члена изафетного сочетания бывает связан с определенностью (известностью, конкретным характером) денотата. Но этот вопрос заслуживает специального изучения на материале нескольких языков.

Личные показатели, оформляющие второй член притяжательного сочетания, называют лично-притяжательными и противопоставляют другим, лично-предикативным, оформляющим сказуемое в простом предложении. Например, в тувинском в роли предикативных показателей выступают личные местоимения (или их омонимы?) - мен, сен, бис, силер; 3 лицо выражается отсутствием показателя. Притяжательные же аффиксы - =м, =н, =выс, =нар (с гармоническими вариантами), а в 3 л. =ы. В бурятском предикативный ряд - =б, =ш, =бди, =т, в 3 л. нуль; притяжательный ряд - =мни, =шни, =мнай, =тнай, в 3 л. для обоих чисел =нэ. Предикативные аффиксы явно соотносительны с прямым падежом личных местоимений, притяжательные - с родительным. Однако оппозиция предикативных и притяжательных аффиксов очень относительна. Притяжательные аффиксы постоянно проникают в систему финитного спряжения.

Структурная схема притяжательного сочетания явно свидетельствует о том, что она способна обслуживать и предикативные отношения. Вероятно, в прошлом это была главная, даже единственная форма их выражения, ибо так называемые предикативные показатели безусловно моложе притяжательных. Не случайно единственная общетюркская финитная форма прошедшего на =ды и тоже общетюркская, древняя форма на =са спрягаются с аффиксами, материально тождественными лично-притяжательным. Но в современных языках новая формальная схема финитного спряжения и предикативного оформления именных сказуемых отгеснила "изафетную схему" на "синтаксическую периферию", в сферу выражения отношений атрибутивного типа и, что для нас особенно важно, в сферу зависимой предикации.

В свете сказанного должно быть ясно, что использование изафет-

ной схемы для оформления предикативного узла в зависимой части в наших глазах не является основанием для сомнений в полипредикативном характере целого, в его сложности.

От сложного предложения в алтаистике нередко требуют "наличного подлежащего" в зависимой части (напр., Дмитриев, 1939, с. 55-57; 1940, с. 148, 191; Алексеев, 1947, с. 177; Касьяненко, 1966, с. 7; и др.). Мы такое требование не считаем правомерным. О наличии подлежащего можно говорить лишь применительно к фразам, речевым построениям, а не конструкциям – языковым сущностям, которые являются подлинным объектом научного синтаксиса. В моделях конструкции может присутствовать или отсутствовать лишь позиция подлежащего. Например, в модели русского деепричастного оборота позиции подлежащего нет, деепричастие здесь всегда ориентировано на единственное подлежащее предложения через основное сказуемое (детальнее см.: Рябова, 1982). То же можно сказать об эвенкийских простых деепричастиях, но не о притяжательных, которые, как и бурятские деепричастия, имеют позицию собственного подлежащего и принимают личные показатели притяжательного типа. Формы, выступающие в роли зависимых предикатов, мы должны оценивать как способные или не способные иметь свое подлежащее (и, соответственно, формирующие конструкции разной степени сложности). Собственно-сложными мы считаем конструкции, части которых имеют полноценные предикативные узлы (далее ПУ). Если же предикат зависимой части грамматически ориентирован на субъект (подлежащее) главной, то конструкцию в целом мы считаем полипредикативной моносубъектной, а не сложной (см.: Черемисина, 1980б). Таким образом, сложное предложение всегда полипредикативно, как минимум бипредикативно, но полипредикативны не только сложные предложения. Моносубъектные конструкции, не будучи сложными, входят в область наших исследований, ибо без их учета нельзя получить целостной картины. Но в данной монографии вопрос о них не принципиален, ибо объектом предикативного склонения являются конструкции с причастной, а не деепричастной зависимой частью, причастные же зависимые сказуемые всегда имеют позицию собственного подлежащего. Во фразах, представляющих эти конструкции, подлежащие в зависимой части могут отсутствовать по разным причинам (контекстуальная неполнота, избыточность подлежащего при наличии показателей лица в сказуемом, односоставность, моносубъектность фразы и др.). Для нас это несущественно, и, поскольку мы исследуем конструкции, а не фразы, к анализу мы должны привлекать весь представляющий их материал.

§ 3. О понятии предикативного склонения

Термином "склонение" обозначают обычно систему падежных форм определенных разрядов слов. Ей соответствует представление о парадигме падежных форм той или иной части речи в данном языке. Склонение разных частей речи имеет свои содержательные и формальные особенности, поэтому субстантивное склонение обычно противопостав-

ляют адективному, местоименному, склонению числительных и причастий. Способность разных категорий слов принимать падежные формы связана с потребностью различать и маркировать синтаксические роли этих слов в речи. Самая прямая связь существует между падежными системами существительных и лично-предметных местоимений и актантными функциями, т.е. синтаксическими ролями подлежащего и дополнений. Конкретная падежная форма актанта в предложении диктуется требованием, исходящим от предиката, т.е. актуального сказуемого предложения или его деактуализованных производных, например деепричастия, причастия (напр.: "он поднял рукой крышку котла" – "поднимая рукой крышку котла" – "человек, поднявший рукой крышку котла").

Падежи, обслуживающие актантные роли, составляют ядро субстантивных падежных систем. Но эти системы не сводятся к ядру, в них входят также формы, выражающие подчинение одного имени другому (притяжательный падеж, генитив), формы, обусловленные конструктивным управлением (на якутском материале см.: Убрытова, 1950, с. 60-63) и не управляемые, сирконстантные или обстоятельственные, какими бывают обычно местный, направительный, продольный, отчасти исходный; нередко сирконстантные функции совмещаются с актантными в рамках одного формального падежа.

В некоторых языках, например в русском, падежную форму принимают адективные, причастные, местоименные определения, согласующиеся с определяемым существительным. Но алтайским языкам согласовательное склонение не свойственно, определяющее прилагательное или причастие здесь примыкает к определяемому во внепадежной форме. Только в эвенкийском и эвенском прилагательное и причастие закономерно, хотя и не обязательно принимают аффиксы числа и падежа, дублирующие показатели определяемого существительного: Алапчул=ва дикте=лг=ва деврэн – 'Вкусные ягоды съел', где =л – мн.ч., =ва/=ва – вин. п. (пример О.А. Константиновой, 1968, с. 83). Конкретные закономерности такого согласования в разных говорах не вполне одинаковы (подробнее см.: Василевич, 1940, с. 63; 1948; Колесникова, 1966, с. 248; и др.).

Адективное склонение глубоко отлично от субстантивного и по назначению, и формально; в русском специфичны сами флексии прилагательных, восходящие к местоименным. В нашу задачу не входит анализ отношений между системами склонения разных типов слов, но мы хотим подчеркнуть тот факт, что общее понятие склонения подразумевает разные типы изменения слов, даже если о предикативном склонении речи еще нет.

Термин "предикативное склонение" введен Е.И. Убрытовой. Она обозначила им систему падежных форм якутских причастий и функционально близких к ним имен наличия, отсутствия, обладания; поскольку главным объектом этого склонения являются причастия, она говорит о предикативном склонении причастий. Но причастия – это разряд глагольных слов (форм), и термин "склонение причастий" не выводил бы нас за рамки традиционного представления о склонении, если бы не добавление "предикативное".

Н.И. Фельдман в 1952 г. установила факт регулярного исполь-

зования в японском сложном предложении для выражения подчинения одной из предикативных частей тех же маркеров, которые в простом предложении оформляют именные члены (подлежащее, дополнения, обстоятельства) и оцениваются как аналитические показатели падежей.

Использование в этой роли отдельных показателей падежей, особенно дательно-местного, и раньше отмечалось исследователями восточных языков (см.: Рифтин, 1937). О таком использовании аффиксов нескольких падежей в эвенкийском языке писала Г.М. Василевич (1948, с. 54-55). Но Н.И. Фельдман впервые интерпретировала этот факт как "склонение предложений". Е.И. Убрятова дает использованию падежных аффиксов в якутском сложном предложении свою интерпретацию, которая близка к пониманию Н.И. Фельдмана, но не тождественна. Дело в том, что в якутском, как и в других последовательно агглютинативных языках, использование механизма склонения для связывания частей сложного предложения влечет за собой определенные расхождения между функциональным и формальным аспектами склонения.

Говоря о предикативном склонении причастий, Е.И. Убрятова четко показала, что и потребность, и способность склоняться якутские причастия получают постольку, поскольку они являются сказуемыми зависимых "предложений" (ПЕ) в составе сложного. Тем самым подлинным объектом склонения являются те предикативные единицы, куда причастие входит как сказуемое. Такая ПЕ может состоять из множества слов, но, по общему закону словоупотребления, замыкает ее сказуемое, которое и принимает на себя падежный аффикс. Например:

(7) Улахан малдыттар-атыпыттар кэлбиттэригэр тонустар таба идэпэлэннилэр - Когда приехали большие гости-купцы, эвенки (тунгусы) оленя закололи (Убрятова, 1976, с. 108).

Здесь сказуемое зависимой части - $\text{кэл}=\text{бит}=\text{тэр}=\text{и}=\text{гэр}$ - причастие на =быт в форме дательного падежа 3 л. мн.ч; эта форма - 'когда=приехали=они' - включает собою зависимую ПЕ; перед нею стоит подлежащее, перед ним - определение.

Аффикс падежа, морфологически встроенный в словоформу причастия, функционально принадлежит ПЕ. Предикативное склонение есть склонение предикативных единиц, но морфологически оно осуществляется через склонение причастных сказуемых. Не любое сказуемое зависимой ПЕ в составе сложного предложения способно принимать падежные аффиксы. Между этой способностью и морфологической природой причастия в алтайских языках существует глубокая связь. Поэтому предикативное склонение в этих языках предстает именно как склонение предикативных причастий.

Мы уже отмечали, что причастие в алтайских языках способно играть разные синтаксические роли. Мы отвлекемся от участия причастий в разного рода аналитических формах глагола и от функционирования причастных по происхождению форм в качестве узусных или окказиональных существительных, типа рус. трудящиеся, учащаяся, награбленное, укушенный, ибо это и есть уже существительные. У алтайского причастия есть три типа синтаксических функций. Первая - это роль определения, которая "конституирует" причастия как особый класс форм глагола. Причастиями принято считать лишь те формы, ко-

торые в числе других ролей выполняют роль определения при существительном.

Вторая роль алтайских причастий - роль конечного сказуемого, сказуемого простого предложения или тех частей сложного, которые устроены по финитному принципу, - тоже не предполагает склонения. Для сказуемых важно личное оформление, т.е. спряжение. В большинстве алтайских языков причастные сказуемые спрягаются, принимая лично-предикативные аффиксы. Но в монгольском и маньчжурском, как и в японском, личного спряжения нет, т.е. субъект действия выражается подлежащим и его характеристики формой сказуемого не отражаются.

Третья роль - это роль сказуемого зависимой части сложного предложения синтетического типа. Это, безусловно, самая сложная из ролей, которые может играть алтайское причастие. Оно сохраняет здесь важнейшие свойства сказуемого, поскольку оно и есть сказуемое. Это прежде всего соотносительность с подлежащим. В тех алтайских языках, где есть личное спряжение, мы считаем возможным говорить о координации главных членов как в простом (финитном) предложении, так и в зависимой части, построенной по "инфинитному принципу". Вместе с тем на причастную форму в составе таких конструкций ложится та функция, которую в европейских языках обычно выполняет союз: выражение подчинительного отношения к главной части сложного предложения. В подчинительных отношениях к главной части находится именно вся ПЕ, ибо она является исполнителем синтаксической роли, принципиально сопоставимой с ролью члена предложения, причем преимущественно именного. Этот вопрос будет подробнее обсуждаться в следующей главе, а сейчас достаточно сказать, что использование падежных показателей для маркирования ПЕ, выступающих в роли "предикативного подлежащего, дополнения или обстоятельства", представляется вполне закономерным.

Таким образом, эта третья роль требует от причастия одновременно и существенных свойств глагола, и столь же существенных свойств имени. Как глагол оно должно быть способно сочетаться с подлежащим и в меру "морфологической развитости" языка формально координироваться с ним в лице, т.е. спрягаться. Но одновременно оно должно и склоняться подобно имени, чтобы выражать те разнообразные отношения, в которых может находиться к предикату и предикативному узлу именной член предложения.

Инструментом, простейшим образом обеспечивающим алтайскому причастию решение этих задач, является механизм притяжательного склонения, которое формально отличается от безличного тем, что между основой и аффиксом падежа (в тюркских) или после аффикса падежа (в монгольских и тунгусских языках) ставится аффикс грамматического лица субъекта принадлежности (в маньчжурском категории притяжания нет). Мы уже говорили, что в составе причастного зависимого сказуемого эти аффиксы выражают не принадлежность, а грамматическое лицо субъекта причастного действия. Формальный аппарат притяжательного склонения существительных, перенесенный на предикативные причастия, оказывается в равной мере механизмом как скло-

нения, так и спряжения. Общность этой многомерной парадигмы с парадигмой притяжательного склонения очевидна. Тем не менее предикативное склонение – это другой механизм, заслуживающий специального изучения. Его содержательная специфика связана с преобразованием грамматической категории принадлежности в категорию лица.

О том, что притяжательные аффиксы в составе словоформы сказуемого зависимой части выражают именно грамматическое лицо, пишут многие алтаисты (Убрытова, 1976, с. 155; Василевич, 1940, с. 33; Мешанинов, 1949, с. 32; и др.). Это категориальное преобразование мы связываем со спецификой денотата причастия как глагольной формы, представляющей действие в его противопоставленности предмету в широком смысле этого термина. Действие не может "принадлежать" субъекту никак иначе, чем в качестве совершаемого им, состояние – как переживаемое им: мое лежание, твое хождение – не имеет другой интерпретации, чем я лежу (лежал, лежал бы), хожу (ходил, ходил бы). Сравним совсем иные возможности интерпретации при глагольных именах с предметными денотатами: моё варенье, вязанье, шитьё. Предметы легко отчуждаются от владельца, тогда как действие от исполнителя не отчуждается. Действие можно, конечно, мыслить в отвлечении от субъекта, но если оно представлено как "принадлежащее кому-то", то этот кто-то понимается только как субъект.

Использование в сфере зависимой предикации притяжательных показателей грамматического лица противопоставляет этот тип спряжения финитному, использующему "предикативные" аффиксы. Это последнее предстает как маркированный член оппозиции: формы с лично-предикативными аффиксами почти не проникают в систему зависимой предикации, тогда как лично-притяжательные в финитном спряжении используются достаточно регулярно.

Между притяжательным (по форме) спряжением причастных зависимых предикатов и их способностью сочетаться с показателями падежей есть закономерная связь. В плане выражения сочетание этих морфем четко мотивировано их стандартной сочетаемостью в системе притяжательного склонения имен. В плане содержания эта связь не так очевидна.

В сфере финитного спряжения специфика принадлежности как категории по преимуществу именной нивелируется, поскольку ее формальный аппарат дублирует функции предикативных аффиксов. Например, в тувинской форме кел-ди-ң – "ты пришел" аффикс -ң выполняет совершенно ту же роль, что энклитика сен в форме (сен) келген сен – "ты пришел": оба показателя выражают 2 л. ед. ч. В сфере зависимой предикации категория принадлежности частично восстанавливает свою связь с именами и получает специфическое дальнейшее развитие. Она становится важнейшим формальным выразителем номинализации ПЕ, а тем самым – семантическим фундаментом способности глагольной формы, не теряя глагольной, предикативной силы, не становясь именем процессуальной семантики, принимать падежные аффиксы.

Понятие "номинализация" используется во многих современных работах (см.: Арутюнова, 1976, с. 72; Гак, 1976, с. 85; Падучева, 1974, с. 193; и др.). Этот термин подразумевает процесс содержа-

тельного и формального приспособления предикативного синтаксического построения (предложения) к выполнению именных ролей в составе предложения более высокого ранга сложности. Например, предложение "Ваня пришел вчера поздно", чтобы стать в позицию подлежащего или дополнения относительно нового утверждения, должно номинализироваться: 1) "Ванин вчерашний поздний приход встревожил отца" или 2) "то, что Ваня вчера поздно пришел, встревожило отца". В дальнейшем нас будут интересовать номинализации второго типа, имеющие предикативный характер, т.е. внутреннее предложенческое устройство. Именно в таких конструкциях в алтайских языках используются причастные сказуемые, которые принимают падежные формы, не утрачивая свойственных глаголу личных, залоговых, аспектуальных и модально-временных значений, но выступая как пропозициональные имена, имена ситуаций. Термин "номинализация" может обозначать и конструкцию как результат преобразования. Предикативные номинализации в этом смысле и являются подлинным объектом предикативного склонения.

§ 4. Основные задачи и структура исследования

Задача нашего исследования состоит в том, чтобы под единым углом зрения осмыслить и описать относящийся к предикативному склонению материал, показать, как оно осуществляется в каждом языке, как соотносятся между собой определенные формы и определенные функции, а затем сопоставить те факты и закономерности, которые выявятся на материале отдельных языков; наша цель – раскрыть, по мере возможности, сущностные характеристики исследуемого механизма, единые для всех языков данной типологической общности, а может быть и шире. Ставя и пытаясь решить эту задачу, мы исходим из предположения, что эти характеристики алтайского предикативного склонения должны быть связаны с более общими характеристиками всего строя агглютинативных языков в их противопоставленности языкам других типов, прежде всего флективным.

Мы полагаем, что и в других языках должны быть свои грамматические механизмы, позволяющие решать те коммуникативные задачи, которые в алтайских решаются с помощью предикативного склонения причастий. При этом мы ожидаем, что в других агглютинативных языках, например финно-угорских, должны обнаружиться способы, существенно близкие к тем, которые выработаны алтайскими языками.

Высказывая эти предположения, мы пока не ставим задачи их проверить, подтвердить, доказать. Мы не имели возможности привлекать к анализу даже типологически самые близкие к алтайским уральские языки и в суждениях о них целиком опирались на специальную литературу (Серебренников, 1964; Терешенко, 1979; Дубровина, 1977; и др.). Европейские же языки, и особенно русский, мы старались привлекать к анализу постоянно. Но в силу глубоких различий во внутренней организации алтайских языков и русского мы не видели смысла в сопоставлениях "на уровне явлений". На этом уровне можно увидеть только последовательное несходство. Уровню явлений

мы противопоставляем уровень языковых сущностей, который не называем "глубинным", потому что в этот термин вложен уже другой смысл.

Явления доступны непосредственному наблюдению. Сущности прямому наблюдению недоступны. Мы проникаем в них в результате целенаправленного исследования, опираясь на определенную теорию и используя соответствующую ей концептуальную призму. А так как той призмы, которая нам нужна, до и независимо от нашего исследования не было, ее построение стало особой задачей или проблемной стороной исследования. Мы будем стремиться оговаривать смыслы употребляемых терминов и формулировать понятия так, чтобы они сохраняли свой смысл, будучи соотнесены с фактами (явлениями) языков разных структурных типов. Разработку концептуального, понятийно-терминологического аппарата, пригодного для описания сложного (полипредикативного) предложения в языках разных систем, мы считаем задачей не менее важной (и никак не менее сложной), чем само первичное описание и сопоставление разноязычного материала.

В ходе исследования мы стремились к тому, чтобы в центре внимания были факты, общие для ряда анализируемых языков. Это не освобождает нас от фиксации специфики каждого языка, но в данной работе не она является главной. Исследование показало, что механизм предикативного склонения в изучаемых языках принципиально един. Но в разных языках его удельный вес оказывается далеко не одинаковым и разные потенции этого механизма получают не совсем одинаковое развитие. Наиболее специфичен в этом смысле маньчжурский язык; в нем всего два причастия и пять падежей, из которых два задействованы в предикативном склонении крайне слабо. В силу этого ряд синтаксических смыслов, которые в других изучаемых нами языках передаются формами предикативного склонения, в маньчжурском выражаются другими способами. Здесь большее, чем в других алтайских языках, значение имеют служебные слова союзно-последовательного типа, деепричастные формы, аналитические конструкции и др. Поэтому впредь, говоря "алтайские языки", мы будем иметь в виду прежде всего основную группу, состоящую из пяти языков: трех тюркских, бурятского и эвенкийского. Специфику маньчжурского нам часто придется оговаривать особо.

Структура работы, ее членение на главы и внутренняя структура глав, посвященных анализу фактического материала, определяются нашим пониманием стоящих перед нами задач. Две первые главы представляют собой теоретическое введение в исследование. Здесь излагается теоретическая установка авторского коллектива, общая концепция исследования, вводятся центральные понятия и термины, ставятся задачи, характеризуется материал исследования, методика его получения и обработки.

Дальнейшие главы посвящены анализу и интерпретации фактического материала. Основанием распределения материала по разделам мы выбрали падежи предикативного склонения. Порядок представления падежей не совпадает с тем, в котором падежи обычно предстают в парадигмах. Для нас принципиально значимым оказалось деление паде-

жей (и падежных значений) на субъектно-объектные, или актантные, и обстоятельственные, сирконстантные; особо выделяется приименный, притяжательный падеж, генитив, занимающий в предикативном склонении особое место.

Группу актантных составили четыре падежа: винительный, дательный, исходный и неопределенный, т.е. прямой. Каждый из них в системе предикативного склонения выполняет свои особые функции, и все они связаны между собой тесными системными отношениями, природа которых существенно определяется залоговыми свойствами предикатов, управляющих этими падежами. Впрочем, надо сразу же оговориться, что понятие залога как категории глагола оказывается слишком узким для интерпретации отношений, в которых участвуют предикативные актанты.

Первое место в системе актантных падежей неслучайно отводится винительному: это падеж объекта в самом прямом и чистом смысле термина, самый "простой", определенный и однозначный падеж в системе предикативного склонения. Ему посвящена третья глава. В четвертой главе в центре внимания находятся дательный и исходный падежи, объектные функции которых в предикативном склонении, как показало исследование, принципиально близки. Эти падежи связаны с предикатами, выражающими реакцию, прежде всего эмоциональную, на некоторое событие. Исходный падеж сочетается с глаголами эмоционального отталкивания ('бояться', 'стыдиться', 'брезговать', 'испытывать отвращение'), дательный — с глаголами, передающими более широкий спектр эмоциональных и других реакций (о сочетаемости этих падежей в системе субстантивного склонения см. работу А.А. Кокляновой, 1962, с. 39-100, на узбекском материале). В этой же главе коротко рассматриваются объектные функции других падежей.

Пятая глава посвящена прямому, "неопределенному", падежу, традиционно открывающему собой парадигму склонения. Не совсем обычное место в нашем исследовании отводится ему в связи с тем, что это падежная форма подлежащего, которую принимает предикативный актант при определенных залоговых, или квази-залоговых, поворотах конечного сказуемого и всей конструкции в целом. В простейшей же, прямой залоговой форме конструкции этот актант выступает, как было отмечено, в дательном, исходном или винительном падеже. Мы начинаем анализ с конструкций, где отношения между актантами и предикатом проще.

В шестой главе исследуются обстоятельственные падежи и обстоятельственные функции падежей в системе предикативного склонения. Материал показал, что даже местный падеж тюркских языков, хотя и редко, оформляет предикативный актант. То же можно сказать и о других падежах. Это дательно-местный в бурятском, дательный в эвенкийском и маньчжурском, дательный в тувинском, где он конкурирует с местным в передаче временных значений; причинные и временные значения передаются и исходным падежом, и творительным. Но подробное исследование обстоятельственных функций падежей не было главной целью настоящей работы. В выражении причинных, временных и некоторых других обстоятельственных значений средствами полипре-

дикативных конструкций, наряду с маркерами падежей, активно участвуют и другие показатели связи: аффиксы деепричастий, косвенных наклонений (в тюркских), послелог, частицы, даже союзы. Чтобы четко выделить и описать функции именно падежных форм причастий в этих сложных системах, которые к тому же в каждом языке организованы по-своему, нужно исследовать эти системы полностью, а это уже предмет особой работы.

Последняя глава посвящена родительному (притяжательному) падежу. Она невелика, потому что функции этого падежа в системе предикативного склонения ограничены. Генитив сохраняет и здесь приименную природу, сочетаясь с определенным кругом существительных отвлеченной семантики.

В заключении подводятся краткие итоги сопоставительного анализа, который проводился в основных главах. Мы старались показать, в чем сходятся и расходятся исследуемые языки в той сфере, которая была предметом исследования.

§ 5. Материал исследования, методика сбора и обработки

Исследование с самого начала планировалось как сопоставительно-типологическое (см.: Черемисина, 1978). Но, приступая к нему, мы не располагали сопоставимыми материалами. Попытки извлечь факты, необходимые для разработки стратегии, из существующих описаний алтайских языков Сибири, из статей и монографий об интересующих нас конструкциях оказались малоэффективными. Мы убедились, что разноязычные факты, которые нами ощущаются как параллельные, типологически идентичные, в описаниях предстают как весьма отдаленные, а иногда и наоборот. А главное, при отсутствии полных систематических описаний сложного предложения отбор фактов у отдельных авторов определяется конкретной задачей, задачи же каждый ставит свои, и вероятность того, что какой-то круг релевантных для нас задач окажется поставленным параллельно на материале нескольких языков, сводится к минимуму.

Сопоставимые материалы мы начали собирать сами. Традиционный для письменных языков путь – выписка нужных явлений из авторитетных текстов; но нам предстояло работать с младописьменными, а далее и бесписьменными языками, где нет богатых корпусов текстов. Нам нужна была такая методика сбора материала, которая позволила бы интенсивно собрать представительный массив сопоставимых данных по ряду языков. Постепенно мы разработали программу-вопросник, куда сейчас входит более тысячи фраз-стимулов на русском языке. Они представляют все основные функциональные типы, инвентарь которых мы составили на базе описаний русского синтаксиса. Мы исходили из того, что функциональные типы, в отличие от структурных, интернациональны. Мы допускаем и даже предполагаем, что в языках высокоразвитых обществ, с длительной литературной традицией и мощным корпусом разнообразных текстов, функциональная система

сложных предложений окажется более дифференцированной и сложной; что в некоторых младописьменных и бесписьменных языках (например, в нганасанском, тофском) может не оказаться некоторых функциональных подтипов (например, близкое/очень близкое следование, непосредственное предшествование, произвольная /произвольная/ непредвиденная причина). Но чтобы выявить такие лакуны, уже необходимо целенаправленное исследование по стандартной программе. Понятно, что собирая материал по функционально ориентированному вопроснику, мы получаем в свое распоряжение данные и обо всех структурных типах конструкций, используемых языками для выражения определенных содержательных отношений.

Стремясь застраховать себя от ошибок и искажений, которые могут быть следствием давления русского образца, мы проводили с информантами инструктаж, предостерегали от дословного перевода и просили их представить себе реальную ситуацию фразы-стимула, чтобы затем высказать ту же мысль на родном языке. Все неясности в полученных материалах мы стремились "снять" в беседах с носителями языка путем дополнительных вопросов, экспериментальных перестроек, обратных переводов и др. Но надо признать, что этот прием был не особенно продуктивен: информанты нередко оставляли очень сомнительные фразы, выбраковывая вполне корректные, подтвержденные впоследствии и квалифицированными специалистами, и литературными текстами.

Главной гарантией надежности данных был для нас широкий охват информантов и массовость материала. Традиционно диалектологи и исследователи бесписьменных языков стремятся записывать спонтанную речь и фольклор от представителей старшего поколения, меньше других подверженных влиянию русского, т.е. от людей с минимальным образованием. Мы, наоборот, ориентировались на национальную интеллигенцию, на ту ее часть, которая в семье, в повседневном общении сохраняет и развивает родной язык. Нашими информантами были билингвы с образованием не ниже пяти классов, чаще со средним и высшим – учителя, писатели, работники радио, врачи и другие.

По каждому языку (и диалекту) мы собирали по 3-4 комплекта ответов на фразы вопросника, а по основным языкам и больше. Вопросник же организован так, что каждый функциональный тип представлен в нем серией фраз (от 4-5 до 30 и даже 50 в наиболее сложных и важных случаях). Мы полагаем, что, если несколько квалифицированных информантов независимо друг от друга в ответ на однотипные фразы-стимулы дают одни и те же регулярно повторяющиеся конструкции, мы обязаны считать эти конструкции действительно принадлежащими этому языку.

Массовый материал собирался нами в четырех экспедициях, которые были проведены в 1979-1982 гг.: в 1979 г. – в Курумканский р-н Бурятской АССР, где проживают эвенки и буряты; в 1980 г. – в Тувинскую АССР (Тоджа, Каа-Хемский р-н, Бай-Тайгинский р-н, Самагалтай), в 1981 г. – в Горно-Алтайскую АО (Усть-Канский, Онгудайский, Шебадинский р-ны), в 1982 г. – в Хакасию и Туву (Тоджа, Эрзин).

Параллельно с опросом информантов проводилась обработка лите-

ратурных источников материала. Экспериментальный массовый материал позволил нам наметить общие контуры системного представления о сложном предложении в изучаемых языках и выработать определенные ожидания, с которыми мы подходим к каждому новому языку. Литературные источники позволили пополнить картотеку разнообразными оригинальными образцами национальной речи. Литературные тексты выявляют типичность тех или иных построений и вообще являются, конечно, гораздо более надежным источником информации. Но, работая с текстами, мы не можем знать, где, когда и как часто встретится нам фраза именно той конструкции и семантики, о которой нам нужна информация. Поэтому массовый опрос и данные текстов дополняют друг друга, обеспечивая в совокупности быстрое и надежное накопление материала.

Что касается обработки материала, подготовки его к исследованию и основных исследовательских процедур, то нам представляется существенным следующее. Объектом наблюдения в синтаксическом исследовании всегда бывают фразы, т.е. речевые построения, явления "эмических сущностей" синтаксического уровня, которые удобно называть конструкциями и моделями. Термин "предложение" в этом аспекте двусмыслен, он равно подразумевает и единицу языка, и речевое построение, фразу. В нашей картотеке представлены, разумеется, фразы. Реальные фразы, выписанные из текстов, как правило, бывают довольно длинными и несут в себе информацию одновременно о многих синтаксических конструкциях разных уровней. Экспериментальные фразы в этом плане "стерильней", так как побочная информация в них минимализована. Это существенно упрощает задачу их обработки.

Конструкции (модели), как и все эмические сущности языка, напрямую наблюдению недоступны; но информацию, которая накапливается в ходе исследования, нужно относить к некоторым фиксированным объектам — каким-то моделям. Для этого модель надо наглядно представить. Фонемы принято представлять транскрипционными знаками, морфемы и лексемы — буквенной записью. Для представления синтаксических моделей адекватным способом являются формулы, построенные из заранее оговоренных символов по заранее оговоренным правилам. В процессе нашего коллективного исследования постепенно складывалась и своя символика, которая теперь уже прошла известную апробацию, так как использована в публикациях отдела филологии ИИФФ и защищенных диссертациях Е.К. Скрибник, Н.Н. Ефремова, Ю.И. Васильева; этот аппарат подробно описан в статье М.И. Черемисиной (1981а).

Однако в этой книге у нас не будет острой потребности в обращении к формулам. Мы постараемся обойтись простейшими символами, а именно: символ Т (от слова "тема") обозначает основу слова; он сопровождается частеречным конкретизатором: T_V — основа глагола, T_N — имени. Символ // обозначает синтаксическую позицию личных (лично-предикативных или чаще лично-притяжательных либо субъектно-притяжательных) аффиксов в глагольной, причастной или именной словоформе.

Знак = используется нами регулярно для морфемного разбиения словоформ. Такому членению подвергаем лишь те словоформы в составе иллюстративного материала, на которые в данном случае должно быть обращено специальное внимание читателя; при этом членится лишь финальная часть словоформ: нерасчлененность начальной части не всегда означает ее нечленимость.

* * *

Отдельно нужно сказать несколько слов о маньчжурских и эвенкийских материалах.

В данном исследовании использованы материалы по литературному маньчжурскому языку и одному из живых диалектов этого языка — сибирскому. Фразовые примеры, относящиеся к литературному языку, взяты из изданных в разное время маньчжурских грамматик И.И. Захарова (1879) и Б.К. Пашкова (1963). Фразовые примеры, на основе которых делаются наблюдения над сибирским диалектом, взяты из текстов акад. В.В. Радлова "Сиди Кур", переписанных и переведенных впоследствии Е.П. Лебедевой в точности с того варианта, который в 1893 или 1894 г. сделал В. Котвич, внесший некоторые изменения в транскрипцию В.В. Радлова. Этот вариант текстов хранится в Архиве ЛО АН СССР. Примеры из "Сиди Кур" в этой работе делаются на основе записей Е.П. Лебедевой, которая предоставила эти материалы в наше распоряжение и которой наш коллектив приносит за это свою благодарность. Эти материалы: тексты "Сиди Кур", переписанные и переведенные в 1958–1959 гг. Е.П. Лебедевой, и рукопись Е.П. Лебедевой "Сибирский диалект маньчжурского языка (по материалам акад. В.В. Радлова)".

Право на иллюстрацию теоретических положений, касающихся маньчжурского языка, примерами как из литературного языка, так и из сибирского диалекта мы обосновываем двумя факторами: 1) по мнению Е.П. Лебедевой и нашему мнению, вариант сибирского диалекта, зафиксированный В.В. Радловым в его текстах "Сиди Кур", очень близок литературному маньчжурскому; 2) по нашим наблюдениям, полипредикативные конструкции в литературном маньчжурском и в используемой версии сибирского диалекта построены по принципиально однотипным моделям, которые можно считать вариантами относительно некоторого инварианта, "языка-конструкта", наддиалектной системы.

По эвенкийскому языку в работе использована личная картотека Л.М. Бродской, составленная на базе различных, прежде всего фольклорных текстов и материалов экспедиций (1964 г., пос. Кислокан Эвенкийского национального округа — в примерах помета (Кисл.); 1965–1966 гг. — в пос. Хантайское озеро Таймырского национального округа (Хант.); 1968 и 1976 гг. — в пос. Наканно Катангского района Иркутской области (Нак.)).

ПРЕДИКАТИВНОЕ СКЛОНЕНИЕ КАК СИНТАКСИЧЕСКИЙ МЕХАНИЗМ

§ 1. Основные проблемы исследования предикативного склонения

Исследуя предикативное склонение в алтайских языках Сибири, мы убедились в том, что это не просто один из приемов выражения связи между частями полипредикативных конструкций. Это центральное звено в общей системе грамматических средств гипотаксиса, понимаемого как несоюзное подчинение. С предикативным склонением связаны и аналитико-синтетические конструкции, где причастное сказуемое зависимой части сопровождается послелогом или частицей. К падежным формам предикативных причастий восходят многие так называемые "вторичные" формы, соединяющие в себе черты деепричастий с признаками причастий (напр.: каз. формы на ган-мен, на ысы-мен, каз. и кирг. на ган-дык-тан, азерб. на ган-да и др.; ср. также: форму на р-га, во многих тюркских языках называемую инфинитивом; в бур. формы на хача, на хаар и др.).

Е.И. Убрятова обратила внимание на многие важные черты внутренней организации предикативного склонения, в частности на специфику предикативных падежных форм, обусловленных управлением главного сказуемого, по сравнению с такими падежными формами, которые выражают определенное отношение зависимой части к главной независимо от того, требует ли главное сказуемое именно этого падежа. Таковы причастно-падежные формы, передающие временные, причинные, заместительные, сравнительно-сопоставительные и другие отношения обстоятельственного типа.

Предикативное склонение в алтайских языках – это грамматический механизм, регулирующий использование падежных форм при построении разных типов полипредикативных конструкций. "Механизмом" мы называем систему правил, позволяющих носителям языка строить и понимать предложения данного класса. Чтобы выявить и описать эти правила, понять природу этих закономерностей, нужно рассмотреть проблему предикативного склонения на фоне некоторых более общих вопросов: о синтаксических функциях падежей, о понятиях членов предложения и синтаксических функций компонентов предложения, о специфических условиях, в силу которых одни языки, например алтайские, свободно используют аппарат склонения в сфере сложного предложения, в то время как другие, например русский, связаны жесткими ограничениями, не позволяющими непосредственно склонять предикативные формы.

Первичная функция падежей, как известно, заключается в маркировании синтаксических ролей имен в простом предложении. Классификации падежей и их функций под этим углом зрения посвящены рабо-

ты Е.Куриловича (1962), Э. Бенвениста (1974), А.А. Зализняка (1967), Ч. Филмора (1981,а,б) и других. Мы не собираемся пересматривать или корректировать их выводы, но анализ предикативного склонения требует от нас своего взгляда на эти отношения.

В контексте данного исследования оказывается значимым противопоставление двух типов функций, выполняемых падежными формами: это, с одной стороны, отношение участников действия к действию, а через действие и друг к другу; с другой – выражение разных обстоятельственных характеристик главного события в целом. Функции первого типа, субъектно-объектные (или актантные), тесно связаны с залоговыми характеристиками предикатов и шире – с диатезами, которые характеризуют неглагольные предикаты; например: "Бригадир возмущен тем, что вы пытались его обмануть" – "Бригадира возмутило то, что вы пытались его обмануть" – "То, что вы пытались обмануть бригадира, возмутительно".

В алтайских языках залоговые формы глаголов четко маркированы морфологическими показателями. Реализуясь в составе определенных синтаксических конструкций, т.е. сочетаясь с именными формами в определенных падежах, эти формы позволяют по-разному "поворачивать" роли участников события (действия) и существенно варьировать само представление о действии.

Субъектные и объектные роли, сохраняя взаимную соотнесенность и противопоставленность, в ходе залоговых трансформаций постоянно переходят друг в друга. Залоговые конструкции в каждом языке составляют определенную систему, парадигму. Значение каждой конструкции определяется ее местом в этой системе, поэтому адекватное описание отдельной конструкции с необходимостью требует представления парадигматического фона, на котором она существует, по крайней мере того фрагмента системы, которому она непосредственно принадлежит, тех других залоговых форм, с которыми данная форма связана прямыми оппозиционными отношениями.

В контексте исследования предикативного склонения существенно следующее. Когда в роли актанта оказывается предикативная единица, референтом которой является событие действительности, то кажется естественным ожидать, что субъектная роль, роль инициатора действия, в данном случае психического, будет исполняться словом, представляющим человека, носителя мысли и чувства. Соответственно, предикативная единица займет позицию объекта, на который направлено это действие. Например: "Я вспомнил, что ягуары в здешних лесах не водятся"; "Валерий Петрович очень сожалеет, что вы не едете в экспедицию". Ср. также как.: Хаҗан хайдаг кун тузер=ин, хар чагар=ын, хазыр пораннар толгырын азынада пилчеbis (МТ.ПТ, 57) – Когда какой день выпадет, пойдет ли снег, закружат ли сильные метели, мы заранее знаем (зависимая ПЕ в форме винительного падежа).

Однако, как показало проведенное нами исследование, алтайские языки располагают системами синтаксических форм, позволяющими поставить событийный предикативный актант и в позицию подлежащего, одновременно изменив залоговую форму глагола или трансформи-

ровав глагол в именной предикат. Иными словами, в этих языках отчетливо выявляется особая подсистема синтаксических залоговых форм, конструкций, связанных отношениями взаимной трансформируемости объектных и субъектных позиций (ролей), замещаемых предикативными единицами. Эти конструкции и отношения между ними будут подробно рассмотрены ниже, в третьей – пятой главах.

Обстоятельственные функции падежей в предикативном склонении, как и актантные, базируются на аналогичных функциях словоформ в простом предложении. В системе субстантивного склонения первичными нам представляются локальные, пространственные значения, самые конкретные на фоне других обстоятельственных значений. Их ближайшим и естественным продолжением являются темпоральные, которые представляют собою, по сути дела, транспозицию пространственных на временную шкалу; ср. эвенк.: дию=ду 'в доме', анцани=ду 'в году', хаңар=дули 'через отверстие', анцани=дули 'через год'. Впрочем, полной аналогии темпоральной и локальной семантики падежей не может быть и в простом предложении.

Результатом дальнейшего развития, идущего по линии абстрагирования исходного пространственного значения, являются различные типы значений обусловленности. Неслучайно, например, причинное значение выражается теми же падежными формами, что и значения пространственной и временной локализации. Впрочем, в простом предложении эти значения представлены слабо: причина, следствие, цель – это всегда событие, действие, для явственного выражения которого необходима предикативная единица. В русском и других европейских языках есть значительный фонд отглагольных существительных, которые способны замещать собою предикативные единицы, являясь их лексическими номинализациями (скандал, прополка, усталость, постукивание). В алтайских языках таких имен несомненно меньше; в исследуемых нами языках они встречаются очень редко, несравненно реже, чем предикативные единицы в соответствующих позициях.

В предикативном склонении наблюдается иное соотношение функций. Значения обусловленности и особенно значения времени представлены здесь достаточно широко. Зато локальные в большинстве языков отсутствуют, поскольку их реализация требует переосмысления исходного событийного значения предикативной конструкции в пространственное, которое являет собой разновидность предметного значения. Способность к такому переосмыслению среди изучаемых нами языков обнаружил лишь эвенкийский.

В реальных падежных системах большинство падежей выполняет как субъектно-объектные, так и обстоятельственные функции. Даже самый чистый объектный падеж, винительный, как известно, не свободен от обстоятельственных значений (ср. рус.: проехали половину пути, миновали деревню, работали всю ночь). Падежи, преимущественно обстоятельственные, нередко оказываются способными выражать не только объектные, но и субъектные функции (например, исходный субъекта действия в монгольском; см.: Пюрбеев, 1981, с. 83).

Традиционные представления о ролях словоформ отражены в терминах членов предложения. В простейшем случае член предложения –

это словоформа, исполняющая определенную синтаксическую роль. Понятие "член предложения" распространилось и на аналитические формы, типа буду работать, и на идиомы, а затем и на причастные и деепричастные обороты и другие конструкции. Между тем причастие и деепричастие – формы глагола, сохраняющие его конструктивные потенции, модель управления. Они способны иметь свои зависимые слова, которые неудобно называть членами предложения, если так уже назван оборот в целом (Черемисина, 1977, с. 10).

Неудобство такой ситуации очевидно. Чтобы преодолеть его, нужно устранить причину, порождающую такое следствие. Мы видим ее в смешении представлений о функциях и формах, выполняющих функции. Нужно признать, что синтаксическая функция может оставаться тождественной самой себе, независимо от того, как устроена выполняющая ее форма: отдельная ли это словоформа, или сочетание слов, или предикативная единица.

Зависимые предикативные единицы (ЗПЕ) нередко трактуются как функциональные аналоги членов предложения. Но что такое функциональный аналог? Если дополнение или обстоятельство – синтаксические функции, то могут ли эти функции иметь функциональные аналоги? Функциональный аналог может иметь только форма, выполняющая такую роль. Например, функциональным аналогом обстоятельства-наречия может быть падежная форма существительного.

Термины членов предложения задают прочную, хотя и грубую основу, на которой можно строить уточненные представления о функциях компонентов простого предложения. Для сложного предложения такой системы представлений и терминов нет. О функциях предикативных частей в составе бессоюзного и сложносочиненного предложения вообще, по-видимому, говорить пока невозможно. Но и в сфере сложноподчиненного предложения, хотя оно и изучено лучше, и по своей структуре гораздо ближе к простому предложению с его иерархией компонентов, пока еще нет разработанной терминологии для описания функций его компонентов. А то, что есть, возвращает нас к учению о членах предложения: придаточные причины, условия, уступки и т.д., есть те же самые обстоятельственные функции "в исполнении" предикативных единиц.

В контексте нашего исследования целесообразно признать функциональную основу понятий о членах предложения и решительно снять альтернативу "член предложения или предикативная единица". Функции, выполняемые словоформами, могут в принципе выполняться и предикативными единицами, хотя, вероятно, не все функции предикативных единиц открыты словоформам, и наоборот. Понятно, что целое, которому принадлежит предикативный член предложения, уже не является монопредикативным (простым) предложением.

Субъектно-объектным и обстоятельственным функциям в терминах членов предложения соответствуют подлежащее, дополнение и обстоятельство. В простом предложении эти функции маркируются показателями падежей. Естественно ожидать, что при выполнении этих ролей предикативными единицами могут, а может быть, и должны использоваться те же самые формальные показатели. Анализ специальной ли-

тературы и – в пределах доступности – самого эмпирического материала по разным языкам подтверждает, что эти показатели действительно используются – в той мере, в какой это допускает строй каждого конкретного языка.

Агглютинативный строй достаточно легко и естественно допускает склонение предложений. Флективный строй такого, например, языка, как современный русский, если и допускает что-то подобное, то с гораздо большим трудом. И мы полагаем, что комментария требует как раз не факт склоняемости предложений (ПЕ) в языках агглютинативного строя, а их несклоняемость (неочевидность, ограниченность склонения предложений) в русском и других европейских языках, сохраняющих систему именного и местоименного склонения. Чтобы разобраться в причинах этого, коротко остановимся на том, что понимается под склонением и как "устроено" склонение в разных языках.

§ 2. Формальные типы склонения в изучаемых языках

Содержание и объем понятий "падеж" и "склонение", состав, функции и формальные особенности падежей в разных языках мира рассматривались в последние десятилетия под разными углами зрения. Обсуждался и вопрос о том, какие формы следует и не следует рассматривать как падежные. Позиция авторов в каждом случае зависела от того, в каком проблемном контексте, ради каких исследовательских задач предпринимался данный экскурс в теорию падежа. Именно поэтому и мы должны сформулировать свою позицию по некоторым узловым вопросам.

Мы исходим из понимания падежа как грамматической категории имени существительного и лично-предметных местоимений, которая в определенных синтаксических условиях способна распространяться на "просубстантивные", номинализованные синтаксические построения, выполняющие актантные и сирконстантные роли. План выражения категории падежа составляют взаимно противопоставленные грамматические формы склоняемых единиц. Эти формы могут быть синтетическими или аналитическими.

Грамматическое описание языка сводит падежные формы в парадигму склонения. Термин "склонение", непосредственно обозначая эту систему форм, вместе с тем утверждает существование склоняемого объекта, который меняется, "пробегая" по парадигме, но сохраняет тождество самому себе. Таким объектом первично является субстантивная, или прономинальная, лексема, а вторично, в системе предикативного склонения, – предикативная конструкция. Лексему мы представляем "начальной формой" прямого (именительного) падежа; начальную форму должна иметь и предикативная конструкция – это внепадежная, "надпадежная" форма простого предложения.

Парадигму склонения обычно представляют формами склоняемых слов. Но можно представлять ее и теми компонентами падежных форм, которые отличают одну форму от всех других. Эти дифференциальные

компоненты мы будем называть "маркерами" падежей. Этот термин мы вводим как функциональный, не стоящий в одном ряду с морфологическими терминами типа "флексия", "аффикс", "аналитический показатель", "предлог", "последок". Маркеры могут иметь разную морфологическую природу. В зависимости от того, какова эта природа, какие именно маркеры используются тем или иным языком для выражения падежных значений, различаются формальные типы склонения.

В языках, которые находятся в зоне нашего внимания, представлено три формальных типа падежных систем. Обозначим их условно как "обшеалтайскую", "японско-маньчжурскую" и "русскую". Хотя маньчжурский язык принадлежит алтайской общности, в которую многие специалисты склонны включить и японский, но по ряду признаков, очень существенных в данном контексте, японский и маньчжурский противопоставят тюркским, монгольским и тунгусским языкам.

Рассмотрим теперь признаки, которые различают эти формальные типы склонения и противопоставляют их друг другу.

1. Обшеалтайский тип склонения определяется, во-первых, однозначностью соответствия между падежами и маркерами, во-вторых, аффиксальным характером маркеров. Аффикс падежа составляет органическую часть словоформы. Он подчиняется закону гармонии гласных и ассимиляции согласных. Поэтому каждый падежный аффикс имеет столько фонетических вариантов, сколько предписывает система данного языка. В якутском языке таких вариантов бывает до 16, в датском падеже даже до 20 (Грамматика современного якутского..., 1982, с. 130–141).

В идеальных системах этого типа не должно быть ни совпадений фонетических вариантов разных падежных аффиксов, ни вариантов, не сводимых к фонетическому инварианту, ни маркеров, не удовлетворяющих фонетическим критериям аффикса. Но в реальных системах алтайских языков каждое из этих правил в каких-то случаях нарушается. Например, в хакасском языке в звучании =наң / =нең совпадают аффиксы исходного и творительного падежей; во всех тюркских языках аффикс винительного падежа в 3 л. притяжательного склонения – =ын / =ин – фонетически не выводится из аффикса безличного склонения =ды. Представлены в тюркских языках и маркеры, не вполне отвечающие требованиям аффикса. Например, в казахском в парадигме склонения включен творительный падеж, маркер которого =мен / =бен / =нең не подчиняется закону гармонии в силу своего недавнего "последнего прошлого" и неполной переработанности аффиксальной системой склонения (см.: Кенесбаев, Карашева, 1966, с. 323; Томанов, 1982).

2. Японско-маньчжурский тип склонения по первому признаку объединяется с обшеалтайским: маркеры и здесь однозначно соответствуют падежам. Но в этих языках не действует (в японском) или не распространяется на падежные показатели (в маньчжурском) закон гармонии гласных, цементирующий алтайскую словоформу. Без поддержки гармонии именная словоформа не может существовать как синтетическое образование, она становится аналитической. Маркеры падежей, выполняя совершенно те же функции, что и алтайские аффиксальные маркеры, оказываются настолько фонетически обособленными от имен-

ной основы, что ощущаются и осознаются (в частности, на письме) как функциональные и фонетические "отдельности". Называть их аффиксами мы не можем. Термин "послелог", который чаще всего употребляют, говоря о таких показателях в японском языке (напр., Вардун, 1964, с. 33-36), применительно к маньчжурскому нам представляется неправомерным (о чем ниже), а термин "формант" (Алпатов, 1979, с. 13-15) — слишком широким, не дифференцирующим маркеры общеалтайского и маньчжурского типа.

В лингвистической литературе не раз высказывались сомнения относительно правомерности трактовки предложно-именных сочетаний как падежных форм. Эти сомнения естественно распространяются и на послеложно-именные сочетания. Поэтому, назвав маркеры японско-маньчжурского типа послелогами, мы поставили бы под сомнение правомерность выделения второго формального типа склонения; выделяя его, мы исходим из того, что маркеры здесь послелогами не являются.

С термином "послелог" в алтаистике связано довольно смутное представление о множестве служебных слов, едва ли не единственным общим признаком которых является позиция — за знаменательным именем. Послелогами часто называют разного рода частицы, модальные и компаративные показатели (тув. *дег*, *ышкаш*, *хак*, *осхас*, якут. *курдук*, бур. *адли* и т.п.), не имеющие отношения к падежам. В тюркологии в число послелогов включают служебные имена, никак не претендующие на роль падежных маркеров. Некоторые "собственно послелоги", подобно русским предлогам, управляют косвенными падежами (напр., тув. *бээр* — исходным, *чедир* — дательным). Ясно, что они лишь уточняют падежные значения, выраженные аффиксами (см.: Черемисина, Скрибник, 1980, с. 64-65; Цыдыпов, 1972, с. 237-242). С аффиксальными маркерами сопоставима в принципе лишь одна группа послелогов — те, которые сочетаются с именной формой без падежного оформления. Однако и в этом случае, прежде чем решать, что перед ними, маркер падежа или послелог, примыкающий к *casus indefinitus* (Böhtlingk, 1851, § 389-401), нужно установить критерии разграничения падежа с нулевым маркером и основы, с которой не синтаксически, а морфологически может сочетаться аналитический падежный маркер, "постклитика". Ввиду теоретической значимости этого вопроса остановимся на нем немного подробнее.

В алтаистике уже назрела потребность в теоретическом и практическом разведении представлений о "прямом" падеже как аналоге европейского именительного и о других падежно неоформленных употреблениях имен — как в системе склонения, так и вне ее. Так, по мнению многих алтаистов, с одной стороны, "прямой" падеж в качестве падежа подлежащего противопоставит всем косвенным падежам второстепенных именных членов предложения; но, с другой стороны, "прямой" падеж не противопоставит косвенным, а функционирует подобно им, и тогда факт и характер подчинения выражаются лишь позициями подчиняющего и подчиненного слова. Следует подумать: остается ли в этом случае именная форма без маркера формой прямого падежа? И монголисты, и тюркологи нередко говорят в таких случаях о "неоформленных" косвенных падежах (напр., Бертагаев, 1968, с. 18; Дыренкова,

1940, с. 244; и др.). Но возможна и третья точка зрения на эти формы: в них можно видеть не словоформы, а именные основы, компоненты аналитических сложных слов (ср. рус.: *снегозадержание* — *задержание снега*; в составе сложного слова не остается "родительного падежа").

Внепадежное употребление имен, хотя и несколько иного типа, усматривается в определительных словосочетаниях с примыкающим определением и в сочетаниях изафетного типа, но без генитивного оформления первого члена. Если в изафете еще можно говорить о "неоформленном генитиве" (хотя сама идея множества "неоформленных падежей" очень сомнительна), то уж примыкающее определение может мыслиться только как внепадежная форма.

Сказанное можно представить схемой 1.

Мы считаем, что аналитические маркеры падежей не могут сочетаться с формами *casus indefinitus*. Если в составе сочетания, где предполагается маркер или послелог, имя уже имеет какую-то падежную форму (в частности, маркированную отсутствием показателя), то второй компонент должен трактоваться как послелог, модифицирующий это падежное значение; маркером другого падежа он быть не может. Отношение между именем и послелогом должно интерпретироваться в синтаксических терминах (управление, примыкание, изафет). Если же второй компонент мы трактуем как маркер аналитической падежной формы, то с ним сочетаться может только именная основа. Никаких синтаксических отношений между нею и маркером падежа быть не может: это отношения морфологические, отношения внутри аналитической падежной формы слова.

3. Русский тип склонения организован много сложнее, и в учебно-педагогической литературе этот вопрос часто трактуется не адекватно. В "Русской грамматике" говорится: "Падеж как словоизменительная категория имени выражается его флексиями; дополнительным средством различения падежных форм могут служить чередование в основах существительных и специальные акцентные характеристики" (1980, I, с. 475). Существуют и другие точки зрения: "Значение косвенного падежа отвлекается от синтаксических связей словоформы на уровне синтаксиса слова" (Грамматика современного русского..., 1970, с. 328; ср. также: Виноградов, 1972, с. 139-147). Сам принцип описания падежей и склонений свидетельствует о том, что основной способ выражения падежа многими понимается аналогично.

Рассматривая русскую систему склонения на фоне общеалтайской и японско-маньчжурской, трудно не заметить идиоматичности русских падежных словоформ. Типологическая специфика флексий состоит в том, что они выражают сразу целый пучок значений. Поэтому не может быть флексий, выражающих именно данный падеж и только его (например, винительный или дательный). Каждый падеж выражается множеством флексий, и в семантике каждой флексии значение данного падежа соединено с каким-то из значений числа и с каким-то из значений родовой (т.е. классной) принадлежности. Если алтайские падежные аффиксы в силу фонетических законов были представлены закономерными рядами фонетических вариантов, то падежные флексии в русском

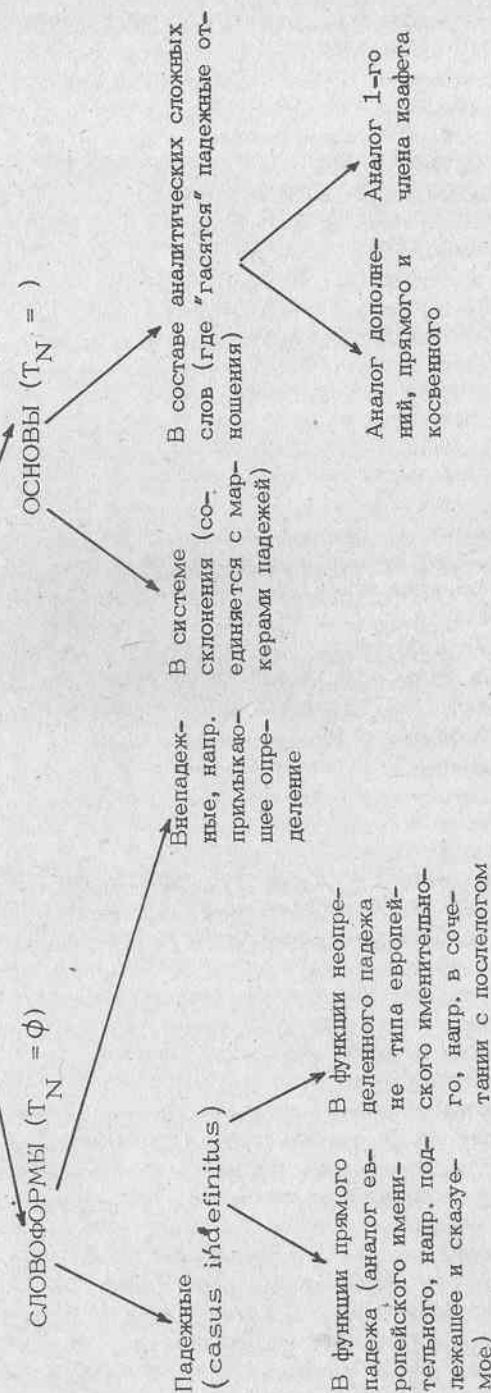

Схема 1.

столь же закономерно образуют нефонетические вариативные ряды в аспекте каждого из выражаемых ими совокупно значений. И так же закономерно из ограниченности числа фонологических комбинаций малой длины следует омонимия флексий.

Эти два обстоятельства исключают возможность распознавания падежных форм с опорой на флексию. Поэтому, кстати, в практике распознавания русских падежей так значим местоименный вопрос, который соотносится с падежной формой имени чисто семантически: только смысловая эквивалентность и позволяет категоризовать и назвать падеж. Вспомним пресловутую "дочь генерала": автомат законно интерпретирует генерала как форму прошедшего времени глагола. Но пусть мы знаем, что это родительный падеж имени; сравнивая эту форму с такими формами, как генералов, попугая, соседей, отца, матери, сапог, трудящихся, будем ли мы настаивать на том, что распознали в них родительный падеж благодаря их флексиям? ... Но как носители русского языка мы уверенно ставим ко всем этим формам вопрос "кого? чего?" и получаем право не сомневаться в их принадлежности генитиву.

Таким образом, в русской системе нет четкого соответствия между падежом и маркером; падежное значение передается словоформой как целым, как своего рода грамматической идиомой. Флексии настолько сильно связаны с определенными формальными классами имен (детальный анализ этой сложнейшей системы см.: Зализняк, 1967), что для носителя языка они не являются объектами свободного оперирования.

И в русском, и в алтайском языках есть склоняемые и есть не склоняемые слова и разряды форм. Но сама природа несклоняемости здесь различна. По-русски можно склонять только те элементы языка, для которых в системе языка существуют "готовые" падежные производные. Если какие-то формы "не склоняются", это значит, что нормальный носитель языка их просклонять не может. Как, например, образовать творительный падеж от союза если или от глагольной формы идете? В речевой компетенции носителей русского языка не заложено алгоритма решения таких задач - а в компетенции носителей алтайских языков присутствует такой алгоритм. Ибо там "не склоняется" не то, что не может, не могло бы склоняться, а то, чему склоняться не нужно, незачем. Если возникает потребность, то легко и естественно находится способ, позволяющий ее удовлетворить.

Первым следствием всего сказанного является трудность, а на первый взгляд невозможность использования аппарата флексивного склонения имен для склонения предложений. А дальнейшим следствием этого является развитие в европейских языках (и в русском, конечно) "компенсаторного" механизма - системы союзных средств, обслуживающих именно сложное предложение. Но кроме союзов русский язык использует в этой сфере и другие приемы. В связи с обсуждаемым кругом проблем особый интерес представляет использование в роли показателя связи частей сложного предложения семантически опущенного местоимения то-2 (см.: Грамматика современного русского..., 1970, с. 684), которое сохраняет способность склоняться и соче-

таться с предложениями. То-2 – это не что иное, как номинализатор предикативной единицы, т.е. оператор, обеспечивающий предложению возможность функционировать как имя события, не утрачивая внутренней предикативности. То-2 функционально сопоставимо с японскими субстантиваторами, и прежде всего с но (см.: Сыромятников, 1971, с. 243; 1976, с. 94–95); В.М. Алпатов считает, что термин "номинализатор" был бы более точным (1981, с. 79). В частности, то-2 принимает на себя флексии тех падежей, которых требует синтаксическая позиция и которых не может принять сама предикативная единица. Этот синтаксический механизм можно показать на следующих примерах:

(1) Я рассказал ему о твоих планах (простое предложение).

(2) ТО, ЧТО я рассказал ему о твоих планах... (не предложение, но "блок", в который вмонтировано предложение; номинализованная форма предложения, готовая к объединению с разными типами других предикативных единиц или предикатов).

(3) Не жалею о том, что я рассказал ему о твоих планах.

"Блок" (2) в роли предикативного дополнения. Форму, которую требует сказуемое (не жалею – о чем?) от предикативной единицы, легко принимает номинализатор то-2; ср.: "Он доволен тем, что я рассказал ему"; "благодарил меня за то, что я..." и т.д.

Традиционно местоимение то рассматривается как представитель придаточного в главной части (см.: Русская грамматика, 1980, II, с. 531; Грамматика современного русского..., 1970, с. 684; Белошапкова, 1977, с. 227; 1981, с. 541–542; и др.). Мы видим в то, что особый показатель связи, со склоняемым первым компонентом (Черемисина, 1982).

В алтайских языках такие синтаксические отношения можно выразить падежным оформлением предикативной единицы, причастное сказуемое которой легко принимает падежные аффиксы. Например:

(4) Тув.: Хараган аразынга чүге кел-ген-им-ни бил-бе-ди-м (ССо, А, 56) – Зачем в заросли акации пришел-я (в вин. п.) не знаю-я.

§ 3. Предикативное склонение как ведущий механизм гипотаксиса

Современные алтайские языки используют разные приемы и конкретные способы для передачи отношений между событиями в формах сложного (полипредикативного) предложения. Среди них и союзы, типологически сходные с европейскими, и аналитические показатели, очень условно называемые союзами: используемые наподобие союзов формы глаголов говорения (бур. гэжэ; тув. деп, дээр; маньч. сэма); бурятские "спрягаемые" союзы һаа, хада; "вспомогательные", факультативные "союзы" типа бур. хэрбээ, хак. хачан, кирг. эгер, тув. бир эвес и т.п. В этих языках немало и других проявлений тенденции к аналитизму в строе сложного предложения, однако лицо алтайского гипотаксиса определяется не этими приемами. Если мы вынесем их "за скобку", ядро гипотаксиса останется почти незатронутым. Но

если мы исключим конструкции синтетического типа, то окажется невозможным выразить самые основные, жизненно необходимые связи между событиями. Это и значит, что предикативное склонение – главный системообразующий фактор алтайского гипотаксиса, живой, активный синтаксический механизм.

В европейских языках состав инфинитивных форм глагола на протяжении веков почти не меняется. Если какие-то формы выходят из употребления (ср. рус.: пришлеть), то новые практически не возникают: нет ни потребности в них, ни механизмов их порождения. Но в алтайских языках сохраняется и эта потребность, и механизмы, позволяющие ее удовлетворить, – ср., напр., такие молодые, этимологически совершенно прозрачные "вторичные" причастные формы, как хакасское причастие на -чатхан, где -чат- – основа "поглощенного" словоформой вспомогательного глагола чат- 'лежать'; алтайское причастие на -атан, где -а- – бывший аффикс деепричастия, -тан – стяжение тур-гай (причастие прошедшего времени от вспомогательного глагола тур- 'стоять') и др. Подобные вторичные формы втягиваются в парадигму предикативного склонения и существуют в ней наряду с первичными.

Предикативное склонение в алтайских языках являет собой систему. Именно это создает принципиальную возможность представить его в виде парадигм, отражающих падежные формы каждого из причастий в изучаемых языках и одновременно семантику этих форм. Как показала Е.И. Убрятова (1976, с. 135–136), парадигмы якутских причастий обнаруживают явно индивидуальный характер. Наши наблюдения показывают, что и в других алтайских языках существование определенной падежной формы у одного из причастий не означает, что она есть и у других. А наличие определенных падежных форм у причастия в одном языке не означает, что параллельные формы есть и в другом. Например, формы управляемых падежей причастия на -галак есть в хакасском и алтайском, но не употребляются в тувинском (см.: Шамина, Черемисина, 1982; Черемисина, Боргоякова, 1982). Существование падежных форм у положительного варианта причастия не означает их наличия у отрицательного варианта; ср.: бурятские формы -аа-гүй-дэ при невозможности -аа-дэ, отсутствие отрицательных параллелей у причастия на -һан и др. (Черемисина, Санданова, 1982, с. 126–143). Построение общей системы парадигм выходит за рамки этой работы. Но накопленный нами материал уже позволяет ставить вопрос о принципах внутренней организации предикативного склонения.

Объектом предикативного склонения в морфологическом смысле, как уже говорилось, является причастное сказуемое, а в более широком, синтаксическом – предикативная единица. Как объект склонения она обладает большими возможностями варьирования, чем словоформа. Благодаря этому в тюркских языках оказывается возможным не только функциональное, но и формальное противопоставление двух подсистем предикативного склонения; одна из которых соотносится с актантными, другая с сирконстантными ролями зависимой предикатив-

ной единицы. В бурятском и эвенкийском, не говоря о маньчжурском, это гораздо менее наглядно.

В первой подсистеме участвует широкий круг причастий и падежей: все причастия и падежи в бурятском, все падежи (но не все причастия) в тувинском, алтайском, хакасском; многие падежи и в других тюркских языках; многие, но не все падежи в эвенкийском. В принципе, в этой подсистеме участвуют все актантные падежи каждого языка. Семантическим центром ее является винительный, к нему близки дательный и исходный, в эвенкийском и творительный; периферия этой подсистемы – тюркский местный падеж, тюркский и бурятский творительный, бурятский совместный, тувинский направительный, эвенкийский винительный неопределенный.

В алтайских языках управление глагола последовательнее, чем в русском, предопределяется его типовой семантикой.

Так, винительным падежом зависимой ПЕ управляют глаголы с семантикой "оперирования информацией": поиск информации, ее получение, хранение, передача и внутреннее оперирование ею: 'знать', 'видеть', 'забыть', и т.п.; дательным падежом – глаголы, выражающие реакцию (чаще – эмоциональную): 'злиться', 'тосковать', 'досадовать', 'радоваться'; исходным падежом управляют глаголы, заключающие идею отстранения, отчуждения от того, что представлено управляемой формой: 'бояться', 'брезговать', 'путаться', 'страшиться', 'стыдиться', 'стесняться', 'уклоняться' и т.п.; форму прямого (неопределенного) падежа принимает предикативный актант в конструкции с оценочными предикатами и с предикатами в специальных залоговых (и квазизалоговых) формах. К первому типу относятся собственно-оценочные конструкции (типа "хорошо, что...") и конструкции, формально и содержательно близкие к ним: эмоциональной оценки (типа "досадно, что...") и некоторые другие. В конструкциях второго типа в роли доминирующих предикатов выступают формы каузативного или страдательного залога глаголов, рассмотренных выше; ср. рус.: слышу-мне слышно, знаю – мне известно, радуюсь – мне радостно, меня радует и т.п.). Речь идет о таком повороте семантических и синтаксических ролей, когда предикативный актант, имя события, замещает позицию подлежащего и предстает тем самым как инициатор или стимул психического переживания, шире – реакции человека, например:

(5) Тув.: Сээн дүне дыңзыг чэдүр=ер=иң мени дыка дүвүрөт=т=и-То, что ты ночью сильно кашляешь, меня очень тревожит.

В тюркских языках Сибири предикативные единицы, выступающие в роли актантов, в отличие от обстоятельственных, примыкающих зависимых ПЕ, содержат предикативный узел, организованный по схеме изафетного сочетания. В монгольских и тунгусо-маньчжурских языках такая структурная оппозиция конструкций не прослеживается.

Во второй подсистеме, обстоятельственной, участвуют локальные падежи и локальные варианты полифункциональных падежей, причем их семантика трансформируется во временную и затем в семантику обусловленности в разных ее вариантах. Очень типичен в этом плане местный падеж (или дательно-местный в языках, где эти функции соотносены с одной формой). В тюркских языках местный, в бурятском

дательно-местный падеж передают общую временную соотношенность событий. В якутском, утравившем местный падеж, эту роль выполняет дательный. В тувинском датив тоже активно участвует в выражении этих отношений, несмотря на наличие местного падежа. Дательный (дательно-местный) играет подобную роль и во многих других языках Сибири, Кавказа, Передней Азии (см.: Гришина, 1979; Дьяконов, 1979, с. 20, 35 и др.; Рифтин, 1937; и др.). Временные отношения передаются и формами исходного, творительного, совместного падежей. Исходный, дательный и творительный регулярно передают причинное значение. Исходный падеж особенно богат значениями: он выражает кроме временных и причинных еще сравнительные, заместительные, ограничительные, исключительные и другие отношения двух событий. Естественно, что эта форма "обрастает" послелогами, уточняющими и модифицирующими ее семантику. Уточняются послелогами и другие падежные формы в системе предикативного склонения – преимущественно обстоятельственные.

Содержательную специфику обстоятельственной подсистемы по сравнению с актантной мы видим прежде всего в том, что составляющие ее формы даже при полной этимологической ясности функционируют "на деепричастный лад". Об этом свидетельствуют ослабление и утрата свойственного причастию временного значения, ослабление способности принимать лично-притяжательное оформление и другие признаки, в разных языках имеющие разную значимость, но в совокупности диагностирующие один и тот же процесс.

Проблема деепричастизации причастно-падежных форм обостряется, если в языковой системе оказывается утраченным данное причастие или данный падеж. Например, форма на =ган=ча (=ган=са, =ган=ча и др.) представлена во многих языках, где падежа на =ча нет; тувинское соответствие этой формы – форма на =гы=же – восходит к уйгурскому причастию на =гу, которое в тувинском представлено лишь реликтовыми формами =гыже и =гу дег. В таких случаях это скорее уже проблема диахронии, чем синхронии. Но вопрос о статусе формы на =ган=дык=тан в казахском, киргизском, узбекском языках (см.: Есенов, 1981, с. 94; Чонбашев, 1968, с. 164–165; Кононов, 1948, с. 257; и др.) актуален для современного состояния языка, поскольку свойства причастий и деепричастий в этой форме соединены. Двойствен грамматический статус и форм на =ха=да и лан=да в современном бурятском, форм на =ктава(н), =кта=ди(н), =кта=ду(н) в эвенкийском (см.: Горелова, 1979, с. 29–31). О деепричастизации можно говорить всегда, когда причастная форма в каком-то смысле оказывается изолированной. Но дело в том, что момент изоляции таких форм присутствует всегда, когда падежные формы причастий выступают в обстоятельственных функциях, – вспомним регулярное "наречие" именных форм, выступающих в аналогичной роли.

Внутренняя организация обстоятельственных ПЕ с причастными сказуемыми в косвенно-падежных формах в разных алтайских языках Сибири существенно различается. Различается она и в близкородственных тюркских языках. Так, в тувинском и алтайском языках личное оформление таких сказуемых является обязательным. Они последова-

тельно получают те же показатели лица, что и форма прошедшего на-
=ды; естественно, на 3 лицо указывает нулевой показатель. Нужно
добавить, что в алтайском (литературном, алтай-кижи) точно так же
спрягаются и все другие финитные глагольные формы. Поэтому мы
считаем вполне правомерным говорить о систематическом спряжении
причастно-падежных зависимых сказуемых в этих языках, подобно
тому как спрягаются причастные и деепричастные предикаты в эвен-
кийском и бурятском. В хакасском же языке личное оформление появ-
ляется у причастных зависимых сказуемых в составе обстоятельствен-
ных ПЕ лишь эпизодически. Говорить о систематическом спряжении
здесь нет оснований, и сами эти показатели, возможно, в большей ме-
ре сохраняют "притяжательную" семантику. Хакасский в этом отноше-
нии сходен с казахским и с тюркскими языками Поволжья, тогда как
в киргизском и узбекском усматриваются черты, напоминающие алтай-
ский и тувинский.

В структуре предикативных актантов во всех изучаемых тюркских
языках 3 л. выражалось аффиксами (=ы/=и, в косвенных падежах
=ын/=ин) - тув.: оон келгиринге - 'тому, что он придет', оон келг-
=генги - 'то, что он пришел'. Такого оформления требует изафетная
схема предикативного узла. В финитном же спряжении, независимо от
того, какие аффиксы в нем используются, типа =мен, =сеи или типа
=м, =н, 3 лицо выражается отсутствием показателя. Точно так же -
разумеется, с аффиксами второго типа - в тувинском и алтайском
языках спрягается зависимое сказуемое в составе обстоятельственных
ПЕ. После показателя лица эти формы принимают падежный аффикс -
тув.: мен келгемде, сен келгенде, ол келгенде; алт.: мен
келге-мде, сен келге-нде, ол келгенде. В основе предикативно-
го узла лежит здесь уже не изафетная схема, что подтверждается
преимущественным использованием в этих конструкциях неопределен-
ного падежа имен и местоимений, представляющих субъект действия.

Мы сейчас ради наглядности несколько "выпрямили" реальную
картину. В действительности в каждом языке две намеченные выше
подсистемы взаимодействуют по-своему, и границы между ними отчет-
ливы не всегда. Бывает и так, что одна и та же форма в одном и
том же контексте допускает и актантную, и несколько обстоятельст-
венных интерпретаций. Очевидно, что принадлежность к алтайской
типологической общности или к одной из составляющих ее семей остав-
ляет языкам большое пространство свободы. Поэтому никакие прогно-
зы, опирающиеся на сведения об одном из языков, не подменяют зна-
ния о другом языке, где все может оказаться существенно иначе. Об-
щим для всех алтайских языков является наличие предикативного скло-
нения. Вероятно, общим является и наличие двух названных подсист-
тем. Но не вызывает сомнений, что реализация этого механизма и в
монгольских языках, и в тунгусских, и в маньчжурском отличается
значительным своеобразием; различаются в этом плане, как мы пы-
тались показать выше, и разные тюркские языки Сибири.

§ 4. О типовой семантике зависимых предикативных единиц

Выше мы уже неоднократно касались вопроса о том, что предика-
тивные единицы в форме того или иного падежа, занимающие соответ-
ствующую их форме синтаксическую позицию (подлежащего, дополне-
ния, обстоятельства), могут иметь разную категориальную семантику.
Речь сейчас идет не о синтаксической, функциональной семантике, а
о типовой семантике номинализованной ПЕ или как имени события,
которое может быть представлено как факт либо как процесс, или как
имени предмета, который в свою очередь может осмысливаться либо
как материальный предмет, "вещь", либо как лицо, либо как немате-
риальный объект, например, слово, речь, случай. Ср., например: "То,
что я сделал, - кукла" и "То, что я сделал, - серьезный проступок".

В последние годы интерес лингвистов к семантическим проблемам
этого типа заметно возрос, и уже существует несколько классифика-
ций семантики номинализаций, в которых различаются событие, ситуа-
ция, факт, возможность, действие и т.п. (см., напр., обобщенное пред-
ставление классификаций Н.Д. Арутюновой, Е.В. Падучевой и Е.Н. Вольф
в кн. "Семантика и синтаксис", 1981, с. 20-22, 102). Однако для
описания наших алтайских материалов достаточно пока различения
двух основных типов семантики: событийной, без дальнейшего уточне-
ния, и в широком смысле предметной.

Основная масса примеров по всем привлеченным к анализу язы-
кам приходится на конструкции, в которых ПЕ с причастно-падежной
формой сказуемого представляет событие. Эти конструкции частотны,
разнообразны, характерны как для устной, так и для письменной ре-
чи в разных ее жанрах. Конструкции, содержащие ПЕ предметной се-
мантики, встречаются гораздо реже, они представлены в наших мате-
риалах меньшим набором форм; для разных изучаемых языков они
типичны в неодинаковой степени. Чаще всего, как выяснилось, такие
формы встречаются в эвенкийском языке, где этим способом выра-
жается не только предметное, но также и пространственное значение.
Довольно широко конструкции с предметным значением ЗПЕ представ-
лены и в маньчжурском. В бурятском и в тюркских языках это на-
блюдается значительно реже. Номинализации, представленные причаст-
но-падежными формами, как правило, имеют здесь событийное значе-
ние, тогда как предметное значение передается конструкциями, по-
строенными по типу определительных: причастная конструкция опреде-
ляет частично десемантизированные слова широкой, категориальной
семантики: 'человек', 'вещь', 'место'. Например, в тувинском:

(6) Сээң ужураш-кан кижини мээң эжымдир - Тот, с кем ты
встретился (букв.: ты встретился человек=твой), мой друг. (7) Сээң
эккелген чүвеңни мен полкада салып кагдым - То, что ты принес
(букв.: ты принес вещи=твой), я положил на полку. (8) Шаанда
бистиң чурттап турган чымыс черде школа тудуп каан - Там (букв.:
на месте), где мы раньше жили, построена школа.

Однако предметное и локальное значения могут выражаться иног-
да и причастно-падежными номинализациями, хотя они не сопостави-

мы по частоте употребления и значимости с определительными конструкциями:

(9) Тув.: Чамдыкта ашактарның бүдүү чуталаажып тур=ар=ын дыңнаарга... (ССо, А, 255) – Когда слушаешь то, что потихоньку говорят иногда мужики... (10) Бур.: Тиигээд бэдэржэ ошодоо, эсэгынгээ урсун хаана бай=а=ые тулалхагүй байнам (Б-78-2,8) – Но разыскивать, отцовский шалаш где был, не помогу (здесь в составе ЗПЕ имеется вопросительное местоимение хаана 'где').

Причастно-падежные конструкции с пространственным значением в алтайском языке отмечены В. Тадыкиным, который вслед за Н.А. Баскаковым интерпретирует их как "развернутые члены предложения" (Тадыкин, 1971, с. 163).

В маньчжурском значении предмета (и лица как разновидности предметного значения) чаще всего выражается причастно-падежными формами с номинализатором =нгэ, а значение места – в большинстве случаев определительными конструкциями при слове ба 'место', например:

(11) Ясай тува=ра=нгэ ташара ба бисирэ бэ сачи ачамби (П, 45) – Надобно знать, что то, что видят глаза, есть вещь ошибочная. (12) Сии гису=ре=нгэ, умэси ину (П, 57) – То, что вы говорите, очень хорошо. (13) Сефу сии ябу=ха=лэ ба=дэ, фу фажжирань дэ сэме дали-бумэ мутэраку (П, 60) – Где бы (букв.: в месте) вы, учитель, ни проходили, даже стены не могут служить вам препятствием.

Таким образом, в отношении формального выражения предметного значения эвенкийский, с одной стороны, и три тюркских и бурятский – с другой, образуют как бы два полюса, между которыми располагается маньчжурский.

Поэтому, описывая закономерности функционирования ЗПЕ с предметной и локальной семантикой, мы будем опираться прежде всего на эвенкийские материалы, по возможности присоединяя к ним маньчжурские.

Событийная семантика имманентна причастию как форме глагола и не требует для своей реализации каких-то особых условий. Предметное (и как его частный случай, пространственное) значение возникает, видимо, в результате переосмысления причастия при самостоятельном употреблении определительной ЗПЕ вместо всего атрибутивного комплекса (определятельная ЗПЕ + определяемое слово). Сравним:

(14) Эвенк.: Би о=на=в орокон аяпчукан – Игрушка, (которую) я сделал, очень красивая (букв.: я сделал игрушка очень красивая). (15) Би о=на=в аяпчукан – (То, что) я сделал, очень красивое. (16) Би балды=на=в буга=ла сурурен – Он отправился в страну, где я родился. (17) Би балды=на=ла=в сурурен – Он отправился туда, где я родился (ла – аффикс местного падежа).

Если в предложениях (14), (16) объект (14) и место (16) зависимого действия выражены определяемыми существительными орокон 'игрушка' и буга 'страна', то при элиминации существительных эти значения принимают на себя замещающие их конструкции би о=на=в 'я сделал' и би балды=на=в 'я родился'. Вследствие этого и

возникают описательные обозначения предмета (15) и места (17): 'то, что я сделал'; 'туда, где я родился'.

Таким образом, предметными ЗПЕ мы называем синтаксические построения, которые характеризуются следующими признаками: 1) сказуемое в этих конструкциях – переходный глагол; 2) позиция прямого дополнения при этом глаголе пуста. Двучленной структуре выражения тем самым соответствует трехчленная структура содержания:

Подлежащее	+	Переходный глагол	+	Ф
Субъект		Действие		Предмет X

Предмет, который остается не названным в составе ЗПЕ, как раз и обозначается самой ЗПЕ как целым.

Предметная ЗПЕ сочетается с главной частью, описывающей другое действие (шире – отношение), в которое включен предмет, описательно представленный ЗПЕ. Таким образом, общий синтаксический смысл этой сложной конструкции состоит в том, что сталкиваются, объединяются две разные информации об одном и том же предмете, который при этом остается прямо не названным. Если бы он был назван прямо, то речь, как мы видели, могла бы идти об определительной конструкции, тогда как данная конструкция, при функциональной близости к определительным, таковой не является. В русистике этот тип сложных предложений называют отождествительным: то, что; тот, кого. Приведем примеры:

(18) Эвенк.: Нуцартын дуганива тугэ тэли=нэ=л=вэр депидкитын (ИФЭ, 1966) – Они летом ели то (букв.: 'те', мн. ч), что заготавливали зимой. (19) Тар о=на=ви дюдү даянжин, уркэвэн катакса (ФЭЯ, 322) – Он прятал то, что делал, в чуме, заперев дверь. (20) Нам дулйалан гарада=на=в окия эмэксэ минэвэ айды биден? (ФЭЯ, 60) – Когда, придя, спасёт меня тот, кого я бросил на середину моря? (21) Маньч.: ... суен'и тере угур'и ве'и=ме ара=ха=ңе гему сайн ок'и'и... (Леб., т. 1) – Все, что вы сделали, пусть будет хорошо... (22) Эвенк.: Олти=на=ду=ви дукивуна дукча (ИФЭ, 120) – Написала письмо на том, что высушила.

Предметная ЗПЕ по отношению к главному сказуемому может замещать любую синтаксическую позицию: она может быть подлежащим (20, 21), дополнением (18, 19), обстоятельством (22). Ее синтаксическая роль получает формальное выражение в падежном аффиксе, который принимает на себя причастное сказуемое ЗПЕ. Это может быть аффикс любого падежа; здесь, видимо, нет принципиальных ограничений. В плане выражения отношение двух предикатов к тому предмету X, к которому они относят обозначаемые ими действия, далеко не одинаково. Отношение 'главное сказуемое – предмет X', как только что сказано, выражается явным образом и маркируется падежным аффиксом ЗПЕ. Отношение 'зависимое сказуемое – предмет X' внешнего, формального выражения не получает. Оно расшифровывается довольно простым правилом 'главной валентности'. Это правило состоит в том, что неназванный предмет X относится к действию, выраженному сказуемым ЗПЕ, как его главный несубъектный актант.

Если глагол переходный (а в 99% случаев это так), то предмет X — его прямой объект.

Данное ограничение обеспечивает однозначность понимания ЗПЕ: би дуку=на=в хокоривран может означать только одно: 'то, что я написал, потеряюсь', а не 'то, чем (тот, кому) я написал' и т.д. Отсутствие у большинства непереходных глаголов такой господствующей валентности препятствует их заместительному употреблению в предметном значении.

ЗПЕ событийной семантики не знают ограничений, связанных с переходностью или непереходностью глагола. Однако для реализации событийной семантики при переходном глаголе обязательно наличие прямого дополнения:

(23) Де, тар авахи, ичэксэ гирамнави силгинде=ри=вэ=н, сача (ИФЭ, 24) — Тот авахи, увидев, что кости его дрожат, понял. (24) Энимэн бөөл хурум=нэ=вэ=тын улгучэнэн (Хант.) — Рассказал, что его мать люди увели.

Отмеченные (дифференциальные) признаки событийных и предметных ЗПЕ обуславливают и ряд других. Так, зависимое сказуемое в форме страдательного залога неизменно сигнализирует о событийной семантике ЗПЕ: страдательный залог нейтрализует переходность, объект маркируется подлежащим ЗПЕ:

(25) Этыркэн унати дава=в=на=ва=н эхин элэксирэ (ФЭЯ, 66) — Старику не понравилось, что его дочь побеждена. (26) Авахи=сонини, дептэ=в=ри=в мудардула ихивча (ИФЭ, 63) — Богатырь авахов, ты меня победил (букв.: то, что я емся тобой, доведено до конца). (27) Тадук тарава онёвко эдэн торгадук о=в=на=н ичээрэ (Н, 66) — Потом его надо покрасить, чтобы не было видно, что он сделан из тряпки.

Наличие в структуре ЗПЕ относительных местоимений также сигнализирует о наличии у нее событийной семантики:

(28) Булдар оёлин илэ-дэ цэнэ=ри=н эчэмэ-дэ савдара (ИФЭ, 101) — Где пролететь над океаном, неизвестно. (29) Маньч.: ...ере сагда мама iну ja iči jaбу=ха саракү охо маңи ... (Леб., т. 1) — Эта старуха тоже куда ушла, неизвестно.

Сказуемое ЗПЕ с предметной семантикой может оформляться аффиксом множественного числа, указывающим на количество объектов, подвергающихся действию. Единственное число — немаркированный член оппозиции: эта форма употребляется, когда говорящий не фиксирует внимания на количестве предметов. Примеры:

(30) Эвенк.: Арай окин-кат э=нэ=л=ин ичэрэ аямат тэгэтчэрэ (ИФЭ, 84) — Те, которых он никогда не видел, красиво сидят. (31) Би утэлэ ва=нэ=л=ви манавра (Хант.) — Те, что я раньше добыл, кончились. (32) Дюкрэ караулчал Крестос о=на=л=ба=н, бөлэмнилин би-чэл (ФЭЯ, 323) — Вдвоём они стали караулить то, что (те, которые) делал Христос, были его помощниками.

Очевидно, что событийным ЗПЕ значение числа в принципе чуждо.

Помимо отмеченных признаков, свойственных самой ЗПЕ, в качестве важных признаков, дифференцирующих тот или иной тип ее семантики, выступают грамматические и семантические характеристики лексем в роли главного сказуемого. Глаголы психической деятельности

допускают при себе ЗПЕ как с предметной, так и с событийной семантикой; ср.: а) са=нэ=ви улгучэкэл 'расскажи (то), что знаешь'; б) илэ нэнэдэ=ри=ви улгучэкэл 'расскажи, куда идёшь'.

Если же в роли главного сказуемого появляется глагол физического действия или конкретное существительное — это однозначно сигнализирует о предметном значении относящейся к ним ЗПЕ. Приведем примеры конструкций с предметными ЗПЕ в разных синтаксических позициях.

В позиции подлежащего:

(33) Эвенк.: Эр юксэкэн нямива сирдяракин, арай утэн калтакан дюдун окин=ка э=нэ=н долды=ра черцадран (ИФЭ, 32) — Когда, выйдя, доила важенку, в чуме ее пишал (кто-то, кого) она никогда не слышала. (34) Хинчи о=на=с мостаду иличчаран (Хант.) — (То, что) ты сделал, стоит на полу. (35) Тынйвэ лапкаду га=на=в мунучэ (Хант.) — (То, что) я вчера купила в магазине, испортилось.

Главное сказуемое при подлежащей ЗПЕ может быть выражено и конкретным существительным:

(36) Эвенк.: Куренай ичэ=нэ=н — дукувун (ФЭЯ) — То, что увидел Куренай, — письмо. (37) Бака=на=с — мири гирикв (Хант.) — Тот, кого ты встретил, — мой друг. (38) Маньч.: ...ере бе муке семе оми=ха=це гему арки бикеби ... (Леб., т. 1) — То, что он пил, думая, что это вода, все было вино.

Предметная ЗПЕ в позиции прямого дополнения:

(39) Эвенк.: Адилитчаркивун дюкэ оёлин аминмун тулэ=нэ=л=вэ=н (Нак.) — Рыбачили по льду тем (букв.: то), что ставил отец (сети-ми). (40) Мула, депцэт=вэ=в цэнэврэ (ЭФ, 188) — Жаль, унесли мою добычу (букв.: то, что я должен съесть). Ср. также: (41) Бур.: Бидэнэй шана=а=ые тэрэ эдихэешые хурээгүй — То, что мы сварили, он даже есть не стал.

Предметная ЗПЕ в позиции косвенного дополнения:

(42) Эвенк.: Би эними бу=нэ=дук=ин эя=вал улдыдем (Хант.) Я сошью что-нибудь из того, что подарила мать. (43) Тэвли=нэ=дук=вар минду боридавар (ЛКМ) — Уделите мне часть из того, что вы собрали. Ср. также: (44) Алт.: Ёренижип кал=ган=ы=нанг айылажарга күч — Трудно отказываться от того, к чему привык.

Перейдем теперь к ЗПЕ, которые характеризуются пространственной семантикой; они обнаружены пока только на материале эвенкийского языка.

Пространственное значение ЗПЕ проявляется прежде всего в конструкциях со значением места. В эвенкийском языке оно не маркируется какими-либо формальными показателями, но легко реконструируется на основе типичной (для независимого употребления) сочетаемости лексемы-сказуемого ЗПЕ с тем или иным типом локального обстоятельства. Разберем пример:

(45) Эвенк.: Нулгихинэв бөөл алатчэ=ри=ла=тын (Хант.) — Отправились туда, (где) ждали люди.

Здесь показатель местного падежа =ла в составе сказуемого ЗПЕ выражает внешнее для ЗПЕ отношение главного действия к месту его совершения. Кроме того, он как бы задает понимание ЗПЕ как имени

места. Ясно, что такое значение ЗПЕ является следствием переосмысления: сам по себе глагол-сказуемое алат 'ждать' обозначает действие, а не место. В ЗПЕ никак не выражено отношение действия 'ждут' к месту, где оно совершается. Однако это отношение легко понимается на том основании, что в независимом предложении глагол 'ждать' обычно распространяется локальным обстоятельством со значением статического пространства ('где'; например, дуюду алат 'ждать в доме'). Значение статического пространства распространяется и на ЗПЕ, несмотря на отсутствие формального его выражения.

Что касается предметных (объектных) ЗПЕ, то мы не будем в дальнейшем привлекать их к анализу по двум причинам. Во-первых, большинство из них специфичны для эвенкийского языка. Во-вторых, наиболее актуальные для этого исследования проблемы, связанные с предикативным склонением, не могут быть рассмотрены на примере конструкций с предметными ЗПЕ, поскольку падежные значения не изменяются здесь по сравнению с простым предложением, а нас интересует специфика именно предикативного склонения.

Глава третья

ВИНИТЕЛЬНЫЙ ПАДЕЖ

§ 1. Винительный падеж в системе склонения

В системе предикативного склонения алтайских языков винительный падеж сохраняет наибольшую по сравнению с другими падежами (дательным, исходным, местным, творительным и др.) близость к одноименному падежу в системе субстантивного и местоименного склонения. Отмечая этот факт, Е.И. Убрятова объясняет его тем, что "причастие в винительном падеже выступает чаще всего как сказуемое дополнительного зависимого предложения. Оно производит впечатление живой управляемой формы, так как главное сказуемое при нем выражается переходными глаголами бил 'знать', кер 'видеть', иһит 'слышать', ыл 'брать' (Убрятова, 1976, с. 104). Иными словами, винительный предикативный остается тем же падежом прямого дополнения, обозначающим "предмет непосредственного, прямого и полного приложения действия, предмет, к которому непосредственно обращено чье-либо отношение восприятия" (Русская грамматика, 1980, с. 482). Функциональная природа винительного падежа в русском и в алтайских языках в принципе едина. Сначала остановимся немного на этой общей природе аккумулятива и на его месте в системе склонения.

На первый взгляд, содержательная сторона винительного падежа кажется очень простой и не требует комментария. Но в контексте нашего исследования с ним связан важный проблемный узел, требующий анализа.

Русская грамматическая традиция, следуя античным традициям, рассматривает винительный как один из косвенных падежей. Так же трактуют его и грамматические описания алтайских языков. Вместе с другими косвенными падежами винительный противопоставляется прямому падежу; в русской системе это именительный, в алтайских языках его называют по-разному: неопределенный, неоформленный, основной, номинатив, *casus indefinitus*. Этот падеж служит формой названия, именования предметов вне контекста, а в предложении это прежде всего грамматическая форма подлежащего и именного сказуемого. Эта форма может иметь и другие функции, но в оппозиции косвенным падежам важна ее главная функция.

Русскому термину "подлежащее" в грамматиках европейских языков соответствуют термины, восходящие к латинскому *subject*. В метаязыке русской лингвистики термин "субъект" употребляется неоднозначно (ср.: Золотова, 1982, с. 133; Аристова, 1982, с. 45-46; Кокорина, 1979; и др.), но в основе разных его осмыслений лежит представление об активном начале событий, об инициаторе и производителе действия. Грамматическим исполнителем этой роли в простейшем случае является подлежащее, выраженное формой именительного (прямого) падежа. В алтайских, как и в европейских языках, подлежащее - это единственный из актантов, чьи грамматические характеристики (лицо и число, иногда род и число) морфологически отображаются в словоформе сказуемого; этот признак очень важен с точки зрения распознавания подлежащего.

Именно как падеж подлежащего номинатив (именительный, *casus indefinitus*) противопоставляется всем косвенным падежам как падежам второстепенных членов (дополнений и обстоятельств). Винительный - один из косвенных падежей; но среди них он воспринимается как "первый". Его синтаксическая специфика состоит в том, что он выражает прямое дополнение, которое противопоставляется всем остальным дополнениям как косвенным. Тем самым создается то представление о структуре падежной парадигмы, которое мы представляем схемой 2.

Схема 2. Структура падежной парадигмы.

Винительный падеж предстает здесь не только как ближайший в ранге по отношению к именительному. Хотя он и включен в число косвенных падежей, он "прорывается наверх" и вступает в какие-то осо-

бые, непосредственные отношения с именительным. Помимо общепризнанной оппозиции "прямой : косвенные падежи" отчетливо прорисовывается другая, "теневая" оппозиция двух прямых форм, субъектной и объектной, т.е. оппозиция "номинативности и аккузативности". Двумя "противоположными падежами" называет Э. Бенвенист аккузатив, дополнение при переходном глаголе, и номинатив, подлежащее непереходного глагола, в связи с совпадением этих форм в латыни при транспозиции в генитив: *laboris fugiens* 'бегущий труда', *tolerantia frigoris* 'выносливость к холоду' (букв.: холода) и *adventus consulis* 'прибытие консула' (Бенвенист, 1974, с. 162-165). Противоположности всегда имеют что-то существенно общее, что может быть основанием сопоставления и противопоставления. Постараемся выяснить, в чем состоит содержательная общность этих двух падежей.

Особое место винительного падежа среди косвенных мотивируется тем, что это форма дополнения при переходном глаголе. Но чтобы принять эту мотивировку, мы должны иметь ответ на вопрос: в чем состоит особое качество переходных глаголов по сравнению с непереходными и косвенно-переходными? Разумеется, апелляция к "особому" винительному падежу прямого дополнения исключается, потому что это ведет к логическому кругу. Вопрос и состоит в том, чем переходность, т.е. валентность винительного падежа, отличается от других валентностей глагола. Именно отсюда должно выводиться то основание, которое позволяет непосредственно противопоставлять винительный и именительный падежи, приобретающие характер противоположности.

Сформулируем сразу свой ответ на эти вопросы.

Специфику переходных глаголов как особого класса глагольных лексем мы видим в том, что именно эти глаголы, а не глагол вообще, формируют представление о действии, выделяя действие из гораздо более широкого класса процессов. Но это представление о действии базируется не на самом переходном глаголе как лексеме, а на той глагольно-именной конструкции, в которой реализуется его значение как переходного. Это конструкция, в которой переходный глагол связан с подлежащим в форме именительного падежа и с дополнением в форме винительного падежа.

Особое место винительного падежа среди косвенных и его непосредственные отношения с именительным падежом обусловлены тем, что именно винительный падеж формирует специфическое, характерное для языков номинативного строя и отсутствующее в языках, не имеющих аккузатива в системе склонения (таковы языки активного и эргативного строя) представление об объекте в его прямой противопоставленности субъекту. Прямой объект, объект переходного глагола, в составе переходной конструкции синтагматически противостоит субъекту: "Кошка поймала мышку", "Женщина варит мясо", "Мы едим хлеб". В системе языка прямой объект тоже противостоит не столько косвенным объектам-дополнениям, сколько подлежащему, представляющему субъект действия. Процесс, выраженный переходным глаголом, является действием именно в силу того, что в нем связаны субъект и об-

ект. Поэтому винительный падеж имеет особый гносеологический смысл. Он формирует не категорию "прямого объекта" в противопоставлении другим типам объектов, но категорию объекта как такового, в противопоставлении субъекту. Еще точнее — оппозицией "номинатив : аккузатив" формируется категория субъекта/объекта, в составе которой субъект и объект предстают как взаимосвязанные, взаимообусловленные и взаимно противопоставленные значения этой категории.

Носителям европейских и алтайских языков, в системах которых в силу наличия винительного падежа четко задано представление об объекте, нелегко отвлечься от ощущения универсальности, "объективной данности" этой категории; само слово "объективность" восходит к представлению об объекте. Но категория субъекта-объекта не универсальна. "Такие понятия, как процесс или объект, — писал Э. Бенвенист, — не воспроизводят объективных свойств действительности, но являются результатом языкового выражения действительности... Это не свойства, внутренне присущие природе... это категории, возникшие в некоторых языках и спроецированные на природу" (1974, с. 168).

Чтобы уяснить значимость наличия винительного падежа в системах склонения алтайских и европейских языков, нужно выйти за рамки этих систем и обратиться к языкам, где винительного нет и отношения между участниками событий интерпретируются как-то качественно иначе. Это языки активного и эргативного строя, характеризующиеся полиперсональным спряжением переходных глаголов.

В языках эргативного строя аналогом нашей аккузативной конструкции является конструкция эргативная. Именительный падеж субъекта замещен в ней эргативным — "специфическим падежом, который чужд ныне индоевропейским, семитическим, угрофинским языкам", пишет А.С. Чикобава; алтайским языкам он, разумеется, тоже чужд. В позиции, где в алтайских и европейских ожидался бы винительный, в эргативной конструкции оказывается именительный (абсолютный). "Аккузатив так же чужд падежной системе иберийско-кавказских языков, как эргатив — склонению индоевропейских языков". Отсутствие аккузатива А.С. Чикобава считает не менее существенным, чем наличие эргатива. Эргативную конструкцию он называет "безаккузативной конструкцией переходного глагола" (Чикобава, 1967, с. 10).

И.И. Мешанинов, частично соглашаясь, частично полемизируя с А.С. Чикобавой, продолжает начатую им мысль: в эргативном строе предложения нет не только винительного, в нем нет и именительного падежа. Отношения, выражаемые актантами эргативной конструкции, имеют другую природу, чем те отношения подлежащего и дополнения, субъекта и объекта, которые передаются именительным и винительным падежами в европейских языках (см.: Мешанинов, 1967, с. 7 и др.). Одна и та же ситуация может быть адекватно описана средствами как тех, так и других языков, но в каждом случае отношения ее участников интерпретируются по-своему.

Актант эргативной конструкции, выступающий в форме абсолютного падежа, традиционно интерпретируется как субъект при непер-

ходном глаголе, но при переходном – как объект. Такое сочетание семантических функций в одном падеже требует разъяснения, и специалисты объясняют его тем, что в языках эргативного строя вообще нет противопоставления субъекта объекту, это наша, европейская интерпретация отношений между актантами. Формальное тождество падежной формы этих актантов дает основание предполагать, что они могли трактоваться как "субъекты" – активный и пассивный или действия и состояния (см.: Савченко, 1967, с. 83).

Резче других авторов ставит этот вопрос И.М. Дьяконов. Он возражает против утверждения, что в этих языках подлежащее выражается при переходных глаголах эргативным падежом, а при непереходных абсолютным (неопределенным); он считает возможным говорить не о подлежащих, а о субъектах – действия (эргативный падеж) или состояния (неопределенный, т.е. абсолютный, падеж). Формальное совпадение в форме неопределенного падежа субъекта состояния и "прямого объекта действия", "дополнения при переходном глаголе", он объясняет тем, что там, где мы видим "объект действия", носители эргативных языков видят субъект состояния, наступающего в результате чьего-то действия. Тем самым эргативная конструкция предстает не как субъектно-объектная, а как "двусубъектная" (см.: Дьяконов, 1967, с. 100 и далее).

Отсутствие в эргативных языках винительного падежа И.М. Дьяконов тоже считает глубоко принципиальным: "в типичных языках эргативного строя должны отсутствовать: 1) винительный падеж как падеж прямого объекта, категории, здесь не существующей; 2) противопоставление актива и пассива, как точек зрения субъекта и объекта, потому что здесь не существует противопоставления субъекта и объекта. Зато обязательно должно иметься противопоставление действия состоянию... По существу, единственным решающим признаком эргативного строя предложения является отсутствие категории прямого объекта" (1967, с. 101, 105).

Как видим, специалисты в области эргативных языков придают отсутствию винительного падежа большое, даже решающее значение, прямо связывая этот факт с отсутствием в этих языках залоговых оппозиций, "отражающих точку зрения субъекта и объекта".

Чтобы четче представить эти зависимости, бесполезно напомнить, что "безаккузативные", "беззалоговые" языки характеризуются в то же время полиперсональным спряжением переходных глаголов. Это спряжение, составляющее характерную примету активных и эргативных языков, задает чуждый европейскому языковому мышлению принцип равенства актантов перед лицом предиката. В словоформе сказуемого, которое является единственным и бесспорным "хозяином" предложения, при помощи аффиксов, занимающих в словоформе определенные позиции, "порядки", отображается и тот актант, который представляет инициатора действия, активно действующее лицо или предмет (и по аналогии с европейскими языками оценивается как подлежащее), и тот актант, который представляет предмет, испытывающий действие (и по той же аналогии оцениваемый как дополнение, как объект) (см.: Климов, 1979, с.119; Володин, 1979, с.17; Дьяконов, 1967, с.19).

Многие исследователи эргативных и активных языков несколько другими словами, несколько с других позиций, но не менее настойчиво и ясно говорят о том, что эти языки не выражают субъектно-объектных отношений между актантами. "Активный строй, – пишет Г.А. Климов, – такой тип языка, структурные компоненты которого ориентированы на передачу не субъектно-объектных отношений, а отношений, существующих между активным и инактивным участниками пропозиции". В соответствии с этим глаголы лексикализованы в нем по признаку активности-стативности "действия", а существительные разделены на активные, одушевленные, и инактивные, неодушевленные (Климов, 1977, с. 4, 54 и др.).

Таким образом, наличие взаимно противопоставленных винительного и "номинативного" (именительного, неопределенного) падежей оказывается важнейшим типологическим признаком номинативного строя. Значимость этой оппозиции определяется тем, что ею конституируется категория субъекта/объекта и утверждается принцип неравенства актантных ролей, их морфологическая, синтаксическая и семантическая иерархия. Первый шаг на этом пути состоит в обособлении представления об объекте (с опорой на форму винительного падежа) в его противопоставленности и подчиненности субъекту. Второй шаг состоит в "очищении", "просветлении" объектной роли и сведении ее к роли прямого объекта, т.е. "собственно-объекта" в противопоставлении уже не субъекту, а другим объектам как косвенным. Суть этого второго шага мы видим в расширении и внутренней дифференциации категории объекта, которая захватывает, "подчиняет себе" другие падежные формы, так что они тоже начинают осознаваться как объектные, занимающие свои места в иерархии форм и значений. Но этот вопрос следует обсуждать уже в связи с проблемой залогов.

Идея неравенства, связанная с винительным падежом, очень хорошо выражена в характеристике, которую дала этому падежу А.А. Коклянова, исследовавшая употребление этой формы в узбекском языке: "Способностью сочетаться с винительным падежом имени обладают все так называемые переходные глаголы, т.е. глаголы, обозначающие действие, направленное на предмет, испытываемое предметом. Понятие переходности является той качественной характеристикой глагола, которая как раз и предполагает необходимость его сочетания с винительным падежом имени... Объект при таком действии как бы всецело принадлежит субъекту. Субъект не только направляет свое действие на объект, но он словно бы подчиняет его себе в этом действии, является единственной активно действующей величиной" (1962, с.39).

Теперь нам остается осмыслить природу той связи, которая прослеживается и подчеркивается исследователями между присутствием в системе склонения аккузатива и категорией залога в системе глагола. Почему активные и эргативные языки исключают одновременно оппозицию аккузатива номинативу и пассива активу; в чем состоят "точки зрения субъекта и объекта", о которых говорил И.М. Дьяконов? Чем различение субъекта и объекта отличается от различения активных и инактивных актантов?

Активность и инактивность в языках активного строя – это по-

стоянные характеристики имен, как в современном русском языке род существительных; но род почти не связан с грамматическим смыслом и никак не влияет на синтаксические потенции имени, например, на его валентности, способность управлять другими именами, формировать определенные синтаксические конструкции, тогда как активность и инактивность – это в такой же мере семантические, как и синтаксические характеристики. В них отражается вынесенная говорящим коллективом стабильная оценка действительных потенций предметов. Эта оценка вступает во взаимодействие с теми синтаксическими ролями, которые выражаются с помощью падежей. Активный предмет естественно выступает в синтаксической роли инициатора действия; но активный предмет может и испытывать действие, быть субъектом состояния. Соответственно, активная роль этих имен маркируется эргативным (или активным) падежом, в то время как пассивная роль не маркируется – имя выступает в абсолютной падежной форме. Что же касается инактивных предметов (и, соответственно, инактивных имен), они действия производить не могут вообще: происходящие с ними процессы не являются действиями, так как именно активность и переходность противопоставляют действие состоянию.

Как видим, "мобильность" существительных по отношению к глаголам в этих языках невелика: она ограничивается способностью активных имен представлять свой референт или как субъект действия, или как субъект состояния. Переходный, т.е. "активный", глагол тоже способен выступать в двух семантических и синтаксических вариантах: как переходный, глагол действия, если он выступает в окружении двух актантов, морфологически отражая их собственной формой, или как глагол состояния, если он связан только с одним актантом. Ср.: "Сын пишет письмо", где пишет – действие, глагол должен иметь вид 'он=пишет=его'; и "Сын пишет", где пишет – глагол состояния, в котором пребывает сын, подобно тому как в первом случае в состоянии "написания" пребывает письмо.

Других "поворотов" ни глаголы, ни имена в этих языках не допускают. Это значит, что построения типа эргативной конструкции "необратимы": говорящий не может по своей воле переориентировать направление формальных связей, сохраняя неизменной содержательную структуру пропозиции. Техника языка не позволяет ему отделить грамматическую роль от исполнителя этой роли. Активность и инактивность – не роли, а постоянные сущностные характеристики, как грамматический род в тех случаях, когда он знаменует пол.

Разделение, обособление представлений о ролях и об "актерах", исполняющих роли, становится принципиально возможным тогда и постольку, когда и постольку в языке оказываются сформированными и взаимно противопоставленными специальные грамматические формы, знаменующие субъект и объект. В языках номинативного строя субъект и объект – это именно роли, своего рода "грамматические костюмы", которые надевают на себя участники "предложенческой драмы". Отсюда – не только принципиальная возможность, но и естественность, легкость "смены костюмов", переодевания актеров. Активно действующий предмет может надеть костюм объекта, испытывающего дейст-

вие, и наоборот. Но все такие "переодевания", во-первых, подчинены определенным трансформационным правилам, которые, в свою очередь, опираются на возможности грамматического варьирования и имен, и глаголов. Во-вторых, эти преобразования (трансформации) должны иметь определенный смысл, определенное коммуникативное назначение. Грамматической базой этих преобразований являются, с одной стороны, падежи имен, с другой – залого глаголов, "глагольные падежи", как называет залого В.М. Наделяев. Что же касается назначения залоговых метаморфоз, то мы связываем его с той ролевой ранжировкой, которая происходит из принципа неравенства между субъектами и объектами. Субъект и прямой объект – это полюса доминанции и подчинения, заданные системой. С помощью залоговых конструкций, точнее – пассивного преобразования, субъект несколько смещается "вниз", а объект "вверх".

В тувинских фразах Диис¹ куске=ни² тудуп алды³ – 'Кошка¹ поймала мышку² и Диис=ке¹ куске² тут-тур=туп алды³' – 'Мышка поймана кошкой' (букв.: 'Кошке мышка дала=поймать (себя)') субъектом действия, разумеется, является кошка, а объектом – мышка. Но в первой фразе субъект представлен формой прямого падежа, и его грамматические характеристики (3 л.) отображены в форме сказуемого; поэтому оно оценивается как подлежащее. Соотношение форм и функций – "субъект – форма именительного падежа – синтаксическая функция подлежащего" – оценивается как прямо, непосредственно отражающее положение дел. Во второй фразе субъект представлен формой дательного падежа (по-русски – творительного). В этом случае грамматические характеристики слова, называющего субъект, в сказуемом не отображаются; функция подлежащего перешла к форме, называющей объект. Грамматический трон, оставленный "кошкой", захватила "мышка", но, став подлежащим, это слово не получило значения субъекта. "Мышка" не претендует на то, чтобы выглядеть источником действия, она остается "объектом полного и непосредственного приложения действия": она поймана. Но в отличие от прямого объекта в винительном падеже мы не видим здесь той полной "принадлежности объекта субъекту", о которой так ярко говорила А.А. Коклянова. Реальный объект действия, "мышка", став подлежащим, качественно иначе соотносится с дополнением, сохраняющим семантику субъекта.

Вместе с залогами в системе склонения появляется серия "падежей субъекта", которые одновременно являются (остаются) и падежами объекта. Эти функции во внутренней структуре падежа не противостоят друг другу, а являются сторонами одного и того же представления. Русское "Мышка поймана кошкой" интерпретирует "кошку" как своего рода орудие; точно так же форма дательного падежа в тувинской пассивной конструкции имеет свою внутреннюю форму, ведущую к каузативным отношениям: 'дать, позволить, разрешить, предоставить (кому-то) что-то сделать'; в данном случае – поймать (себя, мышку) мышка "предоставила" кошке; ср.: Бөрүгө өлүр=т=кен хоювус ийи – пример А.А. Пальмбах (Исхаков, Пальмбах, 1961, с. 127); смысловой перевод – 'Волком убиты две наши овцы' (букв.: 'Волку

дали=убить две наши овцы'); ср. также долг.: Биһиги ыалга коннор-торуокпут - 'Мы будем-заночеваны ими' (пример В.М. Надеяева), т.е. они оставят нас ночевать - но биһиги 'мы' - подлежащее в именительном падеже, а ыалга 'им, тем' (или 'ими, теми') в долганском дательный. Глагол во всех этих примерах имеет форму каузативного залога.

Возможность залоговых преобразований в языках номинативного строя является прямым следствием существования в этих языках синтаксической категории "субъекта-объекта", значения которой, как значения всякой грамматической категории, суть переменные, а не константы. Мена поверхностных падежных характеристик имен при неизменности их функций в структуре пропозиции регулируется схемами управления, которые связаны с определенными залоговыми модификациями предиката.

Заканчивая этот раздел, скажем несколько слов о своем понимании залога - одного из самых темных мест в общей теории грамматики. Несмотря на активную разработку этой проблематики в последние десятилетия, она далеко еще не стала прозрачной. Мы нисколько не претендуем на то, чтобы внести полную ясность, и скажем только о том, какое понимание залоговых отношений подсказывается нашим исследованием.

Залог мы представляем себе как грамматическую категорию, в чем-то сходную с категорией падежа. Но падеж - категория прежде всего имени; все другие разряды слов становятся способными изменяться по падежам лишь в силу какой-то (разной!) сопричастности имени существительному. Лицо - это категория прежде всего глагола, как самого чистого, последовательного, морфологизованного предиката. Все другие разряды слов получают способность изменяться по лицам (это изменение не всегда признается спряжением) в силу функционального сближения с глаголом, "приобщения" к функции предиката. Залог же, а может быть, лучше сказать "залоговость" или даже найти еще какой-то термин, - это не категория имени, хотя имеет прямое отношение к формам имен; и не категория глагола, хотя соотносительность залогов с глаголами общепризнана. Это даже не категория предикатов. Как предикативное склонение лишь по форме есть склонение предикативных причастий (а иногда и не причастий), так и залог лишь на поверхностный взгляд есть система глагольных модификаций. По сути дела это синтаксическая категория предложения. Именно предложение есть тот объект, который "меняется, оставаясь в то же время самим собой", как слово в склонении и в спряжении. Парадигму залогов мы представляем себе как систему грамматических форм предложения, выражающих значения этой категории.

§ 2. Винительный как падеж прямого дополнения

Связь винительного падежа с синтаксической функцией прямого дополнения несомненна: эта связь есть именно то семантическое основание, которое позволяет отождествить материально совершенно различные формы множества разнотипных языков в общем понятии

винительного падежа, аккузатива. Однако соответствие между синтаксической функцией прямого дополнения, с одной стороны, и той формой, которую в каждом конкретном языке называют формой винительного падежа, с другой - не является одно-однозначным. Во-первых, форма, которая выражает прямое дополнение, может выполнять в данной языковой системе и еще какие-то функции, т.е. функция прямого объекта может составлять лишь часть функций падежной формы, называемой (а иногда и не называемой) винительным падежом. Во-вторых, функцию прямого дополнения может выполнять и не одна, а несколько разных форм; в языке может быть несколько падежей, которые могли бы претендовать называться винительным. Иногда их действительно называют 1-м и 2-м винительным, иногда они скрываются под другими названиями.

О том, что винительный падеж способен выполнять и другие функции, свидетельствуют посвященные ему статьи в терминологических словарях. Ж. Марузо, признавая, что аккузатив "главным образом падеж объекта, непосредственно подвергающегося глагольному действию", замечает, что "различные значения винительного падежа с трудом поддаются сведению воедино". Кроме винительного внешнего и внутреннего объекта он выделяет винительный отношения, винительный определительный, винительный предикативный (в основном в древних европейских) (Марузо, 1960, с. 53). О.С. Ахманова определяет винительный как "категориальную форму падежа, указывающую на предмет, непосредственно подвергающийся действию... или, шире, вообще на предмет, не являющийся агентом (или субъектом) этого действия" (1966, с. 77). В этом определении отразилось и то представление, которое мы назвали бы базовым: представление об объекте как таковом в противопоставлении лишь субъекту и представлении о прямом объекте в противопоставлении объектам косвенным. "Непрямые" значения винительного составляют в статье о нем целый перечень: винительный времени, меры, места, направления, ограничения, отношения, оценки, расстояния, количества, цели, винительный результативный, винительный при восклицании. Ср. примеры винительного меры времени и расстояния в русском: "Проспал весь доклад", "Всю дорогу молчала" и т.п. Ср. винительный с глаголами движения в узбекском: *Богнинг гирдатрофини айланиб чиқдим* - 'Я обошел весь сад кругом' (Коклянова, 1962, с. 47). В тувинских и алтайских материалах нередко встречается винительный абсолютный с экспрессивной семантикой в функции обращения (напр., тув.: *А-а, оруссу-ун!* (ССо, А, 19) - 'А-а, руу-сский!' (букв.: 'А-а, русский!'); - *Ээ, эрлерни ыңай!* *Кижиниң төлдерини, кишиниң кулактарын!* (ССо, А, 139) - 'Ээ, мужики! Дети человеческие, собольные уши!' (все имена имеют аффиксы винительного падежа: безличного =*ни* или притяжательного 3 л. =*ин*, =*ын*); ср. также: *Ээ! Мээң оглумнуң эрезин!* (ССо, А, 19) - 'Ээ! мой храбрый сынок!' (букв.: 'Моего сына=моего храбрость=в.п.=его!')). Здесь можно видеть и восклицательное предложение в форме винительного экспрессивного. Во всех таких случаях винительный, конечно, не является падежом прямого дополнения.

Особо следует отметить употребление формы винительного падежа

в обстоятельственных значениях – времени и цели. В тувинском языке эта форма усматривается в наречиях, образованных от названий времен года и самого слова чыл 'год' (напр.: Бир-ле чыл-ын Кара-Хөлге ийи куу ужуп келгеш чайлааннар (Д-ЧЧ, 14) – 'Один год на Кара-Хёле два лебедя, прилетев, летовали' (заметим, что и по-русски здесь форма винительного падежа); ср. также: чаз-ын 'весной', чай-ын 'летом', чайны, часты өттүр 'всё лето, весну'). В шорском фольклоре формы с аффиксом -ын/-ин встречаются в системе предикативного склонения – они оформляют предикативные единицы, которые мы оцениваем как придаточные времени. Примеры такого рода представлены в статье А.В. Есиповой (1980, с. 150):

(1) Кан Мерген нана-нана кел-ген-ин – елдиң черин ракка салды – Когда Кан Мерген возвращался, землю своего народа (за собою) оставил, к материнскому стойбищу приблизился. (2) Аг-ол анаң кө-рүнмүс-кен-ин – камчы теген черинен, кезектиг еттер тозушча – Когда Ак-ол взглянул на себя – с тех мест, которых коснулась плеть, мясо кусками отваливается.

Эту форму, пока не получившую убедительной аналогии в литературно-разговорных языках Сибири, можно трактовать по-разному: можно возводить ее к другому падежу (например, к древнему творительному) и говорить о ее омонимии с современным винительным. Но приведенные выше лексикализованные формы тувинских аккузативов, а также данные других (и тюркских, и не тюркских) языков свидетельствуют о том, что обстоятельственные, в том числе и временные, функции этому падежу не чужды; например, в тунгусо-маньчжурских языках:

(3) Маньч.:... мудаме үиде-ре бе уогун де ачака маңи... (Леб., т. 1) – ... После того, как встретил их на дороге, когда они возвращались домой... (4) Эвенк.: Экэл турэтте дебде-ри-ви – Не разговаривай, когда ешь (перед показателем возвратного притяжания -ви аффикс винительного падежа не ставится).

В целевом значении причастные ЗПЕ с аффиксами винительного падежа употребляются в маньчжурском и бурятском языках:

(5) Маньч.: ... ере хан сачи-ре бе накаа маңи... (Леб., т. 1) – ...после того как хан остановился, чтобы срубить... (6) Бур.: Тэдэниие хүндэл-х-ые-тнай табан шэл коньяк асараа-б (Дамб., 129) – Чтобы (вы) их угостили, (я) принёс пять бутылок коньяка. (7) ... Джемпер оёод, улаан үнгэр будуул-х-ые-нь город эльгээбэ (Х, 72) – ... Джемпер связав, послала в город, чтобы его покрасили (букв.: стал покрашен) в красный цвет.

В конструкциях с целевым винительным употребляется только причастие будущего времени на -ха, обозначающее в данном случае потенциальное действие. Форму -х-ые-// мы встретили только в разносубъектных целевых конструкциях; моносубъектным ее аналогом является форма на -хаяа, трактуемая как целевое деепричастие.

К конструкциям с неуправляемым винительным с обстоятельственным значением мы больше возвращаться не будем, поскольку основным объектом нашего анализа в этой главе являются ЗПЕ в форме винительного падежа в роли прямого дополнения.

Рассмотрим теперь обратную ситуацию – случаи, когда прямое дополнение при переходном глаголе принимает форму не винительного, а каких-то других падежей. Яркий пример такой ситуации дает русский язык, где существует три падежа, обслуживающие эту синтаксическую функцию. Это, кроме винительного, родительный падеж, который употребляется при переходном глаголе при наличии отрицания: вижу доро-гу / не вижу дороги, и частичный падеж, который сохраняется как особая форма у небольшого числа слов и рассматривается обычно как разновидность родительного. Но это неверно, потому что формы типа чаю, сахару, квасу, луку содержательно противостоят как формам винительного, так и формам родительного прямого дополнения при отрицании: дай мне булку – дай мне булки; не давай ему булку – не давай ему булки; ср.: налей сюда квас/кваса – не наливай сюда квас/кваса; налей мне кваса/квасу – не наливай мне кваса/квасу.

В каждом из изучаемых нами алтайских языков ситуация с падежами прямого дополнения складывается по-своему. Самое сложное положение наблюдается, по-видимому, в якутском языке. В монографии Е.И. Убрятовой этому вопросу посвящен целый раздел (1950, с. 113–134), где описано участие пяти падежей в оформлении этого члена предложения. Кроме самого винительного, это неоформленный (=неопределенный), специфический якутский частный падеж, развившийся на базе местного, специфический якутский винительный-собираемый и исходный. Интересно, что в этом языке прямое дополнение может иметь при себе и непереходный глагол, например:

(8) Ол аата, кинилер бары олуруоктаах олохторун ситэ олорбокко ким эрэ идиитинэн өлөрүлээр эбиттэр – Значит, все они, не живя жизнью, которую должны были жить, чьей-то рукой были убиты, оказывается (Убрятова, 1950, с. 113).

Форму частного падежа принимает прямое дополнение при глаголе в повелительном наклонении; показатели этого падежа -да, -та (с фонетическими вариантами) в других тюркских языках маркируют местный падеж. Такое нетипичное употребление этой формы, как считают якутоведы, было подготовлено употреблением местного падежа в роли исходного, что имело место уже в языке Орхонских надписей (Убрятова, 1950, с. 127), – а исходный падеж выступает в роли прямого дополнения и в некоторых других тюркских языках, например, в тувинском:

(9) Тулчуушкунче кыйгырып турар партизан ыр-дан бижизин – Пусть напишет партизанскую песню (исх.п.), зовущую к борьбе (Убрятова, 1950, с. 127).

Форму исходного падежа в якутском языке прямое дополнение принимает тогда, когда действие бывает направлено на неопределенную часть от целого. Винительный собираемый с показателем -лары выражает объект, полностью подвергшийся действию; эта форма предпочитается, когда идет речь о совокупности предметов, представленных однородными членами предложения.

На фоне этой достаточно сложной картины выявляется специфическая семантика формы, которую называют прямым дополнением в неоформленном (неопределенном) падеже. Эта форма употребляется тог-

да, когда "центр тяжести лежит не на объекте, а на самом действии. Имя существительное, выражающее собой прямое дополнение, как бы сливается с глаголом-сказуемым. Это можно видеть на следующих примерах:

(10) Мин уубун ыраахтан да ыраахтан баһабын – Я воду=мою далеко-далеко черпаю.

(11) Мин уу бастагым аайы илиим уһаан уонна синньээн иһэр – Всякий раз, как я воду (досл.: вода) черпаю, руки мои удлиняются и становятся тоньше.

В первом примере идет речь о воде, которую в определенном месте черпает один из персонажей пьесы. Он подчеркивает, что это его вода", – поэтому слово уу 'вода' имеет аффикс винительного падежа лично-притяжательного склонения (1 л. ед.ч.). Во втором примере вода сама по себе не занимает говорящих, в центре внимания находится действие. "Это сочетание можно с таким же успехом перевести 'занимавшийся водочерпанием'. Слово уу 'вода' служит, скорее, характеристикой действия, чем его объектом. В этом случае и обязателен неоформленный падеж прямого дополнения" (Убрятова, 1950, с. 122-123).

Что касается других языков, привлеченных нами к анализу, то ближе всего к якутскому в этом смысле, пожалуй, эвенкийский, где в самой парадигме склонения представлено два падежа, для которых выражение прямого дополнения является главной функцией; оба они называются винительными: винительный на =па/=ва/=ма и винительный неопределенный на =я/=а (Константинова, 1968, с. 73).

В бурятском языке, как и в тюркских языках Южной Сибири, в парадигме склонения фигурирует только один винительный. Но многие авторы говорят о том, что наряду с так называемым "винительным оформленным", т.е. собственно винительным падежом, может употребляться и "винительный неоформленный". Легко догадаться, что речь идет о той же самой грамматической ситуации, которую Е.И. Убрятова рассмотрела на материале якутского языка. Так же, как в примере, приведенном выше, в этих языках форма, лишенная падежного аффикса, может появляться в позиции, где ожидается форма винительного падежа, поскольку эта позиция подчинена переходному глаголу. Конкретные условия, в которых появляется именно эта форма, требуют специальных исследований на материале каждого языка. Но есть основание думать, что те дифференциальные признаки, которые увидела и описала Е.И. Убрятова для якутского, различают условия предпочтения этих форм и в других языках.

Т.А. Бертагаев так интерпретирует отношения между соответствующими формами бурятского языка: "Винительный неоформленный... воспринимается несколько иначе, чем винительный оформленный. Имя в неоформленном винительном падеже является слабообъектным (т.е. объект выражен в нем не совсем явственно), в винительном оформленном – сильнообъектным" (Бертагаев, 1968, с. 278). Эту мысль он поясняет русскими аналогиями: сенозаготовка (от сено-заготавливать) – аналог винительного неоформленного, заготовка сена, заготавливать сено – аналог винительного оформленного. Ясно, что это

очень близко к тому, о чем говорит Е.И. Убрятова, хотя она использует другие термины и по-иному трактует системные отношения этих форм.

В.М. Наделяев, развивая принципиальные положения, намеченные им в 1954 г. (Наделяев, 1954), в курсе лекций, прочитанных аспирантам и сотрудникам отдела филологии ИИФФ СО АН СССР в 1977-1980 гг., теоретически обосновывает неправомочность выделения нескольких "неоформленных" падежей, кроме одного, *casus indefinitus*, который называют и неопределенным, и неоформленным, и другими терминами. Падежная форма без аффикса всегда представляет только этот падеж. Но нужно иметь в виду, что эта падежная форма в монгольских языках (как, впрочем, и в тюркских) полифункциональна и выступает в ряде синтаксических ролей: в роли подлежащего, в роли именной части сказуемого, в роли прямого дополнения, косвенного дополнения, обстоятельства, обращения, в роли последних членов в ряду однородных дополнений. От этой падежной формы "широкого диапазона" нужно отличать материально тождественную ей форму основы, которая, будучи частью слова, а не словоформой, не может вступать в грамматические отношения с другими словами.

Использование неопределенного падежа вместо винительного В.М. Наделяев тоже считает семантически значимым и связывает его с ликвидацией прямо-объектного вербального сочетания. Сочетание "неопр. падеж имени + переходный глагол" всегда готово к образованию лексических производных, напр., модо бэлэдхэ=хэ 'лесо-заготавливать' модо бэлэдхэлгэ 'лесозаготовка'. Мы разделяем точку зрения тех специалистов (Е.И. Убрятова, В.М. Наделяев и другие), которые считают неправомочным "удвоение парадигмы" за счет серии "неоформленных" падежей – винительного, родительного и др. (см. такое удвоение – Дыренкова, 1940, с. 243-245; Бертагаев, 1968, с. 18; и др.)

Если вопрос стоит об интерпретации этой формы либо как "неоформленного винительного", либо как неопределенного падежа, мы оценили бы ее только как неопределенный падеж. Но нам пока не вполне ясно, имеем ли мы в таких случаях дело с падежной формой или с основой, не имеющей с другими словами грамматических отношений "падежного типа". Мы имеем в виду интерпретацию групп типа модо бэлэдхэлгэ как аналитических слов, и нам кажется, что смысловой комментарий и русские аналогии, предлагаемые Е.И. Убрятовой, Т.А. Бертагаевым и В.М. Наделяевым, направляют мысль именно в эту сторону. Но, повторяем, окончательный ответ на этот вопрос может дать только специальное исследование. В контексте нашего исследования важны не столько эти детали, сколько общая интерпретация винительного падежа как падежа прямого дополнения и возможность несоответствий между этой функцией и выполняющими ее формами; важно что форма винительного падежа не всегда бывает именно прямым дополнением – и не всегда прямое дополнение выражается формой винительного падежа. Если падежей, выражающих прямое дополнение, в языке несколько, они образуют особую подсистему, в составе которой каждый из них так или иначе специализируется. Про-

тивопоставляясь друг другу внутри этой подсистемы, они все вместе противопоставляются и прямому, и косвенно-объектным, и обстоятельством падежам.

Но центром таких подсистем всегда остается "основной" винительный. В тюркских это падеж с маркером =ны/=ни (с фонетическими вариантами). Судя по тем данным, которыми мы располагаем сейчас, только этот падеж активно проникает в систему предикативного склонения. В эвенкийских материалах представлено несколько фраз с формой винительного неопределенного на =я/=а, в то время как винительный на =ва – регулярная форма, которую принимают многие причастные предикаты. В тюркских материалах, как мы уже отмечали выше, представлено несколько примеров, где при прямопереходном конечном сказуемом управляемая им ПЕ не получает падежного оформления, т.е. выступает в неоформленном падеже. К сожалению, малочисленность подобных примеров не позволяет пока дать им какую-то семантическую интерпретацию.

Перейдем теперь к вопросу о функционально-семантической специфике винительного падежа в системе предикативного склонения по сравнению со склонением субстантивно-прономинальным.

§ 3. Содержательная специфика винительного предикативного

Винительный падеж в системе предикативного склонения ближе других падежей к их непредикативным аналогам. Но близость не означает тождества. Более того, как раз в силу этого на материале винительного падежа особенно отчетливо прорисовывается принципиальная разница между предикативным и субстантивным склонением. Здесь сводятся к минимуму расхождения, связанные с тем, что в субстантивном склонении на первый план выдвигаются одни, в предикативном – другие потенции падежей. Например, местный падеж в субстантивном склонении выражает локализацию предметов в пространстве и событий во времени; ср: "Ножницы лежат в ящике", "Я приеду в августе". Иногда его называют местно-временным, но временная функция реализуется настолько реже пространственной, что вторую часть термина обычно опускают. В предикативном склонении, наоборот, временная функция безусловно доминирует, а пространственная, очень существенно трансформируясь, отодвигается на глубокую периферию падежной семантики. Расхождения такого рода, большие или меньшие, прослеживаются на материале каждого падежа и воспринимаются как частности, обусловленные многими обстоятельствами, – вовсе не обязательно спецификой предикативного склонения по сравнению с субстантивным. Винительный падеж позволяет сосредоточить внимание именно на этой специфике. Поэтому многое, о чем пойдет речь в этом параграфе, будет относиться не только к винительному, но и к другим, прежде всего субъектно-объектным падежам.

Любопытная особенность винительного как падежа прямого дополнения в субстантивном склонении состоит в удивительной цельности

его семантики; кажется, что он не распадается на функциональные варианты, подобные тем, которые мы видим у других падежей (напр., дательный – адресата, направления, субъекта). Винительный – это просто падеж прямого дополнения при переходном глаголе. В составе сочетания, выражающего представление о действии, глагол и прямое дополнение семантически взаимодействуют очень тесно. Они активизируют друг у друга одни стороны смысла и тормозят, приглушают другие. Целостным смыслом обладает лишь сочетание в целом. Например, в таких русских сочетаниях, как есть яблоко, есть мороженое, есть суп, за глаголом есть стоят физически разные процессы, и общее представление о каждом из них фиксируется именно сочетанием глагола и дополнения. Не приходится говорить о том, насколько зависит понимание глагола от характера дополнения в таких случаях, как сорвать розу – сорвать урок, уронить розу – уронить достоинство и т.п.

Именно поэтому так трудно распределить все сочетания переходных глаголов с прямыми дополнениями по взаимно противопоставленным группам и фиксировать различающие их признаки, т.е. выделить функциональные варианты аккумулятива как падежа прямого дополнения. Попытки такого рода состоят обычно в выделении и именовании лексико-семантических групп переходных глаголов; см., например, раздел "Глагольные словосочетания с винительным падежом" в уже упоминавшейся работе А.А. Кокляновой (1968, с. 45–54). Здесь выделяются такие группы, как глаголы созидания, разрушения, разделения, взятия, дачи, зрительного восприятия, чувственного восприятия вообще, умственного восприятия, речи и др. Трудность классификации подобного материала мы видим в том, что с очень абстрактного уровня собственно-грамматической семантики прямого дополнения и переходности, с уровня, на котором формируется категориальное значение действия, мы сразу, без промежуточных шагов, спускаемся на самый конкретный уровень смысла отдельных слов, откуда снова пытаемся начинать подъем.

Привлечение к анализу предикативного винительного падежа, формы специфически алтайской, как и все предикативное склонение, позволяет несколько по-новому осмыслить семантическую природу винительного субстантивного, причем не только в алтайских, но и в русском и в других языках, имеющих этот падеж. Этот угол зрения делает заметной "линию раскола" прямообъектной семантики аккумулятива, его расщепление на два функциональные варианта, которые мы назовем – один предметным, а другой событийным или процессным. Этому делению объектов довольно четко соответствует и деление на два типа всех переходных глаголов.

Сочетанию $V_{tr} + N_{вин}$ в общем случае соответствует представление о действии, источником которого является активный предмет, субъект, выраженный подлежащим. Специфическим частным случаем действия является психическое действие, языковое представление о котором задается особым разрядом переходных глаголов, управляющих событийными, процессными дополнениями.

В цитированной выше формулировке "Русской грамматики" (1980, с. 614) вторым, наряду с действием, значением переходных глаголов называется "отношение непосредственного восприятия". Действительно, такие глаголы, как рус. видеть, тув. көр, бур. хара; рус. слышать, алт. ук, хак. ис, бур. дуула, соносо; рус. узнавать, знать, тув., алт. бил, бур. мэда и др., формируют категориальное представление о процессах "особого рода", типологически отличных от того, которое формируется глаголами типа тув. кес 'резать', алт. саа 'дойти', бур. бэдэр 'искать', тув. көдүр 'поднимать' и т.п. Но специфика этих процессов словом "восприятие" передается неадекватно. "Восприятие", противопоставляясь "действию", предстает как "недействие". Но мы понимаем "действие" как имя класса процессов, объединяющего активные физические и психические процессы. Восприятие же — лишь один из видов психических действий.

Глаголы психического действия в каждом из алтайских языков многочисленны и разнообразны. Среди них выделяется немало лексико-семантических групп, в том числе различные виды восприятий, речь, мыслительные процессы и др. Но, как мы постарались показать ниже, эти группы слабо противопоставлены друг другу, и нам кажется более удобным говорить не о группах глаголов, а об общем диапазоне смыслов, составляющих семантическую категорию психического действия. Психическими действиями являются и такие замкнутые в субъекте процессы, как алт. санан 'думать', бур. бодо, алт. бодон, тув. бода 'думать', бур. мартат, тув. сак, алт. унды 'забыть' и др., которые не подпадают под понятие восприятия. Обратим внимание на то, что естественные языки разных семей интерпретируют эти процессы как активные психические действия — эти глаголы переходные; термин же "восприятие" подразумевает, скорее, пассивность.

Содержанием психических действий, обозначаемых переходными глаголами "полной семантики", является оперирование информацией, т.е. обладание ею, получение, хранение или утрата; фиксация информации, ее внутренняя переработка; обмен информацией, ее передача другим лицам. А формой, в которой информация существует, хранится, передается другим лицам, своего рода "единицей информации", является пропозиция, понимаемая как семантическая структура, соответствующая предложению.

Доминирующую функцию винительного падежа в предикативном склонении алтайских языков мы видим именно в том, что этот падеж оформляет номинализации предикативных единиц, выступающих в роли прямых объектов психических действий. Эти ПЕ (или их субстантивные производные) представляют ту информацию, которую субъект получает, перерабатывает, хранит, передает кому-то и т.д.

Проиллюстрируем сказанное простейшими примерами:

(12) Тув.: Оң эртен келгирин мен манал турдум — Я ожидал, что она придет утром. Зависимая ПЕ (она подчеркнута) имеет форму винительного падежа, аффикс которого =ин (для 3 л.) принимает на себя сказуемое, причастие будущего времени на =р от глагола кел.

(13) Алт.: Сенинг бугун кел=ер=ин=ди мен сакы=ба=дым — Я не

ждал, что ты приедешь сегодня. Здесь та же форма причастия будущего времени глагола кел приняла аффикс винительного падежа =ин, который следует за подлежащим 2 л. ед. ч. =ин.

(14) Тув.: Мен бошолду кезип турганымны сен көргөн-не болгай сен — Ты ведь видел, что я косил этот лужок. Здесь форму винительного падежа принимает причастие прошедшего времени на =ган вспомогательного глагола тур в составе аналитической формы сказуемого зависимой части кезип турганымны.

(15) Алт.: Менде билет жогун ол тургуза-ла ајаарып ийди — Он сразу заметил, что у меня нет билета. Здесь форму винительного падежа приняло имя отчества жок, выполняющее функцию сказуемого зависимой ПЕ.

(16) Хак.: Чилит ту та поэң иди сарнача=а=нны ундуп салгазың ма? (НТ. КК, 118) — Яго ты сама в молодости так пела, забыла ты, да? Причастное сказуемое в форме на =ган (этот аффикс редуцирован до одного гласного =а) стоит в форме винительного падежа 2 л. ед. ч.

(17) Эвенк. (барг. диалект.): Мунни эмери=вэ=вун халикса, нунан эртыт эмерэн — Узнав, что мы приехали, он тотчас пришел. Форма винительного падежа зависимой ПЕ выражена аффиксом этого падежа =вэ, который принимает причастие на =ри. Показатель 1 л. мн. ч. =вун в эвенкийском зафиксирован словоформой.

(18) Бур.: Намайгун, гурба налатай хүбүүгээ, мордохуул=н=ые=нь мартагшагүйб — Я не забываю (того), как он меня, трехлетнего сына своего, посадил на коня.

(19) ... Хонид бэлдэхэ сагайн-гаа ерэ=н=ые тухайлжа, мааралдажа захалба (Х, 75) — Овцы, догадавшись, что пришло время пастись, начали блеять.

Из этих очень типичных примеров видно, что структура психического действия четко воспроизводит общую структуру действия как языковой категории: субъект, объект и связывающий их процесс. Все алтайские языки оформляют объект психического действия, в том числе выраженный предикативными единицами, тем же падежным маркером, которым оформляется прямой объект физических действий. Однако психическая природа действия и на субъект, и на объект накладывает существенные ограничения.

В качестве субъекта психологическое действие предполагает не просто активный предмет (ср. хак.: Чил пулуттарды тарадыбысхан 'Ветер разогнал облака'; Харлағастар палаларны чарылдырып алғаннар 'Ласточки вывели пугинов'), но субъект сознания. Носителем сознания в полном объеме этого термина является только человек (от олицетворений, а также от того факта, что простейшие психические акции доступны и высшим животным, мы сейчас отвлекаемся).

Ограничением, которое психический характер действия накладывает на объект, является его пропозициональность.

Поэтому имманентным способом выражения прямого объекта при глаголах психического действия является именно предикативная единица, маркированная показателем винительного падежа. Алтайские языки дают этому прямое, наглядное подтверждение.

В работе, посвященной предикативному склонению, нас будет интересовать в первую очередь именно это соотношение. Но все-таки надо сразу же сказать о том, что событийное содержание прямого объекта, которого требует глагол психического действия, и предикативная форма прямого дополнения, представляющего событие, не связаны необходимой связью. Синтаксическая форма предложения (предикативной единицы), как показали в своих работах Н.Д. Арутюнова, В.А. Белашанкова, Т.А. Колосова и другие, есть наиболее адекватная форма представления события. Она задает семантическую структуру пропозиции. Совокупностью синтаксических форм предложений каждого языка определяются, фиксируются общее представление о событии и основные типы событий. Но в каждом языке есть и свои способы сжатия, компрессии и редукции этих представлений, полное развертывание которых далеко не всегда соответствует потребностям коммуникации. Выступая в роли зависимой части сложного предложения, пропозиция неизбежно подвергается определенной редукции.

Более сильная редукция связана с разного рода оборотами; еще более сильная – с использованием имен существительных, как абстрактных, так и конкретных, в том числе и имен собственных, в качестве заместителей предикативных форм.

Таким образом, при глаголах, выражающих психические процессы, дополнение закономерно имеет событийный смысл, в то время как при глаголах реального, физического действия – предметный смысл. Рубить, резать, потрошить, бросать, переворачивать, коптить (имея в виду прямые значения) можно лишь физические объекты. События, будь они выражены именными словосочетаниями (типа приезд отца, поступление брата в институт) или ПЕ (типа то, что приехал отец, то, что брат поступил в институт), могут быть объектом лишь психического, но никак не физического оперирования.

Но всегда ли объектом психического действия является ситуация? Не можем ли мы мысленно или эмоционально оперировать представлениями об отдельных предметах? На первый взгляд кажется, что можем: вспомнить старый дом, бабушку, заметить поросенка, подумать о подарке и т.д. Однако стоит вдуматься в эти отношения, и мы убедимся, что предметные имена в роли дополнений и стоящие за ними представления как объекты психического оперирования являются результатами редукции представлений о событиях, ситуациях. Так, мы нередко говорим: "Вижу автобус!" Но в действительности мы видим событие, центром которого является для нас автобус: он стоит или идет, уходит или приближается. Говоря "Вижу автобус", мы абстрагируемся от тех сторон ситуации, которые в данный момент не важны или даже мешают; ср.: "Я вчера видел Колесникова" / "Я вчера видел, как Колесников шел на пляж". Мы всегда видим предметы погруженными в жизнь: топором рубят, книгу читают, поросенок бежит и визжит. Но если это окружение предмета, ситуация, в которую он включен, нам не важна, мы редуцируем ее до предметного центра.

"Психический процесс" мы понимаем шире, чем "психическое действие", которое связывает субъект сознания с объектом отображения. Существуют и такие психические процессы, которые предполагают косвенные объекты, например глаголы, обозначающие эмоции:

радоваться тому, что экзамены позади; жалеть о том, что не пошли на выставку; опасаться того, что ударит мороз, и т.д. Русские глаголы этой семантики управляют разными падежными и падежно-предложными формами дополнений: чему? о чем? на что? чем? чего? от чего? В алтайских языках эти отношения формально строже и четче. Дополнение при эмотивном глаголе принимает, как правило, форму дательного падежа. Исключение составляет группа глаголов с семантикой эмоционального оттаивания: 'бояться' – корк (тув., алт., хак.), бур. ай, эвенк. нэлэ; 'остерегаться' – тув. болгаа, бур. хэргыл, (болгоо); 'брезговать' – бур. жэрхэ, ойгоо гута, тув. чэскин, чудексин, хак. чиркен, чискін; 'стыдиться' – хак. уят, арын, тув. ыят, алт. уял, бур. эше и некоторые им подобные, требующие от дополнения исходного падежа. Кроме того, в каждом языке выявляются группы предикатов, а иногда и отдельные предикаты, которые в определенных отношениях сближаются с глаголами, называемыми психическими процессами, но вряд ли принадлежат этому классу "на равных правах". Таковы, например, слова со значением 'быть виноватым', требующие, как и в русском, дополнения в местном падеже: быть виноватым в том, что ребенок заболел (= в болезни ребенка); ср.: заслуга в чем, принимать участие в чем и некоторые другие. Глагол 'поздравить', бур. амаршал, алт. уткуу, в наших материалах встречается с дополнением в творительном падеже; но вполне возможно, что это объясняется давлением русских речевых образцов, для алтайских языков такая модель управления нетипична.

Прежде чем переходить к анализу материалов, наглядно свидетельствующих о том, что все привлеченные к исследованию алтайские языки регулярно используют стандартные модели управления "глагол психического процесса → событийное дополнение в предикативной форме в винительном, дательном или исходном падеже", мы должны сделать еще несколько замечаний.

В алтайских языках существительные событийной семантики не так многочисленны и разнообразны, как в русском, и в интересующей нас позиции дополнения при глаголах психического действия появляются редко. По-русски мы можем сказать и "Я рад нашей встрече", и "Я рад тому, что мы встретились". Алтайские языки в принципе тоже допускают существительные в роли дополнений, однако гораздо реже, чем в русском. Несопоставимо более типичным является здесь причастие, которое на русский язык может переводиться существительным, в особенности если субъект при нем представлен родительным падежом. Например, тув.: Сээң келген-инте (дат. п.) – 'тому, что ты пришел' или 'твоему приходу'; акы-м-ның шаңнал-ды алып-ын (вин.п.) – 'то, что брат-мой должен получить (получит) премию' или 'получение премии моим братом (букв.: моего брата)'. Поскольку с этим вопросом связана одна из "вечных" проблем алтаистики, выразим свою позицию возможно более четко.

Алтайское причастие – это безусловно глагольная форма. Идущие из европейского языкознания термины "неличная", а тем более "именная" форма применительно к алтайским причастиям неадекватны. В изучаемых нами языках Южной Сибири причастное зависимое сказуе-

мое – это личная форма, сохраняющая все те важнейшие свойства глагола, которые противопоставляют его имени существительному. Причастия выражают категориальные значения наклонения (модальности): обычно это индикатив, но некоторые формы, например: алт. на гадый, тув. на гу дег, отчасти и бур. на даг, заслуживают под этим углом зрения специального обсуждения. Причастия передают временные значения, которые нередко релятивизируются в позиции зависимого сказуемого; при этом меняется система темпоральных координат, но сама функция временной локализации событий сохраняется причастиями прочно и в этой позиции. Передают причастия и аспектуальные значения, свойственные глаголу: во всех алтайских языках широко представлены аналитические формы причастий с разными вспомогательными глаголами, вполне аналогичные финитным формам “конечных” глагольных сказуемых. Причастия сохраняют и залоговые, и некоторые другие характеристики собственно-глагола. Поэтому теоретическое сближение алтайских причастий с именами мы считаем неправомерным.

Понятие имени (а соответственно и “именной формы”) в европейском языкознании тесно связано с фактом склоняемости: “Спрягаемые слова – глаголы, склоняемые – имена: существительные, прилагательные, числительные, местоимения – и причастия, поскольку они суть тоже склоняемые формы”. Но наше исследование как раз и призвано показать, что склонение причастий в алтайских языках есть синтаксический механизм, обслуживающий сложное предложение, что участие причастий в предикативном склонении не дает оснований считать их “именными формами”, т.е. “именами” или близкими подобиями имен. Принимая аффиксы падежей, они остаются глаголами.

Существительное или местоимение, называющее субъект зависимого причастного действия, мы считаем подлежащим зависимой ПЕ, стоит ли оно в прямом или в родительном падеже. В бурятском языке оно практически всегда принимает форму родительного падежа; в маньчжурском, видимо, тоже. В эвенкийском (литературн., полигусовск.) и в якутском родительный падеж утрачен и альтернативы нет. Но в баргузинском диалекте эвенкийского она возникает, поскольку субъект часто выражается притяжательными местоимениями типа минци, синци, мунци, сунци (см. подробнее: Черемисина, 1983). В тюркских языках Южной Сибири ситуация наиболее сложная. В роли подлежащих управляемой зависимой ПЕ могут выступать формы как неопределенного, так и родительного падежа, и закономерности предпочтения каждой из них требуют серии углубленных исследований. На данном этапе мы не видим никаких веских причин отказывать одной из этих форм в том грамматическом статусе, который приписываем другой форме.

§ 4. Предикаты, управляющие винительным падежом ЗПЕ

Мы уже выяснили, что предикативными актантами в форме аккумулятива управляют переходные глаголы, обозначающие психические процессы – они предполагают событийную семантику управляемой формы;

значительно реже в этой роли выступают глаголы реального действия, которые управляют актантами предметной семантики. Регулярно это наблюдается лишь в эвенкийском, реже в бурятском и в тюркских языках. Однако мы не знаем еще, какие из глаголов этой семантики действительно встречаются в каждом изучаемом языке в сочетании с предикативными актантами в винительном падеже. В основном нас интересуют с этой точки зрения, конечно, глаголы психического действия.

Переходные глаголы психического действия составляют в каждом языке крупную лексико-семантическую группу, которая объединяет в себе такие более частные группы, как обладание информацией, ее получение по разным каналам (‘увидеть’, ‘услышать’, ‘унюхать’, ‘разведать’ и др.), ее хранение, переработка, передача другим лицам и др. Интегральную сему всей группы мы определяем как “оперирование информацией” и сокращенно обозначаем ОИ. Вряд ли нужно доказывать, что число глаголов, в семантике которых есть эта сема, и эквивалентных им устойчивых сочетаний (алт. эске ал = ‘вспомнить’, букв.: ‘взять в память’; ср. рус.: забрать в голову и др.) в каждом языке очень велико. Одних только глаголов речи и в русском языке, и в тюркских языках насчитываются сотни (см.: Ничман, 1980; Гаджиева, Коклянова, 1961). Но все ли глаголы, содержащие сему ОИ, встречаются в конструкциях с винительным падежом предикативных актантов? Ведь винительный падеж ЗПЕ – не единственный способ представления информации в изучаемых нами языках. В эвенкийском языке возможна постройка ЗПЕ в продольном падеже; во всех языках информация может быть представлена и через свою тему с помощью последовательных конструкций (рус. говорить о лошадях, алт. ат керегинде, бур. морид тухай и пр.), и выражена прямой речью, и передана специфическими алтайскими синтаксическими конструкциями, развившимися на базе передачи прямой речи, – конструкциями, в которых зависимая часть, содержание информации, вводится служебным словом, по происхождению деепричастием от глагола говорения. Это в тув., алт. слово деп, в хак. тiп, в бур. гэжэ, в эвенк. гунне, в маньч. сэмэ.

Работая с текстами и экспедиционными материалами по разным изучаемым языкам, мы не могли не обратить внимания на повторяемость в составе интересующих нас сочетаний одних и тех же глаголов. Мы не ставили своей целью инвентаризацию предикатов, управляющих винительным предикативным, но эта повторяемость заинтересовала нас, и мы сделали небольшие подсчеты на базе подвыборки по трем тюркским, бурятскому и эвенкийскому языкам (не менее 300 фраз на каждый язык). Эти подсчеты показали, что круг таких предикатов отнюдь не безгранично широк, скорее, он узок, и даже очень узок, если говорить о глаголах, для которых эта функция действительно регулярна. На каждую сотню фраз приходится 20–25 разных предикатов, но из сотни в сотню повторяется лишь 12–13, которые составляют несомненное ядро группы и потому представляют для нас особый интерес. Эти глаголы мы представили в табл. 1.

За рамками этого минимального списка остались глаголы, доля которых в списке не превысила 1%. В их числе бур. мартэ = ‘забы-

Таблица 1

Частота употребления глаголов ОИ, %

Тувинский			Алтайский			Хакаский			Бурятский			Эвенкийский		
Глагол	Частота употребления	Глагол	Частота употребления	Глагол	Глагол	Частота употребления	Глагол	Глагол	Частота употребления	Глагол	Частота употребления	Глагол	Частота употребления	Глагол
бил= 'знать'	16	бил= 'знать'	27	бил= 'знать'	29	бил= 'знать'	22,6	бил= 'знать'	33	бил= 'знать'	22,6	бил= 'знать'	33	бил= 'знать'
кер= 'видеть'	15	кер= 'видеть'	17	кер= 'видеть'	20	кер= 'видеть'	11,6	кер= 'видеть'	20	кер= 'видеть'	11,6	кер= 'видеть'	20	кер= 'видеть'
дынна= 'слышать'	12	сес= 'чувствовать'	7	сизид= 'замечать'	10,1	ойлго= 'понимать'	11,3	ойлго= 'понимать'	6,6	ойлго= 'понимать'	11,3	ойлго= 'понимать'	6,6	ойлго= 'понимать'
оралдаш= 'стараться'	12	ук= 'услышать'	5,3	ис= 'слышать'	7,8	оролдо= 'стараться'	8,6	оролдо= 'стараться'	5,3	оролдо= 'стараться'	8,6	оролдо= 'стараться'	5,3	оролдо= 'стараться'
бода= 'думать'	5	унцы= 'забыть'	4,7	сагы= 'ждать'	6,2	дуула= 'слышать'	5,3	дуула= 'слышать'	3,6	дуула= 'слышать'	5,3	дуула= 'слышать'	3,6	дуула= 'слышать'
чугаала= 'говорить'	5	айт= 'говорить'	4,7	чоохта= 'рассказывать'	6	хоорэ= 'рассказывать'	5,3	хоорэ= 'рассказывать'	2,3	хоорэ= 'рассказывать'	5,3	хоорэ= 'рассказывать'	2,3	хоорэ= 'рассказывать'
эскер= 'замечать'	4,5	коргус= 'показывать'	4	оона= 'понимать'	2,5	мана= 'думать'	5	мана= 'думать'	2,3	мана= 'думать'	5	мана= 'думать'	2,3	мана= 'думать'
ут= 'забывать'	4	сана= 'думать'	3	сагы= 'думать'	2,5	хулээ= 'ждать'	4,3	хулээ= 'ждать'	2	хулээ= 'ждать'	4,3	хулээ= 'ждать'	2	хулээ= 'ждать'
сакт= 'помнить'	3,3	суу= 'любить'	2,3	унду= 'забыть'	2,5	тухайл= 'догадываться'	4	тухайл= 'догадываться'	1,6	тухайл= 'догадываться'	4	тухайл= 'догадываться'	1,6	тухайл= 'догадываться'
күзе= 'хотеть'	3,3	сакы= 'ждать'	2	кбайт= 'показывать'	1,9	шагна= 'слышать'	3,6	шагна= 'слышать'	1,6	шагна= 'слышать'	3,6	шагна= 'слышать'	1,6	шагна= 'слышать'
айтыр= 'спрашивать'	2,7	онто= 'понимать'	2	наста= 'начинать'	1,8	обёр= 'замечать'	2,6	обёр= 'замечать'	1,3	обёр= 'замечать'	2,6	обёр= 'замечать'	1,3	обёр= 'замечать'
де= 'говорить'	2	куучинда= 'говорить'	2	сур= 'спросить'	1,2	хэлэ= 'говорить'	2	хэлэ= 'говорить'	1	хэлэ= 'говорить'	2	хэлэ= 'говорить'	1	хэлэ= 'говорить'
минни= 'чувствовать'	1,3	эске ал= 'вспоминать'	1,6											

вать', ажагла= 'замечать', гуй= 'просить'; тув. диле= 'просить', манна= 'ждать', угаа= 'соображать', хооре= 'говорить с увлечением' и др.

Маньчжурский материал позволил выделить следующие регулярно встречающиеся глаголы: са= 'знать', тура= (сибин. туа=) 'смотреть, видеть', сабу= 'смотреть, видеть, примечать', ала= 'говорить, сказать', гисуре= 'говорить', хэньду= 'сказать, рассказать, объяснить', доньчи= 'слушать, слышать', гуни= 'думать, помнить', ули= 'знать, понимать'. Наши маньчжурские материалы более ограничены, но и здесь в сочетании с винительным предикативным встречены глаголы того же типа.

Ясно, что при наращивании выборки и общий список, и список повторяющихся предикатов будет удлиняться. Множество глаголов, которые могут появиться в этой позиции, бесконечно, поскольку всегда может появиться "еще хотя бы один" такой глагол. Но вряд ли увеличение выборки существенно поколеблет представление о ядре группы.

Во всех привлеченных к анализу языках первое место в частотном списке и центральное место в группе занимает глагол, соответствующий русскому знать: в тюркских языках это бил-, в бур. мэдэ-, в эвенкийском са-, в маньч. са-. Высокая частотность этих глаголов обусловлена богатством семантики: только основным их семантическим вариантам соответствует более 10 разных русских переводных эквивалентов. В этом состоит одна из причин, делающих затруднительной и неудобной систематизацию выделившихся регулярных предикатов по лексико-семантическим группам (ЛСГ). Мы предпочли поэтому другой способ системного представления этой группы – описание, опирающееся на семантическую интерпретацию центрального глагола.

Примем за основу тувинский глагол бил-; семантическая интерпретация его аналогов в других алтайских языках не очень отклоняется от этой основы. В семантической структуре этого глагола мы видим две "оси" различия и взаимного противопоставления семантических вариантов (значений). Это, во-первых, ведущая главная оппозиция по признаку "статика: динамика", т.е. обладание информацией: ее получение (или передача). В русском переводе первому варианту соответствует 'знать', второму 'узнавать'. Передача информации по-русски глаголом знать и его производными не выражается. В тувинском (вообще в алтайских) этот смысл тоже выходит за рамки семантической структуры основного глагола, но он передается производной от него формой каузативного залога, которая в лексикографии считается отдельным глаголом. Во-вторых, противопостоят друг другу семантические варианты бил-, связанные с характером информации, с ее знаковой (логической) или незнаковой (чувственной) природой. Вторым вариантом по-русски передается глаголами другого корня: чувствовать, почувствовать, в противопоставлении знать, узнать, предполагающем преимущественно логическую, знаковую информацию. В тувинском глагол бил- естественно распространяется и на обладание и получение незнаковой информации. При этом он может выступать, естественно, в разных синтетических и аналитических формах. В конкретных употреблениях противопоставление двух типов информации не всегда выступает отчетливо.

Проиллюстрируем сказанное некоторыми примерами.

1. Обладание информацией:

(20) Тув.: Мен өргелерниң ынчалдыр чыкыла=ар=ын билир кижилер мен (ССо, А, 75) - Я знаю, что суслики так кричат, (21) Кожа аалывыстың бистиң-биле кады чораан, менден ийи хар улуг оол "орук-ка-ла чок апарган" деп улус ында-мында ыглашкан, деидээн тур=ар=ын билир мен (ССо, А, 35) - Я помню (букв.: 'знаю', глагол бил-), как люди плакали, волновались, что, мол, "ещё в дороге скончался" мальчик с соседнего стойбища, который ехал вместе с нами и был на два года старше меня. (22) А Тербе-Дашка - кадарчының кыштаанга алдан-дургуннарның бирээси, сөөлүндө барып бажын кестирип каан Севээндөй деп кайгал эрниң кыштап чораан=ын Дажы-Намчал маңаа бир дугар көжүп келген хүнүнден-не билир (УХ, 5) - Дажы-Намчал с первых дней приезда сюда знает, что здесь в Тербе-Дашке - зимовке чабана - зимовал молодой Севээндөй, которому впоследствии отрезали голову.

Ср. (23) хак.: Аба ноо інде чадарга пар=ган=ын Аркут ибденек пилген... (ИК. МН, 33) - Медведь в какую берлогу ложиться пошёл, Аркут дома ещё знал. (24) Бур.: Танай тугалшан боложо, хэдэн-жэл соо ажалла=т=ые=тнай мэдөнөм (Б-76-6, 20) - (Я) знаю, что вы, став телгатицей, проработали несколько лет. (25) Алт.: Слерже мыны айдарга ара=баз=ын мен билгем - Я знал, что не должен был вам это говорить. (26) Эвенк.: Нуңан сарэн чоре амутту би=нэ=вэ=н (Эф, 130) - Он знал, что в озере чёрт водится.

Ср. примеры с отрицательной формой управляющего глагола:

(27) Тув.: Дайының чүгө эгелэ=эн=ин билбес мен (ССо, А, 111) - Почему началась война, я не-знаю. (28) Алт.: Кече энирде нени эт=кен=ин ол бойы да билбей туру - Он сам не помнит (знает), что делал вчера вечером. (29) Хак.: Хаңан аның пеер кил=ер=ин пилбинчөм - Когда он сюда придет, не-знаю. (30) Бур.: Тиыхэдэ та хайшан гээд баабгайгаа ала=хан=аа өөрөө мэдээгүйб гэнэ гүт? (Б-79-1, 15) - Значит, вы говорите, что сами не-знаете, как убили медведя? (=аа - аф. субъектного притяжания, обозначающий тождество субъектов главного и зависимого действия; аф. винительного падежа перед ним выпадает). (31) Эвенк.: Тар тыкэн некэдэнэ илалдава-да анңэ=нэ=ви, илан дядлава-кат анңэ=нэ=ви эчэ сарэ (ИФЭ, 84) - Так он и не-знал, три ли дня спал, или 30 дней спал. (32) Маньч.: Ай тургунь биси=рэ бэ са=рку (П, 58) - Не-знаю, какая есть причина.

2. Получение информации:

(33) Тув.: Даайым ашак ол ашканым баалык кырындан мээң изимни тыпкаш, дүргөн тып ал=ган=ын билдим (ССо, А, 34) - Я узнал, что мой дядя, обнаружив на кособоре, через который я переправлял, мои следы, быстро нашёл меня. (34) Алт.: Оның аранып алала, кайдаар барат=кан=ын билери кайкамчылу - Интересно узнать, куда он пошёл, нарядившись. (35) Хак.: Өрт хайди пастал=ган=ын пилер-ээрдж (ФБ, ТО, 33) - Как начался пожар, тоже узнаете. (36) Бур.: Гэртэ хүнэй бии=е мэдэ! (БРС, 94) - Узнай, есть ли в доме люди! (зависимое сказуемое - связка бии 'быть, находиться'). (37) Эвенк.: Тарит садавахун би кейив=на=ва=в (ФЭЯ, 55) - Таким образом вы узнаете, что я побежден. (38) Маньч.:...мудурі ісхун де беје беје бе

хаіра=ра бе са=фи, екчінде анаме тучібуте...(Леб., т. 1) - ... Дракон, узнав, как они жалеют друг друга, вытолкнул их на берег. (39) ...Боли бэ дахара эму нялма моринь и ярфунь бэ хулха=ра бэ Тэмучжинь и део Бэлкүтэй са=фи ... (П, 45) - Бэлкүтэй, младший брат Тэмучина, узнав, что человек из свиты Боли украл недоуздок...

О том, что глагол со значением 'знать' в некотором конкретном случае обозначает получение информации ('узнавать'), нередко свидетельствует его грамматическая форма. Так, некоторые видовые формы однозначно указывают на динамический, а не статический аспект семантики этого глагола. В тюркских языках это сочетания со вспомогательными глаголами, передающими завершенность, предельность действия:

(40) Тув.: Даарта сээң чоруур=уң=ну оон бил=ип ал=дым - То, что ты уезжаешь завтра, я узнал от него. (41) Эки дыштан=ган=ын канчап бил=ип каг=дың? (ССо, А, 212) - Как ты узнала, что он хорошо отдохнул? (42) Хак.: Ам на пил=ип ал=дым Ай хайди ол=четкен=ин (НТ. ТКÖ, 67) - Только теперь (я) узнала о том, как Луна умирает.

Аналогичные явления наблюдаются и в бурятском языке:

(43) Биденэй дунда Талын бүргэдэй бай=т=ые немецүүд мэдэ=жэрхи=хэн байгаа (Тум., ТБ, 40) - Немцы узнали, что среди нас находился Степной орёл (=жэрхи= - суф. "мгновенного вида"). (44) Элирүүхэ гэлэн асуудалын энэ тэдыгээр барагдажа, Тагар Пыбаанай хара мэхэтэй=е мэдэ=жэ аба=ба (Дамб., 76) - Когда проясняющие вопросы таким образом кончились, Тагар понял, что Пыбан очень хитрый (уяснил себе; вспомогательный глагол аба= с исходным значением 'брать' передает направленность действия в пользу субъекта).

В эвенкийском семантика получения информации может подчеркиваться видовым показателем начала действия =д:

(45) Хэрбэл умукэнмэ этыркэчэнмэ уңнэ са=л=давэр кусиму=де=ри=вэ=тын=му (ИФЭ, 144) - Хэрбэли послали одного старикашку, чтобы узнать, хотят ли они драться.

Различие между получением и обладанием незнаковой, чувственной информацией прослеживается не так отчетливо; но и эти ЛСВ у тувинского бил= представлены четче, чем у русского знать. Примеры:

(46) Тув.: Хелиңниң чеңи соок ыржымны канчаар кезе шаап тур=ган=ын ындыг=ла кончуг көрбээним билдингир, ынчалза-даа Хелиңниң чеңинде минчиглер канчаар изиңнедир сог=ар=ын угбам-биле кады эки билир бис (СТ, 30) - Понятно, что я ещё не очень следил, как распекают морозную тишь рукава Хелина, но зато то, как касаются и обжигают лицо галуны на его обшлагах, мы вместе с сестрою очень хорошо знаем. (47) Аарый бер=ген=им=ни бил=ип каг=дым - Я почувствовал, что заболел; ср. (48): Аарый бээр=им=ни бил=ип тур=дум - Я чувствовал, что болею.

Примеры по другим языкам:

(49) Алт.: Бис оны сууддөн ийде салып ийерге тур=ган=ыс=ты бил=ип ийеле, ол бойы калып ийген - Почувствовав, что мы хотели его столкнуть в воду, он прыгнул сам. (50) Хак.: ... олғаннар Хара-тас городха чит=кен=нер=ин де пилбин халғаннар (НТ. КК, 66) -

Группа 'забывать':

(76) Тув.: Оон ыңай канчаар чора-ан-ывыс-ты уткан-дыр мен (ССо, А, 19) - Как мы ехали дальше, я забыл. (77) Алт.: Сен школы божот-колог-ын-ды мен ундып салтырым - Я забыл, что ты ещё не окончил школу. (78) Хак.: Иполит Иванович палыгладыбыс-хан-ын Опан ундубаанох (НТ, ТКÖ, 132) - Что Иполита Ивановича ранило, Опан тоже не забыл. (79) Бур.: Шиний энэн тухай хөөр-еө-гүй-е би оройдоо мартажархеоб - Я совсем забыл, что ты мне про это не рассказал. (80) Эвенк.: Си нонопты анцаниду би кехалтавав ачинни-нэ-вэ-с, аява о-на-ва-с эчэв омчоро (ИФЗ, 26) - Я не забыл, что ты в предыдущие годы избавил меня от мук, сделал добро.

Другие группы:

(81) Тув.: Ол чонга каржы болганда, ооң дужаалын кудулат-кан-ын мен шын деп санап тур мен - Я считаю правильным, что его понизили в должности, раз он груб с людьми. (82) Чайның эрт-кен-ин эскербедим - Я не заметил, как прошло лето. (83) Алт.: Сен ары барбаска тур-ган-ын-ды мен сезип турум - Я чувствую, что ты не хочешь идти туда. (84) Менде билет жог-ын, ол тургуза ла ајарып ийди - Он сразу заметил, что у меня нет билета (сказуемое ЗПЕ - имя отсутствия јок 'нет')... (85) Бур.: Намда найданагуй гү, али нойртоо диилдэ-н-ые-мни тухайлаа гү... (Дамб., 42) - Мне не доверяет, или догадался, что я борюсь со сном (сном одолеваем). (86) Сэг соогоо ерэ-хэ-гүй-гөө ойлгооб - Я понял, что не придю вовремя. (87) Эвенк.: Куренай Торганэй соктол-но-бо-н мэдэчэ (ФЭЯ, 19) - Куренай понял, что Торганэй опьянел. (88) Маньч.: ...номхонь сайнь хафань очко-ро бэ гуни-раку... (3, 203) - Не думая о том, чтобы сделаться кротким и хорошим чиновником...

Помимо глаголов, которые прогнозируются приведенной семантической схемой (включая и не представленные в нашей выборке), винительным падежом предикативного дополнения управляет также группа глаголов с семантикой 'хотеть, стараться, стремиться, пытаться' (тув. күзэ-, кызыт-, оралдаш-, бур. оролдо-) и 'ждать' (тув. мана-, бур. хүдэз-, эвенк. алат-), например: (89) Тув.: Кичээлди уругларга солун кылдыр эртир-ер-ин оралдажып турар мен - Я стараясь проводить уроки так, чтобы детям было интересно. (90) Бур.: Дамба хори-х-ые-шье оролдоогуй лэн (X, 121) - Дамба даже запретить не старался.

В эвенкийском с глаголами некэ-'собираться, стараться', гэлэ-, зет-'хотеть, просить' употребляются преимущественно деепричастные формы, но имеются и отдельные примеры с винительным неопределённым:

(91) Эвенк.: Тар мурин ноанман аракан некэчэн шовин-диңа-е (ЭФ) - Конь попытался его залягать.

Примеры с глаголами группы 'ждать':

(92) Тув.: Амдызында шуптузунуң чыгып кэ-эр-ин манап шыдавас хире аштааның ол бе кай? - Неужели ты такой голодный, (что) не можешь подождать, пока все придут (букв.: того, что все придут)? (93) Бур.: Таанадай гэхэрижэ ерэ-х-ые хүдээхэб (Тум., ТБ, 18) - Подожду, пока вы вернётесь (того, что вы вернётесь). (94) Эвенк.:

Гарпанитки ичэтчэрэн, нэмки-ри-вэ-н алатчэрэн (ИФЗ, 99) - Смотрит на Гарпани, ждёт, когда (того, что) он будет стрелять. (95) Хак.: Амды Каврис тайызын Хара талайдаң айлаң-ар-ын кўннің таңда чидікпин сағып чөрче (НТ, КК, 8) - Теперь Каврис изо дня в день с нетерпением ожидает возвращения дяди с Чёрного моря.

В бурятском и тувинском языках формой винительного падежа ЗПЕ управляют также глаголы каузации, как речевой, так и неречевой:

(96) Тув.: Авамның чагыын дүрген күүсед-ир-ин диледим - Прошу, чтобы скорее выполнил заказ матери. (97) Бур.: ...ан гүрөөдэ дабна тараа-х-ые-шни гуйнаб (Б-76-1, 19) - Я прошу, чтобы ты насыпал соли животным (см. также примеры 6-7).

Есть и некоторые другие глаголы, не вполне укладывающиеся в приведенную семантическую схему; однако, во-первых, они очень многочисленны, во-вторых, в их семантике довольно явно ощущается тот смысловой компонент, который "вводит" его в систему - хотя бы он и был сдвинут на периферию смысловой структуры другими компонентами. Например, в семантике глагола 'удивляться' (тув. кай-га-, бур. гайха-) на первый план выдвигается, судя по переводному эквиваленту, оценочно-эмоциональный момент в восприятии информации, её несоответствие ожиданию. Однако в ней присутствует и компонент 'восприятие информации' (= 'узнавать'), что позволяет этому глаголу управлять винительным падежом ЗПЕ.

* * *

Таким образом, можно видеть, что состав глаголов, управляющих винительным падежом, во всех рассмотренных нами языках чрезвычайно стабилен, единообразен. Это глаголы с семантикой 'знать' (в тюркских языках они материально тождественны - тув., алт. бил-, хак. пыл-), 'чувствовать', 'помнить', 'видеть', 'слышать', 'говорить', т.е. основные глаголы оперирования информацией.

Примерно совпадает даже количество глаголов, регулярно употребляющихся с предикативным прямым дополнением: 12-14 глаголов, доля которых в выборке выше 1%.

При этом, однако, обращает на себя внимание специфика тувинского и бурятского языков. Здесь в состав глаголов, регулярно встречающихся с винительным предикативным, попадает группа глаголов с семантикой 'стараться', 'хотеть'. Эти глаголы часто управляют дополнением, ориентированным на тот же самый субъект, на который ориентировано главное сказуемое. Поскольку в тувинском и бурятском нет формы, квалифицируемой как инфинитив, в этой позиции выступает управляемая форма винительного падежа. Как будет показано дальше, в моносубъектных конструкциях с другими глаголами, управляющими дательным и исходным падежом, а также некоторыми именами, требующими при себе формы неопределенного падежа, в тувинском и бурятском языках появляются соответствующие падежные формы, тогда как в алтайском и хакасском возможно употребление форм инфинитива на -р-га.

УПРАВЛЯЕМЫЕ КОСВЕННЫЕ ПАДЕЖИ

В предыдущих главах мы уже говорили о своем понимании системных отношений между субъектно-объектными падежами в языках номинативного строя: не только именительный (неопределенный) противостоит здесь остальным как прямой – косвенным, но и винительный, падеж прямого объекта, противостоит остальным падежам, обслуживающим разные специальные роли предметных участников ситуации. Исследования последних десятилетий показали, что система этих ролей отнюдь не проста, даже если не касаться предикативных актантов (см.: Апресян, 1974; Филмор, 1981а, б; Чейф, 1975; и др.). Представление о семантических ролях, намеченное в этих работах, еще не вполне сложилось и устоялось даже применительно к описанию конструкций с простыми, не предикативными актантами. К нашему материалу прилагать его мы не увидели смысла. Задача этой главы – осмыслить и описать с помощью самых известных терминов и слов общего языка важнейшие функции косвенно-падежных форм предикативных актантов, обнаруженных нами в алтайских языках, и представить читателю основные типы конструкций, в которых функционируют эти предикативные актанты.

Выше мы уже говорили, что способностью управлять предикативными единицами обладают предикаты определенных семантических групп. Кроме описанных в главе третьей предикатов оперирования информацией, самую компактную, внутренне и формально целостную группу составили предикаты, которые мы назовем эмотивными. Это предикаты, обозначающие разные виды реакций человека, преимущественно эмоциональных реакций, на какое-либо событие-стимул. Подобные предикаты в алтайских языках управляют, как правило, дательным падежом, значительно реже – исходным падежом языковой формы, представляющей событие-стимул.

Конструкции, формируемые предикатами этого типа, в принципе могут быть простыми или сложными. Если событие-стимул представлено предикативной единицей, предложение в целом мы считаем сложным. Его главная часть представляет реакцию на событие-стимул, зависимая часть – событие-стимул, вызвавшее реакцию. Подобные отношения в грамматиках нередко рассматриваются как причинные. Так, в недавно вышедшей "Грамматике современного башкирского литературного языка" (1981) фраза "(1) Новиков зенең фекере менен Томинокның фекере якын булганга шатлана – Новиков радуется тому, что его мнение близко мнению Томинок", приведена первой в ряду фраз, иллюстрирующих придаточные причины (с.460). Мы интерпретируем подобные фразы иначе. Мы, считаем, что при наличии предикативного актанта в дательном падеже управляющий им глагол передает уже не просто эмоциональное состояние субъекта, но его эмоциональную реакцию на событие, представленное актантом, поэтому мы и называем его событием-стимулом. Сравним, например: "Отец сердится" – эмоцио-

нальное состояние, но "Отец сердится на то, что ты плохо сложил дрова" – эмоциональная реакция. Ср. также:

(2) Алт.: Энем кижі алганым а суунип јат – Мать рада тому, что я женился. (3) Хак.: Мин хынминчам, аның парыбыс хангын а – Я недоволен (тому), что он уехал. (4) Бур.: Газаа саһанай ороһон до үхибүүд ехээр хүйлдэнэ – Дети очень радуются тому, что на улице выпал снег. (5) Эвенк.: Со да биттэн ивигит, бунэ ду ви де эхим комойе (ФЭЯ, 42) – Бывают же такие сильные, и я не огорчаюсь, что умираю.

К дательному этой функции близок исходный; им управляют глаголы, обозначающие негативные эмоции, связанные с отталкиванием: (6) Тув.: Чаа төрүттүнген хурганны тударын дан чүдексинип турдум – Я брезговал брать (в руки) новорожденных ягнят. (7) Бур.: ... Унжгар нилсантай хурьга дые бариха боло хо доо жөрхөбө, хэжэглэбэ (Х, 42) – Чувствовал отвращение (брезговал), что покрытых слизью скользких ягнят приходится брать (руками). В тувинском здесь исходный, в бурятском – дательный падеж ЗПЕ. (8) Эвенк.: Гирамдас хэгдыңэл нэ дук ин эхим нэлэрэ (ФЭЯ, 148) – Я не боюсь того, что ты вырос огромным (букв.: что кости твои увеличились) – исходный падеж ЗПЕ.

Конструкции с управляемыми формами дательного и исходного падежей тесно смыкаются с другим типом конструкций, где те же самые падежные формы не управляются, а примыкают к главному сказуемому (или к главной части в целом – эта альтернатива, скорее, вопрос терминологии). Оценка характера связи зависит от того, способен ли данный глагол управлять соответствующим косвенным падежом, а эта способность в алтайских языках, как мы уже говорили, существенно предопределяется семантикой глагола.

Явный функциональный параллелизм дательного и исходного падежей, их синонимичность в сфере эмотивных конструкций, побуждают нас рассматривать их вместе. Некоторые другие функции исходного падежа, который в алтайских языках участвует в разных конструкциях в силу своей полифункциональности, будут рассмотрены в последующих параграфах этой главы.

В роли управляемых встречаются, хотя и значительно реже, формы творительного падежа (во всех языках, кроме маньчжурского), местного (в тюркских), продольного (в эвенкийском); в тюркских (алтайском, хакасском) формы на *-ча*; этот аффикс только в тувинском признается показателем живого направительного падежа, но близкое значению направительного падежа значение предельности является одним из древнейших значений этой формы (см. ДТС, с.650). Конкретные функции названных падежей в отдельных языках часто не совпадают. Но в то же время нельзя не обратить внимания на единство общего набора функций, обслуживаемых падежными формами ПЕ. Учитывая это обстоятельство, мы приняли решение группировать материал для анализа в этом разделе не столько по формам падежей, сколько по функциям и типам конструкций.

Вначале рассмотрим основные типы конструкций с дательным и исходным падежами ЗПЕ, которыми управляют реактивные, в первую

очередь эмотивные предикаты, а также предикаты некоторого другого типа, специфику которых мы покажем в процессе анализа. Затем рассмотрим конструкции, в составе которых ЗПЕ в определенной падежной форме выполняет функциональную роль эталона сравнения (эта роль во всех языках связана с формами исходного падежа) и функциональную роль признака, на основе которого делается умозаключение, — она выполняется в одних языках формами исходного, в других — творительного (орудного) падежей. На конструкциях "метафорической локализации" (ср.: виноват — в чём, состоит, заключается, видим — что в чём и т.п.) с местным и дательным-местным падежами ЗПЕ и на некоторых других конструкциях с падежными формами ЗПЕ в более редких функциях мы не останавливаемся из-за ограниченности объема работы.

§ 1. Общая характеристика дательного и исходного падежей

Дательному (в тюркских и в эвенкийском), или дательном-местному (в бурятском и маньчжурском) падежу принадлежит центральное место в подсистеме управляемых косвенных падежей. Этот падеж выполняет целый ряд субъектных, объектных и пространственных функций, наборы которых даже в близкородственных языках, каковы тюркские языки Южной Сибири, не во всем совпадают. Системные отношения между разными его функциями, специфические в каждом из языков, заслуживают специального осмысления, но сейчас это остается за рамками наших задач.

Основная функция датива в изучаемых нами языках — это функция адресата действия, т.е. лица или предмета, к которому (для которого) оно направлено, совершается. По-видимому, наличие именно этой функции в общих наборах, разнящихся от языка к языку, и является необходимым условием именования падежа "дательным".

С этой функцией оказывается регулярно связанной и функция пространственно-временной локализации. В тюркских языках она непосредственно выполняется местным падежом, но в случае его утраты (как в якутском языке; см.: Убрятова, 1976, с. 122), а иногда и при его наличии (как в тувинском) она "осваивается" дательным. В бурятском, где отдельного местного падежа нет, а также в эвенкийском, где функции местного падежа иные, более узкие и специальные, дательный падеж оказывается еще сложнее. В его семантической структуре ясно ощущается два комплекса смыслов, один из которых, условно "статический", соотносится с тюркским местным падежом, хотя далеко не тождествен ему, а второй, "динамический" — с тюркским дательным. Оба эти типа значений представлены и в системе предикативного склонения, но сейчас мы будем иметь в виду только второй, так как первый, "статический", почти всегда оформляет ЗПЕ, выступающие в роли обстоятельств — времени, причины и др.

Для понимания семантической природы алтайского датива важно осмыслить его функции в общей системе выражения субъектных отно-

шений. В алтайских языках, как и в русском, этот падеж используется для выражения так называемого "косвенного субъекта", т.е. лица, которое не производит действие, но испытывает определенное состояние, могущее быть следствием действия другого лица или стихии. Ср. рус.: мне холодно, уютно, мне известно. Ср. аналогичные употребления датива в алтайских языках:

(9) Алт.: Бис-ке, ишмекчилерге, үренер керек (М.Горький) — Нам, рабочим, надо учиться. (10) Меге сүрекей коркымчылу — Мне очень страшно. (11) Хак.: Магаа арыстыг, мин хыгыртыг чох килибискем — Мне неловко, я пришел без приглашения. (12) Магаа пилдиз чох нога син килгезиц — Мне непонятно, зачем ты пришел. (13) Бур.: ... эндэ байһан зондо гайхалтай бэшэ хэн (Бат., 55) — ...здесь находящимся людям не было удивительно; ...өөр-тэ-нь эшхэбтэр байба (Х., 65) — ...самой стыдно было. (14) Эвенк.: Минду халдывсипчу — Мне стыдно. (15) Маньч.: ...менде амбула сайн охо (Леб., т. 1) — Мне очень приятно.

Но в алтайских языках, в отличие от европейских, эта форма может представлять и активно действующий субъект при глаголах в форме каузативного залога в страдательном семантическом варианте. Прямой падеж в этой конструкции выражает пациенса: (16) Бур.: ... Браконьернууд-тэ бууд-уул-аад, больницада хэбтэхэдэмни... (Б-76-1, 51) — Когда (я) лежал в больнице, подстреленный браконьерами, ... (букв.: браконьерам подстрелить=позволивший). (17) ...Баабай-д-аа һайн гэгшээр хүр-үүл-ээ хүм (Ябж., 4) — Отцом своим (я) основательно был наказан. (18) Хак.: Хызыцах-ха сыгара сүр-дир-ген тацах хатабох огородсар кир партыр — Курица, которую девочка выгнала (выгнанная девочкой), снова в огород забралась; букв.: девочке (дат. п.) выгнать-давшая (себя) курица... (19) Магаа хырыс-тыр-т-хан оолагас ам даа килгелек — Мальчик, которого я отругал (отруганный мною; букв.: мне отругать= (себя)=давший), ещё не пришёл. Ср. в эвенкийском дательный субъект при глаголах в страдательном залоге: (20) Тар дыв мин-ду о-в-ча — Эта лодка сделана мною (дат. п.).

Исходный падеж тюркских и бурятского языков соответствует эвенкийскому падежу на дук, который принято называть отложительным в отличие от падежа на гит, называемого исходным, но который в минимальной степени сопоставим с тюркским падежом на дан и бурятским на һаа. Ниже, говоря об исходном падеже, мы, не оговаривая этого в целях экономии, будем подразумевать эвенкийский падеж на дук, а не на гит.

Исходный падеж во всех изучаемых нами языках представлен множеством слабо связанных между собой функциональных вариантов; но все они в большей или меньшей степени мотивированы значением исходного пункта движения, которое можно, по-видимому, считать древнейшим. Оно естественно предполагает оппозицию конечному пункту, в силу чего исходный и противопоставляется дательному. Это пространственное значение ясно ощущается как базовое, как "подоснова" во временных, причинных, сопоставительных конструкциях. Слабее, но все же ощутимо присутствует оно и в объектных употреблениях

исходного падежа, в том числе и в составе тех эмотивных конструкций, где он контактирует, а иногда и конкурирует с дательным. К анализу этих конструкций мы сейчас и переходим.

§ 2. Предикаты, управляющие дательным и исходным падежами

Как уже было сказано, управление дательным и исходным падежами мы связываем прежде всего с эмотивными глаголами. Границы этой лексико-семантической группы не очерчены точно. Мы попытались представить списком глаголы, выявленные нами из материалов, тем более, что их количество невелико. Списки, полученные для трех тюркских и бурятского языков, мы объединили в таблицу, при составлении которой отказались от пословных переводов на русский, так как семантические объемы русских и алтайских эмотивов существенно не совпадают. Слова, помещенные в графе "семантика", следует понимать не как переводы, но как способ указания общего смысла микрогрупп.

Своеобразие семантики глаголов, составляющих одну из таких микрогрупп – 'сердиться, быть недовольным', покажем на алтайском материале, интерпретированном носителем языка писателем С. Манитовым.

(21) Карындажыма удаан письмо биче=бе=ен=им=е энем меге чугулданат – Мать сердится (ворчит), что я долго не пишу брату письмо. Глагол чугулда означает 'сердиться, ворчать в кругу семьи, близких, друзей'. (22) Мен кызычагыма конфет бер=бе=ген=им=е ол тыртындап јат – Дочка моя сердится-капризничает (на то, что) я не дал ей конфету. По мнению С. Манитова, этот глагол по отношению к человеку звучит грубовато, он употребляется чаще по отношению к животным, напр. к корове: 'не дури'.

(23) Бис оны кычыр=ба=ган=ыс=ка ол өкпөлөнп јат – Он сердится (досадует), что мы его не пригласили.

(24) Тарынба (ачынба), мен сеге акча бер=бе=ген=им=е – Не сердись (не обижайся), что я не дал тебе денег (здесь тарынба ~ ачынба, синонимы).

(25) Меге покос келш=пе=ен=ин=е мен өөркөдм – Я рассердился (обиделся), что мне не досталось покоса. Ср. (26): Сен мениг койымды уурда=ган=ын=а мен сеге өөндү – Я рассердился на тебя (бука: тебе), что ты украл мою овцу. Өөндү звучит гораздо резче, выражает большую степень гнева, предполагает более значимый стимул, чем өөркө.

(27) Мениг уулчагым кичинек баланы согуп тур=ган=ын=а мен калјуурдым – Я разъярился (вне себя, еле сдерживаюсь, могу ударить) на то (за то), что мой сын бил маленького ребенка. Как видим из примера, этот глагол обозначает крайнюю степень гнева.

Таким образом, одна типовая реакция – неудовольствие, гнев – членится на множество оттенков, которые в двух языках не вполне соответствуют друг другу по способу выражения. Но, с другой сторо-

ны, и отдельный глагол какого-либо изучаемого языка в разных контекстах передает нередко такие оттенки некоторой эмоции, которые в русском переводе требуют разных глаголов. Например, в тувинском языке глагол хомуда:

(28) Мен тыва хуреш биле сургуул кылбастай бэ=эр=им=ге ачам хомудаан – Отец недоволен, что я перестал заниматься национальной борьбой. (29) Мында артып кал=ган=ыңар=га хомудавайн тур силер бе? – Вы не жалеете о том, что остались здесь? (30) Демги бир кымыскаакты хилинчектеп, кемдет=кен=им=ге хомудадым=даа (ССо, А, 68) – Что одного даже муравья, искалечив, замучил я, сожалею (раскался, угрызаюсь). (31) Бистиң бодалдарыысты дыңна=ва=ан=ын=га хомудаар=дыр бис – Мы обиделись (нам неприятно, досадно), что не выслушали наше мнение.

Все глаголы, управляющие дательным падежом и соотносительными с дативом вариантами исходного падежа, при составлении сводной таблицы 2 мы разделили на четыре типа, внутри которых, в свою очередь, выделяем более частные подтипы. Все эти типы и подтипы, как будет видно из дальнейшего описания и из самой таблицы, близки между собой и переходят друг в друга довольно плавно; но все же границы между ними проходят в большинстве случаев вполне отчетливо.

Первый, основной, самый крупный тип – это глаголы, "означающие внутренние психические движения" (Шахматов, 1941, с. 337); в составе обсуждаемых сейчас конструкций они обозначают эмоциональные реакции. В таблице этот массив глаголов распределяется между девятью семантическими группами: 1) 'быть довольным' (положительная эмоциональная реакция); 2) 'быть недовольным' (общеотрицательная реакция); 3) 'сожалеть, раскаиваться'; 4) 'печалиться'; 5) 'тревожиться'; 6) 'бояться'; 7) 'стыдиться, испытывать неловкость'; 8) 'брезговать' (с исходным падежом); 9) 'завидовать'.

Второй тип составили глаголы, тоже выражающие реакции субъекта на событие-стимул, но это уже не эмоциональные, а поведенческие, физиологические реакции, в разной мере осознанные, а преимущественно спонтанные. Один из подтипов таких глаголов – глаголы, выражающие внешние проявления чувств: 'смеяться', 'улыбаться', 'рыдать', 'плакать'; ср.: 'вздрыгнуть', 'хлопнуть дверью', 'плюнуть', и далее – 'встать', 'сесть', 'уйти' и т.д. (в ответ на некоторое действие или слова другого лица). В этом случае уже нет смысла говорить о списке предикатов, выражающих реакции этого типа и управляющих дательным или исходным падежом. Отношения управления довольно плавно переходят в примыкание.

Разнообразнее, чем в других алтайских языках, такие конструкции представлены в эвенкийском.

Как третий тип мы ввели в таблицу глаголы, обозначающие приспособление, приобретение адаптационных навыков – с позитивной, нейтральной или негативной субъективной оценочными характеристиками, например, 'учить', 'учиться', 'привыкнуть', 'терпеть', 'смириться', 'свыкнуться' и т.п. В этот тип мы включаем и некоторые глаголы,

Таблица 2

Глаголы, управляющие дательным падежом ЗПЕ

Семантика	Алтайский	Тувинский	Хакасский	Бурятский
1	2	3	4	5
I. Эмотивная реакция				
1. Быть довольным, любить, одобрять, нравиться, симпатизировать, гордиться, восхищаться	сүүн= куүнзе= оморко= 	амыра= өөрү= таарзын= чоргаарлан= магада= 	чөпсін= хын= 	баяса= баярла= урмаша= хүхи= олзуурха=
2. Быть недовольным, сердиться, досадовать, обижаться, не любить, капризничать	чугулдан= ачын= тарын= тыртында= өклблө= кородо= öörкө= ööндү бол= 	ажын= дарын= өкпеле= хорада= хараада= хараарта= көрбесте= 	 тарын= ачырған= хомзын= өкпелен= үрүк= 	сухалда= уурла= хоролхо= гомдо= дурагүйдө=
3. Сожалеть, раскаиваться	комуда= кыртыштан= өклбөзире= кыйнал= (кородо=)	хомуда= хараада= 	 	гэмшө= халагла=
4. Печалиться, грустить, унывать, падать духом	санаарка= кунук= 	мунгара= мунгара= мунгагда= мунган= мугурта= кудара= сырынна= ундара= дүвүрө= хөлзэ= 	мөңгистен= пичелен= сағысха түс= 	шаңал= гажар= зобо= гута=
5. Тревожить, беспокоиться, турбовать	токынабай= тур= 	 	 	
6. Бояться, испугаться, опасаться	коркы= чочы= жалтан= кудычык= 	корт= сезиглэ= хөлзэ= 	хорых= чочы= чалтан= 	ай= түбөгшөө=
7. Стыдиться, стесняться, чувствовать себя неловко	уйал= эпюксын= сыгын= 	бият= өскелэ= 	 	эшэ= аягүйрхэ=

Окончание табл. 2

1	2	3	4	5
8. Брезговать	четирке= јескин= 	чүдексин= ческин= азарга= адаарга= күйүн= 	 	жэрхэ=
9. Завидовать	адаарка= күйүн= 	 	атарха= 	атаар=
II. Поведенческая реакция и выражение эмоций				
плакать	ыйла= сыкта= 	 	ылга= 	бархир= уйла= энеэ=
смеяться	каткыр= 	каттыр= 	хатхыр= күл= махтан= 	энеэ= хайрха=
хвастаться и др.	мактан= 	мактан= 	 	
III. Адаптация				
привыкнуть	чыда= үрен= темик= 	чаңчык= 	үгрөн пар= көнк пар= 	дада=
IV. Прогноз				
надеяться	ижен= бүт= кайка= 	идеге= бүзүре= кайга= 	izen= киртин= хайха= 	найда= этигэ= (гайха= с вин. п.)
сомневаться	аланзы= јөпсин= 	алаңзы= чөпсүн= 	 	(зүбшөө= с вин. п.) (арса= с исх. п.)
соглашаться	 	 	 	
отказаться	мойнош= 	 	ойто сал= болбой сал= 	

относимые к числу модальных, – глаголы готовности, намерения, а также согласия, несогласия, отказа (обычно с исходным падежом).

Четвертый тип составляют глаголы, которые мы назвали прогностическими. Это, например, глаголы с семантикой 'надеяться, верить', 'сомневаться', 'испытывать опасение, тревогу, страх', а также глаголы с семантикой согласия и отказа – в определенных семантических вариантах. Эти глаголы, а точнее лексико-семантические варианты (ЛСВ) мы называем прогностическими потому, что, в отличие от рассмотренных выше, которые в других отношениях могут быть к ним чрезвычайно близки, они ориентированы не на уже происшедшее собы-

тие-стимул, а на событие, которое еще только ожидается, прогнозируется говорящим. Такого рода ожидания часто бывают определенным образом эмоционально окрашены. Страх, опасение – это, конечно, одна из разновидностей эмоциональных реакций; но наблюдения показали, что эти эмоции гораздо чаще соотносятся с будущим, чем с прошедшим, почему мы и говорим о них в связи с четвертым типом.

Предлагаемая таблица не претендует на полноту охвата предикатов, управляющих дательным и исходным падежами в предикативном склонении. Но мы надеемся, что основные предикаты этого класса в нее вошли.

Нужно отметить еще, что кроме эмотивных глаголов с формой дательного падежа ЗПЕ могут сочетаться и имена эмоционального состояния (см. главу пятую, § 3).

(32) Бур.: ...имэ һургуулида оро=һон=д=оо ехэ баяртай=б (Б-78-2, 45) – Я очень рад, что поступил в такую школу. (33) Тув.: Кичээл өөрөн=мез=иц=ге, сецэе ыядынчыг болур ужурлуг – Тебе должно быть стыдно, что ты не учишь уроки.

Однако нам пока не вполне ясно, надлежит ли интерпретировать эту связь как управление.

§ 3. О корреляции между семантикой управляющего предиката и временными характеристиками ЗПЕ

Анализ материалов, и тюркских, и бурятских, и эвенкийских, привел нас к мысли о том, что существует какая-то устойчивая связь между тремя, на первый взгляд независимыми, признаками полипредикативных конструкций с зависимой ПЕ в дательном падеже. Эти признаки: во-первых, временные характеристики зависимых предикативных частей; во-вторых, семантика управляющих ими предикатов; в-третьих, синтаксический смысл связи предикативных единиц в составе сложного целого.

Говоря о временных характеристиках ЗПЕ, мы имеем в виду, что с этой точки зрения оказывается значимым противопоставление их причастных сказуемых в формах, с одной стороны, прошедшего и настоящего времени, с другой – будущего (т.е. оппозиция "не будущее: будущее время"). Причастные предикаты в формах прошедшего времени, т.е. тюркские причастия на =ган, бурятские на =һан, на =аа/гуй, эвенкийские на =на, =ча, маньчжурские на =ха, представляют события, которые уже произошли; формы настоящего времени представляют события происходящими, т.е. тоже "уже имеющими место", хотя и не законченными. Часто формы настоящего времени передают и регулярно повторяющиеся, обычные события, если в языке нет для этого специальных форм (типа бурятского причастия на =даг). Формам будущего времени все они противопоставляются не только в аспекте времени, но и в аспекте модальности: будущие события не произошли, они лишь ожидаются с большей или меньшей вероятностью.

Поскольку с разными временными формами ЗПЕ, как выяснилось,

преимущественно сочетаются разные группы глаголов (и ЛСВ), постольку мы сочли целесообразным разделить управляющие глаголы, встреченные в таких конструкциях, на два подкласса. Первый подкласс составляют глаголы, управляющие ЗПЕ с не будущим временем сказуемого. Этим глаголам свойственна преимущественно реактивная семантика; в табл. 2 они представлены в разрядах I (эмотивная реакция) и II (поведенческая реакция). Кроме реактивных, управление ЗПЕ в формах не будущего времени свойственно также адаптивным глаголам типа 'привыкать' (разряд III в табл. 2) в разносубъектном варианте ('привыкать к тому, что...').

Ко второму подклассу относятся глаголы, управляющие ЗПЕ со сказуемым в форме будущего времени. Это прежде всего глаголы с прогностической семантикой (разряд IV в таблице), а также глаголы с семантикой привыкания в моносубъектном варианте ('привыкать не опаздывать').

Реактивные предикаты, в число которых входят и эмотивные, четко тяготеют к прошедшему времени зависимого события. Корреляция "предикат реактивной семантики: прошедшее время события-стимула" является, конечно, поверхностной и нестрогой; возможны, хотя и не часты, другие сочетания. Но за этой поверхностной корреляцией легко усматривается более глубокая закономерность, которая определяется самой природой субъективной реакции. Отношения "стимул – реакция" сопоставимы, конечно, с отношениями "причина – следствие" и осмысляются как специфические именно на фоне последних. Как следствие предполагает причину уже имеющей место, так и реакция предполагает событие-стимул предшествующим во времени, уже случившимся, хотя, может быть, еще и незавершившимся. Именно такое событие естественно воздействует на человека как на субъект эмоций и поведения. События совершающиеся, но незавершившиеся, вызывают вербализуемую реакцию значительно реже. И еще гораздо реже объектом такой реакции становятся ожидаемые события:

(34) Бур.: Тэре офицерые амиды орхи=һон=д=оо гомлоноб (Тум., ТБ, 28) – Жалею, что того офицера живым отпустил. (35) Бүхэли хахад час соо марьяжа, үмдэнэйнгөө үбдэгэй сооротор шахуу мүлхи=һэн=д=өө хороо бусалжа... (Лубс., 12) – ...элясь (тому), что целых полчаса подкрадывались, ползли, похоже, до дыр на коленях штанов... (36) Ури=һан=да=тнай ехэ баярлааб (Б-78-2, 41) – (Я) очень обрадовался тому, что вы пригласили (вашему приглашению). Ср. также более редкие: (37) ...Дасан ходо ошо=хо=до=нь тэдэнь дураа гутадаг болонхой (Бат., 30) – Они не любили (им не нравилось), что она ходит в дацан. (38) Шинии үглөөдэр яба=ха бай=һан=да=һини би халаглааб – Я жалею, что ты завтра уезжаешь. Ср. также: (39) Тув.: Силерниц чедип кэ=эр=иңер=ге ал аажок өөрүп турду – Он очень обрадовался, что вы приезжаете; примеры 40, 41.

Отношения "стимул-реакция" принадлежат широкому классу отношений обусловленности, куда входят и причинно-следственные отношения. От последних они отличаются как содержательно, так и формально, т.е. собственно-грамматически. Содержательную их специфику мы видим в том, что причинно-следственные отношения могут устанавли-

ваться между процессами (событиями), протекающими безотносительно к субъекту сознания, а отношения "стимул-реакция" необходимо предполагают субъект сознания, отвечающий на данный стимул данной реакцией.

Конечно, когда причинно-следственные отношения становятся предметом речи, а следовательно, осознаются кем-то, от субъекта сознания и речи полностью отвлечься уже нельзя. Именно говорящий оценил отношения между данными событиями как причинно-следственные и выразил это свое понимание выбором соответствующих языковых форм. Но совершенно то же самое можно было бы сказать и об отношениях "стимул - реакция", когда они вербализованы. Поэтому можно просто вынести за скобки этот аспект.

Сравним следующие предложения: (а) Маша обрадовалась тому, что молоко не прокисло, (б) Молоко не прокисло, потому что стояло в холодильнике. Субъект речи, т.е. некто, увидевший в первом случае в Машинном поведении реакцию на нескислое молоко, а во втором случае объяснивший факт сохранности молока его нахождением в холодильнике, равным образом усматривается за обеими фразами - и мы вправе равным же образом от него отвлечься. Но, далее, только первая фраза с необходимостью предполагает субъект эмоциональной реакции в главной части. Радоваться, огорчаться, сердиться может только субъект, обладающий психикой, - человек. Сравним, однако: (в) Маша расстроилась, потому что молоко прокисло. Здесь в главной части говорится об эмоциональном переживании, субъект которого та же Маша. Однако эта фраза построена по модели причинно-следственной, о чем свидетельствует причинный союз потому что. Причинно-следственные отношения могут связывать процессы и соотношенные с субъектом сознания и поведения, и несоотношенные. Отношения "стимул - реакция" с необходимостью предполагают такой субъект в главной части, которая представляет реакцию.

Этой содержательной специфике в алтайских языках четко соответствует формально-грамматическая специфика конструкций, выражающих реакцию на событие-стимул. Причинные ЗПЕ, как и другие ЗПЕ обстоятельственного типа, примыкают к главной части, а ЗПЕ события-стимула связаны с главным сказуемым отношениями управления. Это более тесная, более сущностная связь. Глагол без соответствующего дополнения не выражает того специфического значения эмоциональной реакции, которое он получает в сочетании с дополнением, называемым стимул. Управление в данном случае формирует и выражает необходимую связь между компонентами.

Хотя, как мы уже сказали, для фраз этого типа характерны формы прошедшего времени зависимой ПЕ, формы непрошедших времен в этой позиции тоже встречаются и требуют комментария. Человеческое мышление способно экстраполировать в будущее схваченные закономерности и предвидеть не только еще не случившиеся события, но и те последствия, к которым они могут привести. Мы в равной мере имеем в виду и следствие в его отношении к причине, и реакцию в отношении к стимулу. В объективной, не зависящей от человека действительности причина всегда предшествует следствию, и обратное невозможно.

Но действия человека нередко причинно мотивируются из будущего: "Он побежал за такси, потому что через час уже кончится регистрация на наш рейс", "Материалы, о которых вы говорите, я вчера передал Ивану Сергеевичу, потому что он будет писать докладную записку". Л.Л. Бабалова и другие авторы говорят в таких случаях об особой модальности знания (Бабалова, 1975, с. 7).

Эмоциональная реакция тоже может быть ответом на событие, которое ожидается в будущем, например, рус.: "Как я рада, что мы, наконец, увидимся!" Ср.: (40) Тув.: Ам-на ужуражы бэ=эр=ивис=ке өөрүп тур мен - Я рад, что мы наконец встретимся. (41) Алт.: Слердинг јур=бэ=ер=ге мен сүүнип јадым - Я рад, что вы не уезжаете (не должны уезжать).

В подобных случаях в конституции кроме двух названных событий незримо присутствует третье, которое состоит в информированности, в факте получения информации или обладания информацией, на основании которой делается данный прогноз и проводится данная эмоциональная реакция. Но это "третье событие" эмоционально нейтрально. Если оно и упоминается в речи, то обычно не как равноправное двум основным; ср., например: "Я огорчился, узнав, что в мае вас здесь уже не будет" и "Я огорчен тем, что в мае вас здесь не будет". Сравним, с другой стороны: "Я был огорчен тем, что узнал о вашем отъезде не от вас, а от посторонних людей".

В конструкциях "стимул - реакция" это звено "информированности" не просто опускается по принципу имплицитных структур (см.: Колосова, 1979, с. 44). Восстановление этого звена невозможно, потому что управляющая и управляемая формы непосредственно связаны синтаксически; введя это звено, мы сломали бы основную конструкцию.

Таким образом, реактивные предикаты с формами будущего времени ЗПЕ сочетаются лишь в особых случаях, когда самой формой конструкции выражается добавочная "информация об информированности" субъекта реакции. Но реактивным предикатам противостоят прогностические предикаты, стабильно ориентированные в будущее, настроенные на события, которые ожидаются с тем или иным эмоциональным настроением, "со страхом или надеждой". Прогноз всегда предполагает специфическую модальность, отличную от модальности индикатива, которую предполагает, например, оценка. Эмоциональная же реакция, как нам представляется, есть особая, внелогическая разновидность оценки, "оценка чувством", а не разумом.

В число прогностических предикатов естественно входят такие, как рус. верить, быть уверенным, надеяться, сомневаться и некоторые другие (см. табл. 2):

(42) Алт.: Онын ойто кел=ер=ин=е мен бүтпей јадым - Я не верю (тому), что он вернется. (43) Онын сала бер=ер=ин=е мен алаңзып турум - Я сомневаюсь, что он уедет. (44) Оройты=баз=ын=а слер иженип тураар ба? - Вы уверены (надеетесь), что не опоздаете? (45) Тув.: Улут хунде аңнап чору=ур=ун=га кым-даа удур эвес болган - Никто не возражал (букв.: не был против тому, чтобы) в воскресенье пойти поохотиться.

В число прогностических предикатов входят также глаголы с се-

мантикой 'бояться', 'страшиться', 'опасаться' в сочетании с ЗПЕ в форме будущего времени, которые в отличие от всех описанных выше случаев принимают аффикс исходного падежа (дательный здесь тоже возможен, но крайне редок):

(46) Тув.: Караам хыйыраp=ap=ын=дан корткаш... (ССо, 23) - Испугавшись, что глаза мои будут косить... (47) ...орус чоннарының бажыңнарынче чоокипулай кылашта=ap=ын=дан коргар болташ чүглө ырактан бараан чараар турган мен (СТ, 56) - ...к русским домам приблизиться боясь, только издали наблюдала.

(48) Бур.: Тэрэ газарай тулаһан хүлөө гэшхүүл=хэ=һээ айжа... (Дамб., 23) - Боясь в этом месте опереться ногой... (49) Үхэ=хэ=һее ехээр айхагүй хүн байшоо (Б-76-3, 10) - Оказался человеком, не сильно боявшимся умереть. (50) Нээрэһье, хойшолуулжа байхатнай хайшаа юм даа, - гэжэ хүнэй хэрэгтэ оро=хо=һоо түбэгшөөрхэнги дуугарба (Х, 115) - "И в самом деле, неудобно откладывать", - вымолвил он, побаиваясь, что люди возмущаются за дело.

Похожую картину дают и алтайские, и хакасские материалы:

(51) Хак.: Оолгым ағырыбыз=ар=ы=наң хорыхчам - Я боюсь, что мой сын заболевает. (52) Маллар хырага кір пар=ар=ы=наң хорыхчам - Боюсь, что скот заберется на пашню.

По этим примерам видно, что глаголы группы 'бояться' в этом семантическом варианте противопоставлены глаголам группы 'надеяться', что поддерживается противопоставлением падежного оформления ЗПЕ (дат. п. - иск.п.): "боится, что увидят" - "надеется, что не увидят"; "боится, что глаза будут косить" - "надеется, что не будут косить" и т.д. И наоборот: надеясь, что придет, скажет, принесет, даст, т.е. что произойдет желательное событие, мы всегда боимся, опасаемся, что оно может не произойти.

Как было показано, реактивные предикаты редко сочетаются с зависимыми ПЕ в будущем времени; этот тип синтаксических построений связан с существенным усложнением смысла. Прогностические же предикаты естественно сочетаются именно с формами будущего времени зависимых ПЕ. Сочетаемость прогностических предикатов с формами прошедшего времени не исключена, но она влечет за собой усложнение и модификацию смысла.

Сравним между собой также русские фразы: (1) Я верю, что мы победим; (2) Я верю, что он поднял эту штангу. Глагол верить в первой фразе значит 'быть убежденным в наступлении названного события, которое оценивается положительно'. Во второй фразе тот же глагол значит 'быть убежденным в том, что информация о событии, которая содержится в зависимой части, адекватна самому событию', т.е. 'не сомневаться в истинности информации'. В бурятском эти значения выражаются разными глаголами: найда в первом случае, үнэнше во втором. К сожалению, толковые словари русского языка не выделяют таких специфических значений, которые обнаруживаются в сложном предложении, в сочетании с событийными актантами (см. слово верить в ТСУ, ТСО, ССРЛЯ). Подобные семантические варианты, хотя и более слабо выраженные, есть и у глаголов надеяться, бояться. Ср.: "Я надеюсь, что он получил /получит мое письмо"; "Я боюсь,

что он не получил /не получит моего письма". Однако насколько мы можем судить по имеющимся у нас материалам, в тувинском и в бурятском языках в этих случаях употребляются преимущественно конструкции с формами служебного глагола говорения:

(53) Бур.: Тэрэш нимэ хүндэ юмэ үргэдэг байгаа гэжэ этигэ-нэгүйб - Я не верю, что он поднимал такую тяжесть. (54) Тув.: Ол мээң чагаамны алган деп идегеп олур мен - Я надеюсь, что он получил мое письмо.

В алтайском такого рода конструкции употребляются параллельно с управляемыми ЗПЕ, в хакасском предпочитают управляемые ЗПЕ в дательном падеже:

(55) Хак.: Письмомны алып ал=ған=ын=а Һенчем - Я надеюсь, что он получил мое письмо.

Мы уже отмечали соотносительность конструкций "стимул-реакция" с причинно-следственными. По принципу параллелизма естественно ожидать соотносительность "прогностических" конструкций с целевыми. Известно, что в тюркских и монгольских языках представлены причинно-целевые конструкции, причинное или целевое значение которых тесно связано с временем причастного сказуемого зависимой части (см.: Черемисина, Скрибник, 1980, с. 69-70; Шамина, 1980, с. 23). Так что высказанное предположение имеет под собой основание. Но полного параллелизма отношений "стимул : причина" - "прогнозируемое событие : цель" все-таки нет, что мы попытаемся показать ниже.

§ 4. Выражение времени в ЗПЕ

с дательным и исходным падежами

Выше мы говорили о значимости временных соотношений между частями реактивной (в частности, эмотивной) конструкции в ее противопоставленности прогностической, о том, что событие-стимул чаще представляется как уже совершившееся. Это обуславливает регулярность употребления в составе этих конструкций определенных причастных форм, хотя не исключает появления других, более редких. В этом параграфе мы рассмотрим отдельно реактивные (на примере эмотивной) и прогностические конструкции, проанализируем значения причастных форм, употребляющихся в составе их зависимой части, обращая внимание в первую очередь на характер временной соотносительности между главной и зависимой частью (абсолютность или относительность временного значения ЗПЕ).

Абсолютными принято считать временные значения, отсчитываемые от момента речи; относительными - отсчитываемые от некоторого события, принятого за начало отсчета; в сложных предложениях это бывает событие главной части. Формы с типичными относительными значениями времени - деепричастия, в частности русские, - временное значение передают только в соотносительности с финитным глаголом. Причастные же формы, участвующие в предикативном склонении, в независимом употреблении имеют, за редкими исключениями, четкие временные значения. Поэтому мы постараемся проследить, как видо-

изменяются эти значения в зависимой части эмотивных конструкций (которые мы считаем типичными представителями конструкций с управляемой причастной ЗПЕ вообще).

В предыдущем параграфе мы уже показали, что сказуемое ЗПЕ в эмотивных конструкциях чаще всего бывает выражено причастием прошедшего времени (тюркск. =ган, бур. =хан, эвенк. =на). Обратим теперь внимание на соотносительность времен зависимой и главной частей.

(56) Алт.: Сенин кел=бе=ген=ин=е мен тарындым - Я обиделся (тому), что ты не приехал. (57) Мен слерле јакшылаш=па=ган=ым=а ачынбагар - Не сердитесь, что я с вами не поздоровался. (58) Директор ого одын тартарга машина бер=бе=ген=ин=е ол кородогон - Он рассердился, что директор не дал ему машину привезти дрова. (59) Хак.: Управтың, Сатик Ивановичтиң, тойга кил=бе=ен=ин=е чап-сыпчатхан (ГК. АХТ, 21) - Удивлялась, что управ(ляющий), Сатик Иванович, на свадьбу не пришел. (60) Мин синнең чоптеспин андар пар=ыбыс=хан=ым=а пырызным - Я раскaiваюсь, что поехал туда, не посоветовавшись с тобой. (61). Јчем син сиден тыхтап сал=ган=ын=а брiнер - Мама обрадуется тому, что ты починил забор. (62) Тув.: Силерниң дириг ун=ген=инер=ге өөрүп тур мен! - Как я рад, что вы остались живы! (63) Бур.: Сэсэгмаагай һайнаар харюуса=хан=да урмашаабди - (Мы) были довольны, что Сэсэгма хорошо ответила. (64) Юрэдөө, досоом аягуй боложо, ишэ орожо ерэ=һэн=д=ээ халагланаб (Б-78-5, 80) - Вообще, на душе становится неприятно, жалею, что сюда зашел. (65) Эвенк.: Бу=лэкэ мэрвун эда синэвэ сэлмичэлбун, ката эмэ=нэ=ду=с урунүв (ФЗЯ, 164) - Мы-то сами за что тебя не влюбим, только обрадовались, что ты пришел.

Как видно из этих примеров, действие главной части, т.е. сама эмоциональная реакция, может относиться к любому временному плану, что выражается соответствующими финитными формами конечного сказуемого, даже если ЗПЕ подчинена не ему непосредственно (т.е. эмотивный глагол принимает форму деепричастия или другой срединной формы с относительным временным значением):

(66) Бур.: Оо, шолмонууд, - гээд, Дагба таабайшые бидэней ерэ=һэн=дэ баярлан энеэбхилкэ, шэлээ абажа, хажууда дүмүүхэн табижа, дабтажа һууһан хажуураа хажуу тээшэнь болгобо (Лубс., 36) - А, чертенята, - дед Дагба, обрадовавшись тому, что мы пришли, улыбнувшись, очки сняв (взяв), в сторону осторожно отложив, косу, которую отбивал, отодвинул в сторону. (67) Эвенк.: Утэвэр эмэ=нэ=ду=н урунчэксэкэн һоканиматта хутэвэр (ИФЗ, 49) - Обрадовавшись тому, что пришла дочь, целовали дочь.

Во всех приведенных выше примерах причастие прошедшего времени имеет абсолютное временное значение - к какому бы временному плану ни относилась главная часть, событие-стимул уже совершилось в прошлом. В контекстах, где выражается предшествование в будущем, такое, что событие-стимул и реакция на него ожидаются с уверенностью и должны совершиться после момента речи, причастия прошедшего времени не употребляются:

(68) Хак.: Ол синиң кил=ер=ин=е угаа брiнер - Он очень обрадуется, что ты приедешь (приезжаешь).

Форма кил=ген=ин=е, которая имела бы относительное временное значение, здесь невозможна.

Однако сфера употребления причастия на =ган может расширяться за счёт использования его в аналитической глагольной конструкции, выражающей длительность действия и др. (аффиксом этого причастия оформляется вспомогательный глагол). В этом случае абсолютное временное значение причастия на =ган теряется. Этот материал лучше рассмотреть отдельно для каждого языка, в связи с употреблением других причастий.

Выше мы уже говорили, что эмоциональная реакция обычно вызывается уже совершившимся событием, хотя может быть вызвана и событием, совершающимся одновременно с протеканием эмоциональной реакции, совершающимся постоянно или долженствующим совершиться. Эти смысловые оттенки в разных алтайских языках передаются разными формами причастий в составе ЗПЕ. Рассмотрим, как распределяются эти значения между причастными формами в исследуемых языках.

В алтайском языке форма на =ган передает не только совершившееся, но и длящееся, повторяющееся, обычное событие-стимул, т.е. имеет временное значение, по-русски передаваемое формой "афористического" настоящего:

(69) Мен уулым јаман үренип тур=ган=ын=а ачурканыш турум - Я сержусь (тому), что сын=мой плохо учится. (70) ... Онын балдары јайым учун тартыжда туружы=п тур=ган=ын=а оморкоп туратан (АТ) - (Она) гордилась тем (букв.: тому), что её дети участвуют в борьбе за свободу. (71) Карган кижі јаман көрүп ле угуп тур=ган=ын=а каткыарга јарабас - Нельзя смеяться (тому) что старые люди плохо видят и слышат. (72) Бистин бойыста библиотека јок бол=гон=ын=а эјелерим ачыңып јат - Сестры мои сердятся, что у нас нет своей библиотеки. (73) Клубта соок бол=гон=ын=а бис кородойдыс - Мы сожалели (были недовольны), что в клубе холодно.

Как видим, во всех этих случаях форму дательного падежа принимает вспомогательный глагол - тур=, јат= или, при именном сказуемом, бол=. Поэтому, видимо, правильное видеть здесь особую аналитическую форму причастия настоящего длительного - Ту=п тур=ган=/Ту=п јат=кан=. Возможно, его семантика является "надвременной" (ср. бурятское причастие на =даг).

Причастие будущего времени на =р (=бас) используется для передачи события ожидаемого:

(74) Сен база тенек ле, бойына да, биске де ырыс бол=ор=ын=а килебей турунг (Хр, 110) - Но ты же дура, не желаешь, чтобы и тебе, и нам было счастье (букв.: будет).

В хакасском языке для выражения одновременности стимула и реакции употребляется причастие на =чатхан. Часто это одновременность в прошлом, например:

(75) Ипчилер тракторның одыл=бин=чатхан=ын=а, арда=бин=чатхан=ын=а бринил ала, тогын=ган=нар – Женщины работали, радуясь тому, что трактор не ломается, не портится. Ср. алтайский оригинал этой фразы: (76) Келиндер онын сынбай, урелбей тур=ган=ын=а сүүнип иштенгилейт (СМ.ТК, 34) – Женщины работают, радуясь тому, что он не ломается, не портится. Ср. также (77) Хак.: Ол анын прай ир кизилер чили чаалас=пин=чатхан=ын=а чопсинеен – Она была недовольна тем, что он не вокет, как все мужчины.

Встречаются и такие фразы, где одновременность стимула и реакции фиксируется в плане настоящего и будущего:

(78) Үче-пабазы анын анаң андарох үгрөн=четкен=ин=е бринчелер – Его родители рады тому, что он продолжает учиться. (79) Олганнарның амга теере айлан=мин=чатхан=нар=ын=а сагысырапчам – Я беспокоюсь (тому), что дети до сих пор не возвращаются. (80) Пістің чарылыс=чатхан=ыбыс=ха хомзынма – Не печалься, что мы расстаемся.

Видим, таким образом, что эта форма во всех временных планах передает одновременность, т.е. ее временное значение в этой позиции относительно.

Причастие на =р в хакасском языке в эмотивных (шире – управляемых) конструкциях, как правило, употребляется в абсолютном значении – точнее, абсолютно-относительном, поскольку, выражая следование в контексте настоящего и прошедшего времени, зависимая часть относит описываемое ею действие к плану реального будущего:

(81) Сірер пісте пір неделя хал=ар=лар=ың=а бринчем – Я рада, что вы останетесь у нас на неделю. (82) Піс парабисха операция идерлер=ін =е сагысырапчабыс – Мы обеспокоены тем, что отцу будут делать операцию.

В хакасском языке форма на =р употребляется и тогда, когда за главным событием в абсолютном прошедшем следует зависимое событие, также отнесенное к абсолютному прошедшему. В таких случаях форма на =р передает чисто относительное значение "будущего в прошлом":

(83) Мин аннаң тігі неделяда тоғасхам. Синің кил=ер=ің=е ол тың бринген – Я встречался с ним на прошлой неделе. Он был очень рад, что ты приезжаешь.

В тувинском языке распределение и употребление форм иное. Причастие на =ган в эмотивных конструкциях передает только такое событие, которое полностью завершилось (или завершится) к моменту эмоциональной реакции на него. Отрицательная форма на =ба=ан выражает событие, отсутствие которого в прошлом вызывает эмоциональную реакцию (см. примеры выше). Сужение сферы употребления причастия на =ган по сравнению с алтайским и хакасским прямо влечет за собой расширение сферы употребления причастия на =р/=бас, поскольку других причастий в предикативном склонении тувинского языка нет. Причастие будущее представляет событие ЗПЕ, вызвавшее эмоциональную реакцию "опережающего типа", как еще не происшедшее, но уверенно ожидаемое говорящим; в этой же форме предстают регулярно повторяющиеся или постоянные события-стимулы. Например:

(84) Удавас чан=ар=ыбыс=ка бис өөрүп тур бис – Мы рады тому, что скоро поедем домой. (85) Чайын мээң төрөөн черимге силер чеде бээр=иң=ге, мен адааргаар=дыр мен, а бодум чедип шыдавас=тыр мен – Я завидую тому, что вы летом поедете в мои родные места, а я сам не смогу поехать. (86) Дүне када эмин эрттир чедүр=ер=иң=ге, мен дүвүрээр кижиг=дир мен – Я тревожусь (тому), что ты сильно кашляешь ночью. (87) Хуралче озалда=ар=ын=га өөренип каан – Он привык опаздывать на собрания.

Одновременность реакции и события-стимула (которое в таком случае должно быть длительным) в тувинском также передается причастием на =р, аффикс которого присоединяется к форме длительного вида – аналитической конструкции Ту=п тур= и т.л.:

(88) Машиналар кел=бейн тур=ар=ын=га мунгарап олурдувус – Мы сидели и огорчались, что машины не приходят. (89) Бөгүн эки ажылда=п тур=ар=ың=га өөрүп тур мен – Я рад, что ты сегодня хорошо работаешь.

Однако если событие-стимул следует за реакцией в плане абсолютного прошлого, тувинское причастие на =р не употребляется; оно употребляется, только если события одновременны. В том же контексте, где в хакасском использовалось причастие на =р (пример 83), в тувинском образуется сложная аналитическая форма с участием вспомогательного глагола говорения де=, передающая намерение как состояние длительное и одновременное эмоциональной реакции в прошлом:

(90) Мен ону 5 хүн бурунгаар көрдүм. Ол силерниң чедип кээр деп тур=ар=ыңар=га аажок өөрүп турду – Я видел его пять дней назад. Он был очень рад, что вы собираетесь приехать.

По свидетельству информанта, в этом примере возможна и форма причастия прошедшего времени – деп тур=ган=ыңар=га.

Нужно отметить еще одну особенность тувинского языка, отличающую его от других тюркских языков Южной Сибири и сближающую с бурятским. В тувинском форма дательного падежа регулярно выступает во временных и причинных конструкциях, так что она несет очень большую функциональную нагрузку; соответственно повышается количество омонимичных конструкций (=р=га 'когда' и =р=га в эмотивной конструкции). Видимо, поэтому в тувинском, как и в бурятском, в составе эмотивной конструкции может появляться специальная аналитическая форма с бытийным глаголом бол= 'быть' для выражения того факта, что событие-стимул следует во времени за эмоциональной реакцией. Форму причастия на =р принимает знаменательный глагол, а вспомогательный оформляется аффиксами причастия на =ган, самого регулярного в эмотивных конструкциях, и дательного падежа:

(91) Сээң чор=бас бол=ган=ың=га өөрүп тур мен – Я рад, что ты не уезжаешь. (92) Ам=на ужуражы бе=эр бол=ган=ыбыс=ка өөрүп тур мен – Я рад, что мы, наконец, встретимся.

Нужно отметить, что в случае с положительной формой возможен и вариант без вспомогательного глагола – бе=эр=ивис=ке, но в случае с отрицательной формой возможен только вариант с глаголом бол= либо же конструкция с формой глагола говорения деп.

В бурятском языке совершившееся событие-стимул передается фор-

мой причастия прошедшего времени на =хан (примеры 63, 64). Если стимул – событие, не совершившееся в прошлом, то употребляется отрицательный аналог причастия на =хан – форма на =аа=гүй:

(93) Шүүдэрэй хатаа=гүй=дэ урмаа хухараабди – (Мы)огорчились, что роса ещё не просохла. (94) Үбгэн гүнээгэ бодолдо хатанхай, бэээ зэмэлнэ, ганса басаганайнгаа үгэ дуул=аа=гүй=д=еэ гажарна (Тум., ТБ, 19) – Старик, погрузившись в глубокие мысли, себя корит, горюет, что не послушался слов единственной своей дочери.

Однако сочетание аффиксов =аа=гүй=дэ является идиоматизированным и обычно передаёт временное значение ('пока не'); поэтому в составе эмотивной конструкции строится специальная аналитическая форма с участием вспомогательного глагола бай= 'быть', который принимает аффиксы причастия на =хан и дательного-местного падежа. Основ же знаменательного глагола принимает аффиксы =аа=гүй:

(95) Эдэ мэтые хайн мэдэхгүй, анхаралтайгаар шудалаагүй, мүн урданай дархашуулай бэлиг шадабарине бүри хайнаар халан аб=аа=гүй бай=хан=д=аа Занхар халаглана (Б-78-5, 84) – Занхар сожалеет, что всего этого хорошо не знает, внимательно не изучал, не перенял как следует также мастерства старинных чеканщиков. (96) ... Зайш=оо=гүй бай=хан=да=нь баясаханшаг асуугаад... (Х, 6) – Спросила, обрадовавшись (букв.: спросив обрадованно) тому, что он не шляется.

Событие, одновременное эмоциональной реакции на него (и отсутствие такого события), передается формой причастия будущего на =ха (соответственно =ха=гүй):

(97) Янжамын энэ ерээд, өөрнө хамган болохондол үндэгэ хуула=ха=да=нь, Майдар зохишноон хаража хэбтээ хэн (Х, 64) – Майдар лежал и глядел, восхищаясь (букв.: восхищенно тому), что Янжам, сюда придя, чистит яйцо, как будто его собственная жена.

(98) Тагар дээрэ дээрэ хээн, хэды ехээр үгөөшье хаа, Гүнсэмае були=ха=гүй=д=еэ урмаа хухаржа... (Дамб., 53) – Тагар расстраивается, что Гүнсэму не обгоняет, хотя передал одну за другой очень много (охапок сена).

Вместо формы =ха=гүй=дэ может появиться аналитическая форма =ха=гүй бай=хан=да – видимо, также для снятия синтаксической омонимии (форма =ха=гүй=дэ используется для выражения причинного значения – 'поскольку не'):

(99) Бутид... дурадха^н юумынь мэдэ=хэ=гүй бай=хан=д=аа эшэдэхэе хүрбэ (Дамб., 16) – Бутид застенялась (тому), что не знает, что ей нравится (букв.: нравящуюся вещь).

Постоянное событие также может выражаться формой причастия на =ха при некоторых дополнительных условиях, например если конечное сказуемое стоит в форме причастия постоянного действия на =даг:

(100) Ба^на мүн^{гэ}, эдихэ/юме зөө=хэ=дэ=нь хүргэ басаганинь дурагүйдэ=дэг юм (Бат., 29) – Невестки её не любили также, что (она) носит деньги и еду.

Однако обычно в таком случае в роли сказуемого ЗПЕ используется причастие на =даг:

(101) Эгэшынгээ ажал хэ=дэг=гүй=дэ, би гажарнаб – Мне непри-

ятно (я сержусь), что сестра не работает. (102) Би шини орой ерэ=дэг=тэ=шни дадааб – Я привык к тому, что ты возвращаешься поздно.

Наконец, событие, ожидаемое с уверенностью, в роли стимула эмоциональной реакции выражается формой причастия будущего на =ха; однако и здесь может использоваться аналитическая конструкция с глаголом бай= (=ха бай=хан=да), поскольку форма на =ха=да выражает общую временную соотносительность ('когда'), а в эмотивных конструкциях – обычно одновременность стимула и реакции. Например:

(103) Шини үглөөдэр яба=ха бай=хан=да=шни би халагланаб – Я жалею, что ты завтра уезжаешь. (104) Ерэ=хэ=гүй=дэ=шни (вариант: Ерэ=хэ=гүй бай=хан=да=шни) халагланаб – Я жалею, что ты не приедешь.

Таким образом, по материалам четырех обследованных нами языков прослеживается следующая картина. Все причастия в составе эмотивных конструкций в большей или меньшей степени проявляют относительность своего временного значения. Даже причастия прошедшего времени, хотя в большинстве случаев и обозначают реально завершившееся действие, в составе аналитических конструкций (длительного вида и др.) теряют абсолютный характер – вплоть до полной утраты временного значения (ср. тувинские и бурятские материалы). Выясняется также, что противопоставление абсолютного и относительного временного значений не является привативной оппозицией, скорее, это полюса шкалы, и разные причастия одного языка могут занимать на этой шкале разные места.

Формы выражения временного соотношения между событием-стимулом и эмоциональной реакцией в эмотивных конструкциях алтайских языков представлены в табл. 3.

В языках с богатым набором причастных форм существуют возможности выразить в форме ЗПЕ и более сложные смыслы (модальные и т.п.), но в данной работе мы не имеем возможности останавливаться на этом подробнее.

Перейдем к анализу прогностических конструкций. В соответствии с семантикой формирующих их глаголов временная форма ЗПЕ в них задана: это причастия будущего времени, передающие потенциальность действия. В общем список форм, выступающих в прогностических конструкциях, совпадает с тем, который представлен в табл. 3 для эмотивных конструкций с эмоциональной реакцией на предстоящее событие (следование), но с закономерным различием в семантике: в эмотивных конструкциях действие представлено как ожидаемое с уверенностью, в прогностических – как потенциальное.

По устройству прогностических конструкций тувинский язык вновь сближается с бурятским, отдаляясь от других тюркских языков Сибири. В хакасском и алтайском языках свободно используется форма =р=//га как в разносубъектном, так и в моносубъектном варианте конструкции; в последнем случае появляется и форма =р=га, без притяжательного оформления, квалифицируемая как инфинитив:

(105) Хак.: Аннаңар ічем хазыхтан пар=ар=ын=а ізеніп одырғам (НТ. ТКӨ, 32) – Поэтому я надеялся, что мама выздоровеет. (106)

Таблица 3

Формы выражения временного соотношения между событием-стимулом и реакцией в эмотивных конструкциях алтайских языков

Характеристика	Тип соотношения	Алтайский	Хакасский	Тувинский	Бурятский
Событие-стимул	Предшествование	=ган-//=(г)а =ба-ган-//=(г)а	=ган-//=(г)а =ба-ган-//=(г)а	=ган-//га =ба-(г)ан-//га	=хан-да-// =аа-гүй бай-хан-да
	Одновременность (с длительным событием)	=п тур-ган-//=(г)а =п јат-кан-//=(г)а =бай тур-ган-//=(г)а	=чатхан-//=(г)а =бин-чатхан-//=(г)а	=п тур-ар-//га =п тур-ган-//га =байн тур-ар-//га =байн тур-ган-//га	=ха-да-// =ха-гүй бай-хан-да-// (=ха-гүй бай-хан-да-//)
	Следование	=ар-//=(г)а =баз-//=(г)а	=ар-//=(г)а =баз-//=(г)а	=ар-//га (=ар бол-ган-//га) =бас бол-ган-//га	=ха-да-// =ха бай-хан-да-// =ха-гүй бай-хан-да-// (=ха-гүй бай-хан-да-//)
Повторяющееся (постоянное) событие-стимул		=п тур-ган-//=(г)а =п јат-кан-//=(г)а =бай тур-ган-//=(г)а	=чатхан-//=(г)а =бин-чатхан-//=(г)а	=ар-//га =байн тур-ар-//га	=да-га-// (=ха-да-//)

Ол анда ... чон аразында хайди поэын тудын чөр-ер-ин-е үгрэнче, көнүкче (НТ. ТКÖ, 75) - Она там причаётся, привыкает, как среди людей держаться. (107) Чыылыгда чоох туд-ар-ын-а Опан тимде пол-баан (НТ.ТКÖ, 201) - Опан не был готов держать речь на собрании. (108) Агырыбыз-арга хорыхчам - Я боюсь заболеть.

(109) Алт.: Мен онын оито кел-ер-ин-е иженбей ядым - Я не надеюсь, что он вернётся. (110) Слердинг андый ла капшай квартира ал-ар-ыгар-га бүтпей турум - Я не верю, что вы так быстро получите квартиру. (111) Кыш күч бол-ор-ын-а белетенип алыгар - Готовьтесь к тому, что зима будет тяжёлой. (112) .. уйукта-арга белетенип отырдыс (АК, 15) - Мы готовились спать.

В тувинском же и бурятском языках прогностические глаголы формируют преимущественно конструкции с формами служебного глагола говорения (тув. деп, бур. гэжэ):

(113) Тув.: Хар удавас эрип каар деп идегеп тур мен - Я надеюсь, что снег скоро растает. (114) Бур.: Ши тэрэ хэлэһэнээ дүүргэхэш гэжэ найданаб - Я надеюсь, что ты выполнишь то, что обещал (букв.: сказал).

Однако появление форм управляемого дательного падежа также возможно, если зависимое сказуемое представляет собой аналитическую конструкцию со вспомогательным бытийным глаголом:

(115) Тув.: Номнарны эккеп ка-ар бол-ган-ың-га идегеп тур мен - Я надеюсь, что ты принесешь книги. (116) Бо ахылды дүрген дозуп ка-ар бол-ган-ың-га бүзүрээр-дир бис - Мы верим, что ты быстро закончишь эту работу. (117) Бур.: Үрдикэ буса-ха бай-хан-да-шни найданаб - Я надеюсь, что ты успеешь вернуться. (118) Би шини институтта оро-хо бай-хан-да-шни этигэнэб - Я верю, что ты поступишь в институт.

В алтайском языке прогностические глаголы также могут формировать конструкции с формой глагола де-, однако в хакасском языке используется только управляемый дательный падеж.

Проанализировав прогностические конструкции в изучаемых языках, вернемся к поставленному выше вопросу об их отношении к целевым конструкциям: соотносятся ли эти два типа конструкций, подобно тому как конструкции "стимул-причина", или эти отношения существенно своеобразны? Очевидно, этот вопрос имеет две стороны: содержательную и формальную. В формальном плане параллелизм отношений достаточно очевиден: во всех случаях используется форма дательного падежа ЗПЕ, а кроме того, для выражения целевых отношений, точно так же, как и для выражения причинных отношений, используются еще и другие конструкции, например причастно-последовательные. Из конструкций с падежным оформлением зависимой части в бурятском языке целевые отношения могут выражаться формами винительного падежа ЗПЕ (см. главу третью, § 2); в прогностических конструкциях употребляется дательный, но встречаются отдельные примеры и с винительным падежом:

(119) Бур.: Гүнсэмаа Паламовна, арад зон тание суглаа хүтэлэ-лсэ-х-ые-тнай найдажа лунгаба (Дамб., 102) - Гүнсэма Паламовна, люди выбрали вас, надеясь, что вы будете вести собрание.

В хакасском и алтайском языках цель при глаголах движения выражается формой инфинитива на -рга, используемой и в прогностических конструкциях. Конструкции с формами служебного глагола говорения, показанные выше на бурятском и тувинском материале, используются не только с прогностическими глаголами, но и с глаголами целенаправленного действия в целевом значении.

Что касается содержательной стороны, то здесь картина сложнее. Отношения, которые мы обозначили термином "стимул", отличаются от причинных тем, что они устанавливаются между объективным событием действительности и человеческим сознанием (поведением); для причинных отношений участие сознания совершенно не обязательно (сознание говорящего, который устанавливает эти отношения, мы выносим за скобку). Отношения 'прогноз' и 'цель' в этом аспекте противостоять друг другу не могут, потому что в обоих случаях необходимо предполагается соотнесенность действительности и сознания. Целеполагание всегда предполагает прогнозирование. В целевой конструкции всегда обнаруживается имплицитное прогностическое звено: "Я пришел, (надеясь) поговорить с вами". Но, кроме того, в целевой конструкции присутствует блок 'действие, совершаемое для достижения прогнозируемого результата'. Наличие этого блока и отличает целевую конструкцию от прогностической.

Таким образом, в содержательном плане 'прогноз' относится к 'цели' иначе, нежели 'стимул' к 'причине'. Параллелизма здесь нет. Однако принадлежность всех этих отношений к одной семантической микросистеме синтаксиса не вызывает сомнений.

* * *

Подведем теперь некоторые итоги проделанного анализа.

Для всех рассмотренных языков общим является использование формы дательного падежа причастия прошедшего времени для представления события-стимула эмоциональной реакции как уже совершившегося факта. Естественно, что в тюркских языках Южной Сибири такой формой оказывается причастие на -ган, семантика которого и безотносительно к данным конструкциям связывается с перфективностью (см., напр.: Серебrenников, Бирюкович, 1982). В бурятском в этой роли выступает причастие на -хан и его отрицательный аналог-причастие на -аа-гүй, в эвенкийском – причастие на -на, иногда -ча.

Остальные причастия, участвующие в предикативном склонении, также могут реализоваться в эмотивных конструкциях, где они формируют иные типовые представления о событии-стимуле, представляя его как еще не совершившееся, длящееся, повторяющееся, не локализованное во времени и др. Причастия будущего времени тяготеют к прогностическим конструкциям; здесь, кроме того, падежное оформление (противопоставление дательного и исходного падежей) позволяет различать прогноз "положительный" и "отрицательный".

Функции каждого причастия зависят от того, какие и сколько причастий каждого данного языка вообще участвуют в предикативном склонении, а также и от того, какие еще другие функции выполняет

в данном языке дательный падеж этих предикативных причастий. Понятно, что тувинская система, состоящая из двух причастий (и их отрицательных форм), в этом аспекте проще алтайской и хакасской, где склоняемых причастий больше, а тем более бурятской, где их еще больше. В аспекте же функциональной нагрузки датива тувинский сложнее алтайского и хакасского, но ближе к бурятскому и эвенкийскому, где дательный падеж совмещает статические и динамические функции и используется во временных конструкциях.

С этой точки зрения очень существенно, участвует ли в данном языке форма причастия будущего в дательном падеже в выражении временных отношений. Если нет (как в алтайском и хакасском), то оно относительно свободно может использоваться в прогностических конструкциях и в эмотивных конструкциях для выражения "стимула, еще не ставшего фактом". Если же, как в тувинском и бурятском, эта форма (тув. -р-га, бур. -ха-да) используется для выражения общей временной соотнесенности, то употребление её в эмотивных и прогностических конструкциях существенно затрудняется. Тем не менее и в тувинском, и в бурятском языке находятся некоторые формальные средства разграничения временных и эмотивных конструкций. В тувинском во временных (как и в других обстоятельственных) конструкциях подлежащее ЗПЕ всегда в прямом падеже, а сказуемое её в 3 л. употребляется без аффиксов принадлежности (в управляемых конструкциях подлежащее обычно в родительном падеже, сказуемое в 3 л. обязательно оформлено аффиксом принадлежности). Кроме того, и в тувинском, и в бурятском используются еще специальные аналитические конструкции с участием вспомогательных бытийных глаголов, служащих как бы "конструктивными скрепами" для введения формы причастия будущего времени (тув. -р бол-ган-//=-га; бур. -ха бай=-хан-да-//).

§ 5. Конструкции ЗПЕ в дательном и исходном падежах с реактивной семантикой

В рассмотренных выше примерах сказуемое главной части выражало какую-либо эмоциональную реакцию на событие-стимул, выраженное ЗПЕ. Другие типы реакций, не эмоциональные, а поведенческие, в наших бурятских и тюркских материалах представлены гораздо беднее, чем в эвенкийских. Поэтому ниже этот тип будет рассмотрен преимущественно на эвенкийском материале. Но прежде остановимся на одном промежуточном типе конструкций, в составе которых ЗПЕ во всех изучаемых языках (кроме маньчжурского, где такие примеры пока не встретились) принимает форму дательного и исходного падежей. Речь идет о конструкциях, в каком-то смысле "обратных" рассмотренным выше; их особенность в том, что эмоциональное состояние, вызванное чем-то, что в данной фразе обычно не называется, само становится причиной-стимулом поведенческой, нередко физиологической реакции, в которой эмоция получает выражение или выход. В русской речи в подобных случаях употребляется конструкция "предлог от + существи-

тельное, называющее эмоцию*: от радости засмеялся, от растерянности молчал и т.п., где, кстати, от соответствует исходному падежу. Приведем соответствующие примеры:

(120) Алт.: Мангаар-ган-ын-а кара кабактарын жүк ле эзендежи турган ойдо көдүрип, ... (Ш, ЧЖ, 45) - От растерянности свои черные брови, когда он здоровался, приподнял ... (121) Нина каанын абакайындый отурып, сүүнгөн-ин-е каткарат (Ш, ЧЖ, 70) - Нина, сидя как царевна, от радости засмеялась. (122) Чуй сууны жакалай стоп жүргөн аттар, койлор чочы-ган-дар-ын-а нени билбей... (Ш, ЧЖ, 73) - Пасшился по берегу Чуи лошади и овцы, от испуга не зная что делать... (123) Хак.: Оолах чоча-ан-ы-наң хайбагына түскөн (НТ, КК, 49) - Мальчик от испуга оглянулся. (124) Харах көрүзүңөң чирде турган олганнарны ибire көрүп, позы даа өрүн-ген-и-нең күлүмзүри түскөн (ИК, МН, 73) - Окинув взглядом стоящих внизу детей, он сам от радости улыбнулся. (125) Ол агырсын-чатхан-ын-а ылгырчы, че тидинминче... (ГК, АХ, Т, 22) - Она бы плакала от боли, но не решается... (126) Күзөн кинетин позып пар-ган-ын-а алаң ас парган (ТБ, ХС) - Хорек растерялся от того, что неожиданно освободился. (127) Ойканың харых-хан-ын-а чүрегі ам на саап пастапча, пазы тыысталча - От испуга сердце у Ойки только сейчас забилося, голова заняла. (128) Бур.: Мельгөн хара шулуу хоролхо-һон-д-оо альгадаад абаба (Лубс., 50) - По гладкому черному камню от злости (в злости) шлёпнул. (129) ... баярла-һан-д-аа собхоржо байха юм (Лубс., 34) - ... от радости прыгают.

Русским формам "от + существительное" в оригиналах соответствуют падежные формы причастий, сохраняющих предикативные свойства; но интересующее нас значение реализуется именно в моносубъектных фразах - выраженность при причастии собственного субъекта усиливает ее причинное значение:

(130) Бур.: Намайе айла-һан-да-һини сошобоб - Я вздрогнул оттого, что ты меня напугал.

Как видно из приведенных примеров, в тюркских и в бурятском языках событие-стимул, т.е. эмоциональное состояние, обычно представляется дательным падежом. Форму исходного чаще принимают глаголы, которые сами управляют исходным: 'бояться', 'опасаться', 'стыдиться', но не обязательно; см. (130). Вероятно, каждый падеж вносит в семантику конструкции что-то свое, но исследование этих оттенков выходит за рамки наших задач.

В эвенкийском языке между конструкциями с дательным и исходным (отложительным) падежами различия более глубокие. Приведем примеры с отложительным падежом:

(131) Би халдя-на-дук-ви илэ-дэ окитви эчэв сарэ (Н, 140) - От стыда я не знал куда деваться. (132) Нуцартын Великийва океанма иси́ксал урун-нэ-дук-вэр соңодөчөтүн (ТД, 207) - Дойдя до Великого океана, они плакали от радости. (133) Упкачин нуңан илэн дэлэл-нэ-дук-ин силгиндячан (ТД, 32) - Все его тело от страха дрожало. (134) Кара-кта-дук-пи аракукан иллан, нюрмаат клубтук юрэн (Нак.) - От стыда тихонько встал, вышел из клуба.

Примеры с дательным падежом:

(135) Алпахача бихим тыкул-на-ду-ви (ФЭЯ, 68) - В гневе я наговорил оскорбительные слова. (136) Угиски уйдэй-нэ-ду-ви умун сэмме гугдаллан (ИФЭ, 85) - Оттого, что понял (в состоянии понимания) вырос вверх на одну четверть. (137) Урун-нэ-ду-ви ами умдан, хокторон (Нак.) - От радости (в состоянии радости) папа выпил, захмелел. (138) Нэлэл-кта-ду-ви пектырчэ (Чир.) - В страхе выстрелил (в состоянии страха).

В обоих случаях в главной части передается реакция на эмоциональное состояние, выраженное ЗПЕ. Но во фразах с ЗПЕ в отложительном падеже причинный компонент ощущается более явственно. Во фразах с дательным падежом смысловые и темпоральные отношения несколько иные. Аффикс =ду указывает на одновременность ситуаций главной и зависимой частей, в соответствии с темпоральным значением этого падежа. Значение одновременности несколько нейтрализует реактивную семантику модели, поскольку реакция должна следовать за стимулом, и вступает в некоторое противоречие с темпоральной семантикой причастия на-на, которое должно выражать предшествование главному событию. Это придает своеобразную окраску значению модели: действие ЗПЕ предшествует главному действию, но состояние субъекта, наступающее как его результат, одновременно главному. Так, в сочетании урун-нэ-ду-ви умдан - 'в радости выпил' действие урун- 'обрадовался' предшествует действию умдан 'выпил'. Но состояние радости одновременно главному действию, что и выражается формой дательного падежа.

В бурятском языке нам также встретились примеры, в которых аффикс датива передает своеобразное отношение, близкое и к причинному, и к локативному значению дательного-местного падежа ('находясь в состоянии ...'):

(139) ... Архин халуунтай жолоошомнай мэгда-һан-д-ээ тормозо эрид шангаар даражархба (Мунг., БЗ, 32) - Наш водитель, разгоряченный водкой, в переполохе (оттого, что переполошился) резко нажал на тормоза. (140) Амая абажа ядажа бай-һан-д-аа: Ямаадай... Ямаадайгымни... шоно ..., - гэнэб (Лубс., 16) - Я говорю, будучи не в состоянии перевести дыхание: "Козлёнка... козлёнка моего, волк..."

Наряду с только что рассмотренной моделью, где датив указывает на одновременность, оставляя немаркированным собственно реактивное значение, в эвенкийском языке широко употребляются формы с дательным собственно реактивным. Здесь датив реализует второй вариант своего значения - дистантность, динамичность, направленность от одного к другому. Для этого типа конструкций важна форма прошедшего времени зависимого сказуемого (на-на) и разносубъектность. Предложения этого типа представлены несколькими разновидностями.

1. Речевой акт (главная часть) является ответом на речевой акт, выраженный зависимой ПЕ. Например:

(141) Тар гун-нэ-ду-н хэргү буга Сэлэнтурин тыкэн гундерэн (ИФЭ, 85) - На то, что он сказал, нижней земли Сэлэнтур так отвечает. (142) Си, ахакан, эдэ, улгуми-нэ-ду-с де, улгучэниктэ (ИФЭ,

53) - Девушка, дружок, на то что ты спросила (на твой вопрос) расскажу-ка. (143) Эр тыкэн гун=нэ=ду=н дулин буга Хуркэкчэний тыкэн гуннэ турэчи-сэхэчи одярдага (ФЭЯ, 176) - На его слова Хуркэкчэн средней земли так отвечает. (144) Эр тыкэн гун=нэ=ду=н энинин Имэкэн=кипиви... гуниттэн (ФЭЯ, 159) - На эти его слова его мать Имэкэн-красавица... говорит.

2. В главном предложении выражается благодарность за действие, выраженное в придаточном. Например:

(145) Нэнэхил=ды=ду=ви эдук-та хэгдыңэ пэхивэ - гундям (ИФЭ, 88) - За то, что (ты) пошел, огромное спасибо. (146) Гэрби=нэ=ду=с пасибандя оген (ФЭЯ, 57) - Большое спасибо за то, что дал мне имя. (147) Эхиткэн аява онды, эр о=на=ду=с бахива бигин (ФЭЯ, 138) Сейчас (ты мне) добро сделал, за то, что сделал, спасибо. (148) Эр кутэтыкэн нэкумини, эр долты дяландув иливнал ариь=на=ду=хун балтаччи бахива дявакалду (ФЭЯ, 176) - Сестра моя и зять, большое спасибо за то, что вы оживили меня и снова поставили на ноги. Ср. также в бурятском: (149) Бэлэг асар=хан=да=шни ехэ баярые хургэнэб (Б-76-1, 58) - За то, что (ты) подарок принёс, большую благодарность приношу. (150) Уряал айладха=хан=да=тнай башыба (Мунг., 55) - Спасибо, что (вы) пригласили.

3. В фольклоре конструкции с дативом нередко передают ситуацию, когда один из ее участников находится в доме, другой - снаружи. Действие или речь второго вызывает речевую или действительную реакцию первого:

(151) "Кэ, хутэ, икэл" гунэн. Тар гун=нэ=ду=н ирэн (ИФЭ, 86) - "Ну, сынок, входи". На его разрешение тот вошел. (152) Улгучэн=нэ=ду=н Нюнурмэк=атыркан тэгэтчэмнин элемэтии хэтэкэнчэдэрэн ур-кэлэви (ИФЭ, 86) - На его речь Нюнурмэк-старуха изо всех сил, сидя, рванулась к двери. (153) Тар и=нэ=ду=н ахи малудуви тэгэвкэнэн (ИФЭ, 53) - Когда он вошел, женщина усадила его на малу. (154) Эмэ=нэ=ду=н хунатпан дюр чалэдукин дяваксал тэгэвкэнэ (ИФЭ, 75) - Когда девушка вошла, ее, взяв за руки, усадили. В двух последних фразах перевод 'когда' условен: точнее - 'в ответ на то'.

В оригинале семантика датива в этих предложениях многослойна: здесь и темпоральное значение, поддержанное значением причастия на =на (предшествование главному действию), и пространственное (движение навстречу); но главное - сохраняется значение дистантности и взаимонаправленности двух действий.

4. Дателный падеж ЗПЕ может выражать и причинное значение в модификации "реакция на причину-стимул"; оно реализуется, когда оба сказуемых выражают конкретные действия, и зависимое, предшествуя главному, вызывает его. Например:

(155) Эр колто=но=ду=н авахи=бэе тэмтэриксэкэн, эчэн тыктэн (ИФЭ, 64) - От этих ударов авахи зашатался, но не упал. (156) Дюр бокатыр бинэл кухим=нэ=ду=тын бихимнэ экундук=та сурдак угу бугадук тедэмэты тыгдэ тыгдэчэн, бокта боктачан (ИФЭ, 36) - От битвы двух богатырей с верхней страны страшный дождь пошел, град выпал. (157) Ноноптыдун соничил нэнэхин=нэ=ду=тын дюр егин агдыттан (ИФЭ, 95) - От движения богатырей 18 громов прогреме-

ло. (158) Эр лукулэнэ=ду=н Сэлэнтур бичэ экун дук-та олорон (ИФЭ, 85) - От его выстрела Сэлэнтур сильно вздрогнул.

От описанных выше реактивно-мотивировочных конструкций эти отличаются, в частности, тем, что здесь причинное значение, хоть и слабо, отмечено аффиксом датива, обозначающего реакцию на действие. В предложениях же, где реализуется статический аспект дателного падежа, этот аффикс выражает темпоральное значение (одновременность), а реактивное, причинное, остается неотмеченным.

Примеры таких конструкций отмечаются и в других языках:

(159) Хак.: Аньң пар=чатхан=ын=е хара чирнең көк тигір пүкүлөө иленесчеткендег пилдирче (ХЧ. Ч, 63) - От того, что он идет, черная земля с голубым небом вместе целиком сотрясаются, кажется. Ср. также: (160) Хак.: Адайы, күн тооза чолами чүгүр=ген=ин=е майыгып, чоо узубысхан одыр, ... (ИК.МН, 107) - Собака-его, устав от того, что всю дорогу напролет бежала, заснула, видимо, крепко... (161) Бур.: Миисгэйн углуугай саанаһаа гэнтэ гара=хан=да сошобоб - Я вздрогнул от того, что кошка внезапно выскочила из-за угла.

Примеры эти единичны и, конечно, не такие четкие, как в эвенкийском; они могут быть интерпретированы и как чисто причинные, их специфику можно заметить только на фоне эвенкийского материала.

§ 6. Падежные формы ЗПЕ в сопоставительных конструкциях

Термин "сопоставительные конструкции" мы употребляем как обобщающий для нескольких типов ППК, которые имеют и собственные названия, и свои разновидности; по широте употребления он аналогичен термину "конструкции обусловленности", который обобщает такие типы, как причинно-следственные, целевые, условные, уступительные. Структурно-семантическое ядро сопоставительных конструкций составляют собственно сравнительные, устанавливающие сходство объектов; но в алтайских языках сравнительное значение выражается обычно с помощью аналитических показателей, традиционно причисляемых к послелогам. Падежные формы для оформления ПЕ, представляющей пропозитивный эталон сравнения, используются редко. Например, в бурятском языке:

(162) Гэнтэ кошарын нүгөө захада үхэр бугаар бууда=хан=һаа өөрөгүй шанга абаян наяршаба (Б-76-1, 42) - Вдруг с другой стороны кошары раздался шум, подобно тому как выстрелено из пушки. Здесь сравнительная ПЕ имеет форму исходного падежа, которую приняло ее сказуемое - причастие прошедшего времени на =хан.

В эвенкийском это значение передается аффиксом =гачин, в тюркских языках - своими средствами, которые не имеют прямого отношения к предикативному склонению.

Более регулярно представлены в наших материалах конструкции, в которых два события сопоставляются по степени проявления у них некоторого признака. При этом, однако, в большинстве случаев этим

признакам оказывается качественная характеристика – 'лучше' – и тем самым конструкции "сравнения по степени признака" как бы перерождаются в конструкции предпочтения:

(163) Эвенк.: Эхи бэел аятмарит индере утэлэ ин=нэ=дук=пэр (Хант.) – Сейчас люди живут лучше, чем жили раньше.

В этом предложении главная часть обозначает сравниваемое событие, зависимая – событие, с которым оно сравнивается. Его сказуемое ин=нэ=дук=пэр 'чем жили' причастие на =на в исходном (отложительном) падеже; =пар – показатель возвратного притяжения мн. ч. Сравнительное значение передано наречным компаративом аятмарит 'лучше'. Ср. также:

(164) Нудан учитчаран би учит=на=дук=ив аятмарит (хант.) – Он учится лучше, чем учился я. (165) Би... умунди халгандиви илилча=ри=дук=ви сотмарит дэрүчэв (Н) – Я устал сильнее, чем если бы стоял на одной ноге. (166) Геду тырганиду упкачин би алатчэ=ри=дук=ив хунтүмэрит оран (Н) – На другой день всё вышло иначе, чем я ожидал.

Из этих примеров видно, что в таких конструкциях употребляются и другие предикаты, кроме аятмарит. Конструкции этого типа, хотя и не часто, встречаются и в бурятском языке, и в тюркских; качественное имя выступает в положительной форме, эталон сравнения – в исходном падеже:

(167) Бур.: Манай хүлээ=хэн=хээ тэрэ урид ерэбэ – Он приехал раньше, чем мы ждали. Ср. эту фразу в тюркских языках (168) Тув.: Бистиң манап тур=ган=ывыс=тан ол эрте келген. Ср. также: (169) Тув.: Бөгүнгө чедир ажылда=ан=ывыс=тан=даа эки ажылда=ар=ывыс=ты маргышканывыс херээ чок боор – Нельзя спорить с тем, что мы можем работать лучше, чем работали до сих пор. (170) Хак.: Син сагын=чатхан=ы=наң, пу угаа сидик – Это труднее, чем ты думаешь.

В рассмотренных предложениях сравнивались реальные действия, совершаемые конкретными лицами. Но наряду с этим могут сравниваться абстрактно, сами по себе, потенциальные действия безотносительно к лицу. Приведем эвенкийские примеры:

(171) Аятмар бэюсми тэгэт=чэңэ=дук=пи дюдү (Хант.) – Лучше отправиться на охоту, чем сидеть дома. (172) Няи клеткаду дэявча бидэңэ=дук аятмар демүдүк буми – Чем оказаться снова схваченной в клетке, лучше умереть с голода. (173) Посёлокту аятмар индеи хойдули нулгиктэ=ри=дук – В поселке жить лучше, чем кочевать по тундре. (174) Стенгазетаду художник бими аятмар стенава сукчадэ=ри=дук – Лучше быть художником в стенгазете, чем портить стены.

В этих предложениях сравниваемое действие представлено формой на =ми, качественная оценка – компаративом прилагательного в функции главного сказуемого. Чаще всего это слово аятмар 'лучше'. Объект сравнения выражается ЗПЕ в отложительном падеже. В первых двух предложениях объект сравнения – потенциальное действие, что выражено формой причастия возможного действия на =дяңа. Причастие на =ри, употребленное в других фразах, может обозначать реальное действие, которое мыслится обобщенно. Но эти различия – лишь семантические оттенки на фоне инвариантного значения модели. Отвле-

ченный характер действия проявляется в отсутствии указания на его субъект в приведенных примерах. В хантайском говоре в предложениях этого типа зависимые сказуемые могут иметь возвратный суффикс лица: тэгэт=чэңэ=дук=пи – 'чем сидеть', хуру=ри=дук=пи – 'чем ехать'; однако обычно личное оформление отсутствует.

Ср. примеры подобного типа в бурятском:

(175) Мянга дахин дуула=хан=хаа нэгэ дахин хара=ха=да хайн (Шагд., 92) – Лучше один раз увидеть, чем тысячу раз услышать. (176) Шубуун дэн олодоогүй, харанхы бай=гша=хаа зула носоо=хо=до дээрэ байха бэшэ гү? (Б-76-1, 26) – Стеариновых свечей не нашлось, чем темнота будет, не лучше ли лампаду зажечь? (177) Элүүр энхэ яба=ха=хаа хайхан юмэн алтан дэлхэй дээрэ үгы ха юм (Б-76-1, 57) – Ничего лучше на матушке-земле нет, чем здоровым быть.

Особый вариант сопоставительного значения представлен в заместительных предложениях, аналогичных русским конструкциям с союзами вместо того чтобы, чем плюс инфинитив (ср.: Бондаренко, 1981). Отношения между частями устанавливаются здесь с помощью неопосредственной (т.е. без участия компаратива) синтаксической связи, выраженной формой исходного падежа причастия. Существует две семантические разновидности предложений этого типа. В одном случае главное действие представляется неправильным, необычным, нежелательным с точки зрения говорящего, но тем не менее оно реально осуществляется. Зависимое действие, напротив, правильное, обычное, но реально не осуществляющееся. Смысл этих предложений – 'субъект поступает неправильно, вместо того чтобы поступать правильно'. Приведем эвенкийские примеры:

(178) Ахаткан хоңодёрон хокорнови гэлэктэ=деңэ=дук (=пи) (Хант.) – Девочка плачет, вместо того, чтобы искать то, что потеряла. (179) Ху кэтэвэ турэтчэрэс хавалды=ри=дук (=пэр) (Хант.) – Вы много разговариваете, вместо того чтобы работать. (180) Шишкин уркэвэ ни=деңэ=дук=ви сиңэрэкэнчэчин сэктэвундулэви угдусинэн (Н) – Шишкин, вместо того чтобы открыть дверь, как мышь, прошмыгнул в постель. (181) "Тора" дуку=дяңа=дук=ви "гара" дукуча (Н) – Вместо того чтобы написать "гора", "гара" написал.

В большинстве приведенных предложений сказуемое придаточного выражается причастием на =дяңа, указывающим на ирреальность зависимого действия: оно не осуществляется. Поскольку и реальное, и нереальное действия соотносятся с одним субъектом, сказуемое придаточного обычно оформляется возвратным аффиксом, указывающим на моносубъектность. Личные аффиксы здесь невозможны. В хантайском говоре показатель лица может вообще опускаться, отчего причастие принимает отвлеченное значение действия, более близкое русскому инфинитиву: турэтчэрэс хавалды=ри=дук 'разговариваете, вместо того чтобы работать'.

В предложениях второй разновидности главное сказуемое, передающее побуждение к "правильному" действию, выражается императивом и другими функционально близкими ему формами. Сказуемое придаточного называет действие "неправильное". Оно выражается причастием на =ри, если зависимое действие осуществляется, и причастием на

=дяца, т.е. если субъект только предполагает его осуществить. Выражение зависимого субъекта подчиняется правилам, описанным для предыдущего случая: возвратный аффикс или отсутствие аффикса, причем предпочтение отдается второму способу.

(182) Метава гадяца=дук эрэ гагин (Нак.) – Чем шкуру (с головы оленя) брать, пусть это возмёт. (183) Хи минэ бэлэмчэс тэгтэ=ри=дук (=пи) (Хант.) – Ты бы мне помог, чем без дела сидеть. (184) Си туги эдя=ри=дук тэлки алагудямчас (Н) – Ты бы учился, чем так поступать. (185) Городтула хурудең=дук эду хавалимчалдун (Хант.) – Вместо того, чтобы в город ехать, вы бы здесь работали.

В тюркских, как и в бурятском языке, заместительное значение выражается причастно-последовательными конструкциями; в бурятском используется также специальное заменное деепричастие на -нхаар. В обоих случаях выражение заместительного значения остается за пределами настоящего исследования.

К сопоставительным по семантике и структуре примыкают такие предложения:

(186) Дюкэ=кэ эче дырам бирэ, мурина дэгдэ=дэңэ=дук=пи мунмэтывэ эвки дэгдэрэ (Нак.) – Лёд-то был неплотный, не то чтобы лошадь выдержат, даже нас не выдержал. (187) Набойва унедиңэ=дук хунту аргая увэй (Барг.) – У нас нет другого выхода, кроме как продать лодку. (188) Шишкин гундечэн Лобзиква эр алагу=на=дук=ви кэтэду хунтуду алагудяцави (Н) – Шишкин говорил, что будет учить Лобзика многому другому, кроме того, чему уже научил. (189) Сахарва таңды=ри=дук=ин хунтуе=дэ таңдан татыгавка (Н) – Надо учить его не только сахар считать, но и другое.

Приведенные предложения не тождественны по характеру выражаемых синтаксических отношений, но имеют общее семантическое ядро: главное действие в них не замещает зависимое, как в предложениях описанного выше типа, а "прибавляется" к нему.

Такие же отношения видим в следующих хакасских примерах:

(190) Пис андаг нимені көр=ер=дең хачанох ундуп салгабыс (НТ. ТКÖ, 109) – Мы такую вещь не то чтобы видеть, давно уже (давным давно) позабыли. (191) Хазаа-хахпах халар=дан, туралар даа ун-талган идилген (ГХЯ, 237) – Где там остаться надворным постройкам, когда даже дома были превращены в муку.

На более редких типах конструкций – со значением признака, мотивирующего суждение, "метафорической локализации", а также с вариативным и слабо мотивированным управлением формами ЗПЕ – мы не можем остановиться в связи с ограниченностью объема работы.

§ 1. Конструкции

с неопределенным падежом ЗПЕ (общий обзор)

Конструкции с ЗПЕ в неопределенном падеже – самый сложный участок системы предикативного склонения. Это обусловлено функциями неопределенного падежа. Как и словоформы в субстантивном склонении, ЗПЕ в этом падеже занимают позиции составляющих предикативного узла: подлежащего, реже – именного сказуемого (использование форм неопределенного падежа в конструкциях с послелоговыми сейчас не рассматриваем).

Конструкции с ЗПЕ в неопределенном падеже принципиально отличаются от конструкций с сильно управляемыми ПЕ в винительном, дательном и исходном падежах по тому месту, которое они занимают на шкале "простота – сложность". Поскольку вся ЗПЕ в неопределенном падеже входит в главный предикативный узел как его компонент, то конструкция в целом не удовлетворяет пониманию "сложности", которое принято в данном исследовании: собственно сложными считаются такие ППК, части которых имеют собственные самостоятельные предикативные узлы, такие, что ни один компонент одного узла не является одновременно компонентом другого узла. Правда, все конструкции с сильноуправляемыми ЗПЕ в позиции дополнения будут отстоять от полюса собственно сложности, противопоставляясь конструкциям обстоятельственной подсистемы; но конструкции с ЗПЕ в позиции подлежащего отходят от него еще дальше, поскольку подлежащее мы рассматриваем как ведущую именную позицию в предложении, конструктивную позицию предикативного узла.

Возникает вопрос: можно ли такое "предикативное подлежащее" по-прежнему именовать "зависимой предикативной единицей"? Мы отвечаем на него утвердительно. – Основанием для этого является тот факт, что ее строение аналогично строению ЗПЕ в позициях управляемых дополнений. Разумеется, показатель неопределенного падежа нулевой, но личное оформление – притяжательное, что характерно для системы зависимой предикации; сохраняются и закономерности оформления собственного субъекта (родительный падеж в бурятском и маньчжурском, вариативность родительного и неопределенного в тюркских). Интересно, что в бурятском, где лично-притяжательное оформление зависимого сказуемого факультативно при наличии собственного субъективного имени (Скрибник, 1980а), в конструкциях с подлежащей ЗПЕ оно практически обязательно. Субъектно-притяжательное оформление (в бурятском и эвенкийском, располагающими этой категорией) в такой конструкции появиться не может, поскольку обозначает отношение зависимого действия к референту подлежащего; подлежащая же позиция как раз и занята зависимой ПЕ.

При изучении конструкций с ЗПЕ в роли подлежащего естествен-

но возникает вопрос о типе связи между таким подлежащим и его сказуемым. Вопрос этот и для простого предложения является дискуссионным: однонаправленная здесь связь или двусторонняя? Соответственно, предложение двухвершинно или одновершинно, и что является его вершиной? (Сводку мнений по этому вопросу см., например: Холодович, 1979, с. 293-298). В нашем случае вопрос осложняется специфическим характером подлежащего.

Принимая во внимание нулевое личное оформление "главного сказуемого", соответствующее значению 3 л.ед.ч., Е.И. Убрятова определяет эту связь как согласование (1976, кн. 1, с. 162-165, кн. 2, с. 233-234).

Однако эта связь имеет и второй аспект: главное сказуемое имеет обязательную подлежащую валентность, не имея, однако, валентности "субъекта как производителя действия". Форма ЗПЕ также подчеркивает ее зависимый характер: падежная форма и притяжательный тип её личного оформления обусловлены её позицией.

Можно ли говорить об управлении подлежащей ЗПЕ со стороны её сказуемого? Казалось бы, на этот вопрос можно ответить утвердительно, говоря о конструкциях с глагольным сказуемым, где залоговый аффикс в составе глагола преобразует модель его управления (!) так, что в позицию подлежащего выводится ЗПЕ - имя события-объекта психической деятельности. Однако в конструкциях с подлежащей ЗПЕ часто находим сказуемое именное, как правило имя оценки; можно ли говорить об именном управлении в таком повороте - вопрос, требующий специального обсуждения.

Тем не менее нельзя не отметить значительную смысловую и структурную общность между конструкциями с ЗПЕ в позиции подлежащего и описанными выше управляемыми конструкциями с косвенно-падежными формами ЗПЕ. Они также описывают отражение событий действительности в человеческом сознании, хотя чаще не как процесс, а как его результат.

По конструкциям с ЗПЕ в позиции сказуемого, встречающимся значительно реже, у нас мало материала - в основном это предложения идентификации с предметным значением ЗПЕ (типа "Его жена - та, которая...").

Рассмотрим сейчас основные типы моделей с подлежащей событийной ЗПЕ, которые будут описаны в этой главе. Важнейшим признаком, на который мы опираемся, выделяя эти типы, является форма и семантика главного сказуемого.

1. Во-первых, выделяются модели, соотносимые с конструкциями, описанными в главах четвертой и пятой, где событийная ЗПЕ по требованию глагола с семантикой психического процесса принимает форму винительного или дательного падежа. В моделях той же общей семантики с подлежащей ЗПЕ главное сказуемое - залоговые производные глаголов психических процессов или именные эквиваленты залоговых форм. Таких моделей выявлено три:

а) конструкции каузации эмоций с эмотивным глаголом в побудительном залоге в роли главного сказуемого:

(1) Тув.: Сээң үргүлчү-ле орай чанып кээп тур=ар=ын, мени бу-

журган=дыр=ып тур - То, что ты всегда приходишь домой поздно, меня раздражает (бужурган= 'раздражаться', =дыр - аффикс побудительного залога);

б) конструкции пассивного восприятия с главным сказуемым - глаголом оперирования информацией, обычно в форме страдательного залога:

(2) Тув.: Чүглө өскүс калган куунуң хире-хире болгаш-ла алгыр=ар=ы дыңна=л=гыр (Д-14, 16) - Только слышится, как время от времени вскрикивает осиротевшая лебедь (дыңна= 'слышать', =л - аффикс страдательного залога);

в) конструкции эмоционального состояния / эмоциональной оценки с именным главным сказуемым, словообразовательно соотносящимся с эмотивным глаголом:

(3) Тув.: Кушкаштар уязынга ээлчештир кээп, ызырып алган курттарын, шергилерин оолдарынга берип тур=ар=ы дыка чаптанчыг, кээргенчиг! (ОСо, 191) - То, как птички, у гнезда чередуясь, в клюве принесённых червячков, кузнечиков детям дают, - очень умилительно! (чапта= 'любоваться', кээрге= 'жалеть, умиляться', =нчыг - сложный суффикс имен эмоционального состояния).

Во всех этих моделях главное сказуемое обозначает некоторое психическое действие или состояние; оно представлено как отдельная ситуация действительности, в связи с которой характеризуется ситуация, названная подлежащей ЗПЕ. По этому признаку три модели с залоговыми формами глаголов психической деятельности (и эквивалентными именными формами) отличаются от других моделей с подлежащей ЗПЕ, где главное сказуемое не соотносится с другой ситуацией, а даёт какую-либо характеристику первой.

2. Вторую группу составляют модели, где главное сказуемое именует признак, свойство, другую какую-либо характеристику события, названного подлежащей ЗПЕ. Она также внутренне неоднородна и разбивается в первую очередь на две подгруппы. К первой из них относятся модели, где главное сказуемое обозначает собственный признак события: его наличие/отсутствие, фазовые, локальные, временные характеристики и т.п. Примеры:

(4) Бур.: Тиигээд лэ элдэб суглаа хураалнуудта ябажа, гэртээ бай=ха=нь хомор болошоо хэн (Дамб., 107) - И (он) начал ходить на разные собрания, и стал очень редко бывать дома (букв.: то, что дома бывает=он, редко стало). (5) Тув.: ... Седипейниң адыгдан корг=ар=ы читкен (Д-44, 5) - ... Седипей перестал бояться медведя (букв.: то, что боится, исчезло).

Ко второй подгруппе мы относим модели, в которых событию даётся характеристика через соотнесение его с категориями человеческого мышления; соответственно, главное сказуемое - категориальное имя: оценочное имя, классификатор, имя отношения и т.п. Примеры:

(6) Бур.: Путёвко мотоцикл хоёрой шата=ха=нь бараг. Харин колхозойнгоо хэдэн тонно үбөлэй үблэ, хониной түрэлгын кошара абара=ha=мнай ехе гээшэ - гэбэ Жамбал (Б-76-1, 42) - То, что путёвка и мотоцикл сгорят - ничего. Важно, что мы спасли кошару и несколько тонн колхозного зимнего сена, - сказал Жамбал.

(7) Хак.: Аның ирте парыбыс=хан=ы, аның наа туғанына хомзы-нарға ойндай пирген – То, что она рано ушла, дало повод её родне (на неё) обидеться.

(8) Тув.: Ада-иезинге дузалаж=ыр=ы – ажы- төлдүң хүлээлге=зи – Помогать родителям – обязанность детей (букв.: детей обязанности =их – изафетная конструкция). (9) Ыт чемгер=ер=и – сээң херээң – Кормить собаку – твое дело.

Эти конструкции по соображениям объема работы здесь рассматриваться не будут.

В тюркских языках Южной Сибири (возможно, по другим языкам наши материалы просто недостаточно полны) мы встретили также конструкции с двумя ЗПЕ в неопределенном падеже, соединенными связкой – одна из них занимает позицию подлежащего, другая – позицию сказуемого. Модель "А есть В" в случае, если и А, и В – конкретные события, переосмысливается из модели тождества в модель знаковой эквивалентности (А означает, что В; ср.: "Курить – здоровью вредить"). Примеры:

(10) Тув.: Мээң мынчага дээр оскул-ондак кылбайн кел=ген=им – акымның сээң эки чаңга кижизидип ка=ан=ың=на болгай (УХ, 143) – То, что я до сих пор аварии не совершил, означает (букв.: есть), что ты, мой старший брат, в хорошей привычке (меня) воспитал. (11) Хак.: Хараа агыр=чатхан=ы паза аар тын=чатхан=ы – сирерге чүректі имнирге кирексип=четкен=i – Эти ночные боли и одышка (то, что по ночам болит и дышать трудно) означают, что вам нужно лечить сердце (в этом примере связка опущена).

Примеров такого рода у нас мало, так что отдельно останавливаться на конструкциях знаковой эквивалентности не будем, но в общую схему их целесообразно ввести, поскольку подобные случаи отмечались на материале других языков, например: в японском – И.Ф.Вардулем (1964, с. 66-67); в алтайском – В.Н. Тадыкиным (1971, с. 159); в маньчжурском наличие моделей знаковой эквивалентности оценивается специалистами как весьма характерная черта языка. Обе ЗПЕ в таких моделях маркируются показателем =нгэ, кроме того, вторая, сказуемостная ЗПЕ, содержит одну из модально-предикативных частиц: кай, ину и др. (Пашков, 1963, с. 57):

(12) Маньч.: Ама чжуй бэ таньта=ра=нгэ, чжуй бэ гози-ра-нгэ кай (П, 57) – Тот отец, который карает сына, есть, действительно такой, который любит сына.

Намеченное нами разбиение моделей с ЗПЕ в неопределенном падеже представлено в схеме 4: № 1-6 – разные типы подлежащих конструкций, смысловые различия между которыми поддерживаются категориальным различием их сказуемых (№ 1 и № 2 – конструкции с залоговыми формами глаголов психических действий и эквивалентными им именами; № 3-5 – конструкции с именами в роли главного сказуемого; № 6 – конструкции с грамматическими глаголами); № 7 – сказуемостные конструкции; № 8 – конструкции с двумя ЗПЕ, подлежащей и сказуемостной (конструкции знаковой эквивалентности).

За противопоставлением моделей с глагольным и именным сказуемым прослеживается противопоставление классов предложений по при-

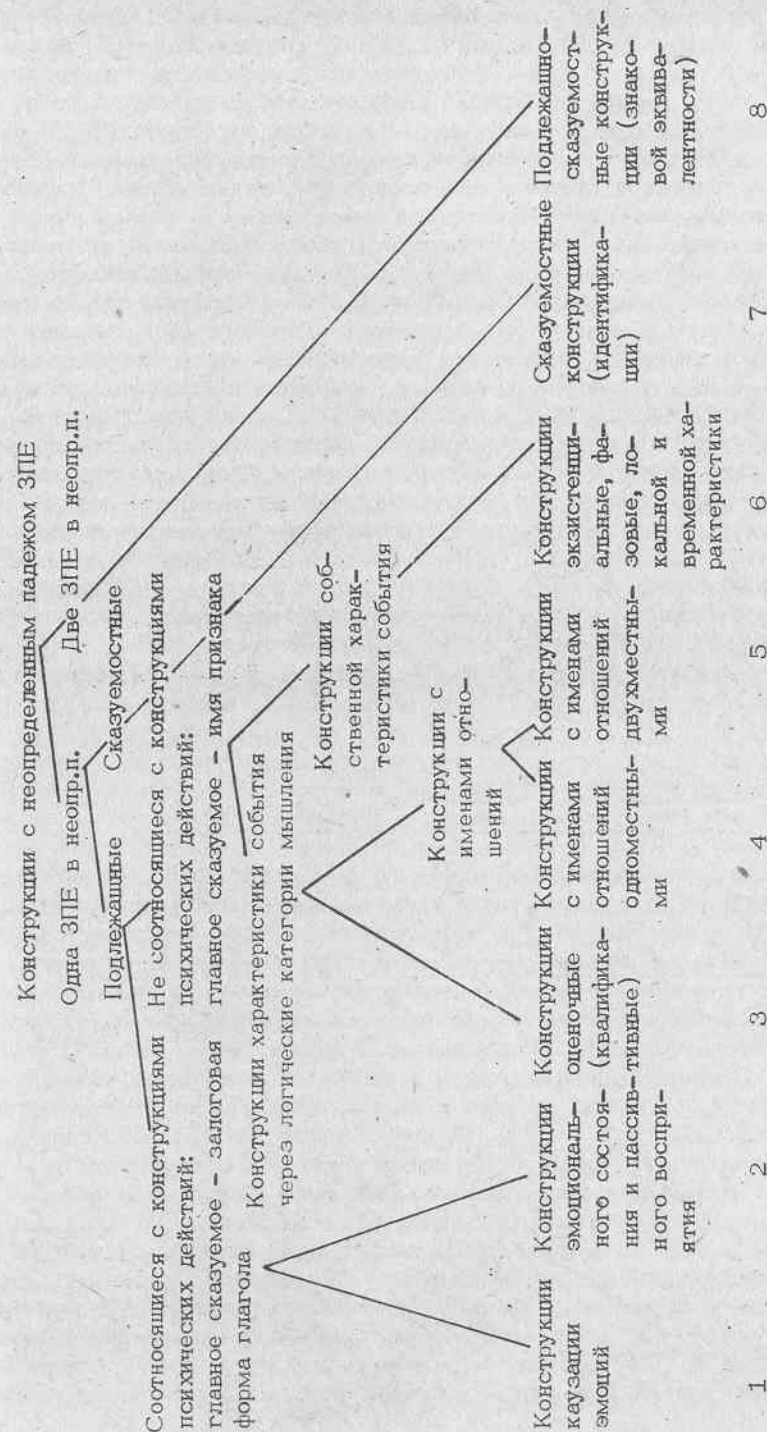

Схема 4.

знаку "характер отображения явлений действительности, связь его с разными видами мыслительного процесса", предложенное Г.А. Золотовой (1982, с. 184-185): "1. Предложения, вербализованно отображающие явления, факты, свойства и связи денотатов, наблюдаемых в действительности; 2. Предложения, содержащие вербализованный результат мыслительной операции над сигнификатом; установление причинно-следственных связей между явлениями, сопоставление, логическая квалификация и оценка ситуаций и явлений".

Выделенные типы моделей являются общими для всех обследованных нами алтайских языков. Однако не все они одинаково широко представлены в каждом из этих языков. Так, в бурятском языке редко употребляются конструкции с именами отношения (эти значения передаются другими средствами); в эвенкийском шире, чем в каком-либо из других исследуемых языков, представлены модели со сказуемым – бытийным глаголом и т.п. Отметим ещё, что между перечисленными типами конструкций возможны различные переходные случаи, т.е. границы между ними размыты. Особенно сложную картину дают оценочные конструкции: они не только представлены целой серией смысловых разновидностей, но и втягивают в сферу своего влияния другие типы конструкций с подлежащей ЗПЕ. Особенно легко приобретают оценочный смысл сказуемые в конструкциях эмоционального восприятия ('стыдно, что...'), но также и в конструкциях пассивного восприятия ('понятно, что...') и т.д. (ср. Ковалёва, 1981, с.46,52). Подробнее на этом мы остановимся при описании каждого из типов отдельно.

§ 2. Конструкции с подлежащей ЗПЕ при глаголах психических действий и процессов

Глаголы психической деятельности, обозначающие процессы отражения событий действительности в человеческом сознании, в прямой залоговой форме требуют при себе подлежащего – имени лица и дополнения – имени события, выраженного ЗПЕ в форме винительного, дательного, исходного падежей (главы третья и четвертая). Однако при оформлении этих глаголов аффиксами косвенных залогов, которые, снижая синтаксический ранг субъекта, переводят его в позицию дополнения (или устраняют вообще), в позицию подлежащего выводится предикативный актант, именующий отражаемое событие. В такой синтаксической конструкции событие представлено как активное начало, определяющее психическое состояние субъекта. Имя этого события занимает ведущую именную позицию "абсолютного определяемого", которое характеризуется через отношение к психическому состоянию воспринимающего субъекта, названному сказуемым. Сам субъект благодаря косвенно-падежному оформлению словоформы-дополнения представлен не как деятель, а скорее как носитель состояния. В сопоставлении с исходными конструкциями это понимается как понижение его активности; ср.: "я сержусь" – "меня сердит", "я вижу" – "мне видно".

Различение двух основных типов психической деятельности – эмо-

циональной реакции на событие и оперирования информацией о событии – значимо и для конструкций с подлежащей ЗПЕ. Если сказуемое – эмотивный глагол с аффиксами побудительного залога, то предикативное подлежащее представляет событие как каузатор эмоциональной реакции. Если сказуемое – глагол оперирования информацией (с аффиксами страдательного залога в бурятском и эвенкийском, побудительного, страдательного и возвратного залогов в тюркских языках), то предикативное подлежащее представляет событие как доступное восприятию. При отсутствии субъектного дополнения на первый план выступает потенциальная возможность восприятия, при наличии такого дополнения возможность понимается как реализованная. В любом случае сам выбор такой конструкции показывает, что в центре внимания говорящего находится само событие, которое представляется ему информационно значимым, субъект же его восприятия не акцентируется.

В связи с такой коммуникативной перспективой обсуждаемых конструкций возникает вопрос: можно ли говорить, что главное сказуемое здесь называет отдельное событие (ситуацию) действительности, или же это только характеристика, признак события? Иначе, эти конструкции бипропозитивны или монопропозитивны, как оценочные (ср.: 'понятно' – 'ясно')?

Сдвиг в сторону оценочного значения в конструкциях пассивного восприятия (с глаголами оперирования информацией в страдательном залоге) и особенно в конструкциях эмоционального состояния, о которых речь пойдет в § 3, действительно наблюдается. Однако, как нам кажется, различие между оценочными конструкциями и конструкциями с залоговыми формами глаголов психических действий в том и состоит, что в последних не утрачена связь с актом отражения; ср.: 'видно', 'понятно', где именуются само психическое действие, и 'ясно', 'хорошо', где налицо лишь итоговое умозаключение, результат некоторого неназванного интеллектуального акта. Залоговые формы отображают ситуацию восприятия, хотя и в необычном повороте, когда характеризуется в первую очередь воспринимаемое событие. Это и открывает возможность для появления оценочного значения. Следовательно, на наш взгляд, в конструкциях с подлежащей ЗПЕ и залоговыми формами глаголов психической деятельности всё-таки выражается связь двух ситуаций – отражаемой ситуации действительности и самой ситуации отражения, а не характеристика одной ситуации действительности.

Рассмотрим теперь отдельно конструкции с формами эмотивных глаголов и формами глаголов оперирования информацией.

1. Подлежащая ЗПЕ при каузативных формах эмотивных глаголов

Рассматривая в главе четвертой конструкции, выражающие эмоциональную реакцию человека на событие-стимул, мы видели, что имя лица в таких конструкциях ставится в форме неопределенного падежа и занимает позицию подлежащего главной части, а ПЕ, представляющая событие-стимул, принимает форму дательного, реже исходного падежей. Сейчас мы рассмотрим конструкции, в которых главное сказу-

емое – тот же глагол, но принявший косвенно-залоговую форму и соответственно изменивший систему своих валентностей.

Формы косвенных залогов и в плане выражения, и в плане содержания сложнее исходной формы глагола без залоговых показателей. Поэтому формируемые ими конструкции предложения можно считать вторичными и рассматривать как результат внутриязыкового преобразования. Так, конструкции эмоциональной реакции преобразуются в конструкции каузации эмоций: эмотивный глагол (непереходный) принимает аффиксы побудительного (каузативного) залога и становится переходным. Его подлежащая валентность переориентируется на форму, выражающую стимул (каузатор) эмоциональной реакции; субъект эмоциональной реакции выражается прямым дополнением по принципу: "Я радуюсь весне" ↔ "Весна радует меня". Сравним:

(13) Тув.: Ооң ындыг дурген чоруй бар=ган=ы бисти (вин.п.) элдесин=дир=ген – То, что он уехал так скоро, нас удивило. (14) Сээң чагааң манавайн, ооң чоруй бар=ган=ы, мени (вин.п.) хөлчөк хомуда=т=кан – То, что он уехал, не дождавшись твоего письма, очень меня огорчило. (15) Хак.: Хызычактың иди изи чоң=ы, пісті (вин.п.) амыра=т салган – Нас успокоило то, что температуры у девочки не было. (16) Аның хомзыныбыс=хан=ы мині (вин.п.) дее изі чохтаң=дыр сыххан (КН.ХХ, 56) – То, что он обиделся, меня тоже стало беспокоить. (17) Алт.: Сениң айылдажыңга ачыныш=кан=ың мени (вин.п.) коркышту кунук=тыр=ды – То, что ты поссорился с соседом, меня очень огорчило. (18) Берген сөзінг бүдүр=бе=ген=иң мени (вин.п.) кайка=т=ты – Меня удивило то, что ты не сдержал данного слова. (19) Бур.: ...орожо ер=хэн=инь, нэгэ талаһаа, Дамб=ые=шье, түрүүлэг=ые=шье (вин.п.) гайх=уул=аа, нүгөө талаһаа, баяс=уул=ба (Х, 19) – То, что она приехала, с одной стороны, и Дамбу, и председателя удивило, с другой стороны, обрадовало. (20) Донид-той хэлсэлэн сагтаа уулз=аа=гүй=мни һамгыемни (вин.п.) ехээр сошорд=уул=ба – Жену очень расстроило, что я не встретился с Донитом в условленное время. (21) Эвенк.: Нуңан суру=мэчин=ин упкат=ва ибдерил=ва (вин. п.) сивин=мукаң=де=ңки=н (Г, 8) – То, что он уезжает, всех родственников обеспокоило.

Как видим, конструкции с эмотивным глаголом в форме каузативного залога в соответствии с общей семантикой этой залоговой формы выражают каузирование (эмоции), только каузатором является не лицо, а событие-стимул.

Позиция субъекта эмоции, представленного дополнением в винительном падеже, во фразах дайной конструкции заполняется регулярно. Более того, её, видимо, следует признать структурно обязательной, потому что в наших материалах не обнаружено ни одной фразы, где она осталась бы незаполненной. Примеры показывают также, что событие, вызывающее эмоциональную реакцию, представлено здесь как активное начало, воздействующее на человека и понуждающее его испытать определенное чувство. Это значит, что мы имеем дело с очень четким случаем реализации побудительного залога, а не просто с использованием соответствующей залоговой формы глагола.

Судя по нашим данным, конструкции этого типа формируются кау-

зативными производными всех эмотивных глаголов, управляющих как дательным, так и исходным падежом предикативного дополнения. Однако в текстах они встречаются намного реже, чем первичные конструкции с прямым соответствием между семантическими и грамматическими ролями. Так, в сплошной выборке по бурятским текстам на сто примеров с первичной эмотивной конструкцией встретилось только три конструкции с предикативным подлежащим и глаголом каузации эмоций.

2. Подлежащая ЗПЕ при залоговых формах глаголов оперирования информацией

Конструкция, где имя лица – субъекта переработки информации – ставится в форме прямого падежа и является подлежащим, а ПЕ, называющая событие – объект оперирования, принимает форму винительного падежа, была описана в главе третьей. Конструкции с предикативным подлежащим при глаголе ОИ являются вторичными залоговыми трансформациями этих первичных информационных конструкций.

Рассмотрим эти конструкции вначале на бурятском материале. (22) Барасай бүдүүн хоолой дүтэхэнэ хуса=ха=нь дуул=да=на (Дамб., 25) Слышится, как неподалёку лает грубым голосом Барс (букв.: Барса грубый голос неподалёку лает). (23) Шуурганай хэзээ боли=хо=нь мэдэ=гдэ=нэ=гүй (Дамб., 38) – Когда кончится метель, неизвестно. (24) Тэдэнэй хоорондо нүдэндэ харагдаагүй суранзанай бии боло=һон=инь эли ойло=гдо=но (Х, 123) – Ясно понимается, что между ними возникло невидимое глазу притяжение (букв.: суранзан 'магнит'). (25) ...моритой хүнэй аалихан дугшуул=ха=нь хара=гда=ба (Лубс., 10) – Было видно, как медленной рысцой едут всадники (дугшуул 'пускать лошадь рысью').

При оформлении переходного глагола аффиксами страдательного залога он перестаёт быть переходным; причастная ПЕ, выражающая ситуацию – объект восприятия, занимает позицию подлежащего. Поэтому она характеризуется нулевым падежным оформлением (неопределённый падеж). В отличие от конструкций с эмотивными глаголами здесь не появляется новой сильноуправляемой позиции субъектного дополнения; субъект восприятия в подавляющем большинстве примеров (около 90% по текстовой выборке) остаётся невыраженным, т.е. процесс восприятия предстает в обезличенной форме. В тех немногих случаях, когда субъект восприятия или переработки информации выражен, он обычно представлен косвенным образом, формой дательного-местного падежа, которую принимает не само имя субъекта, а название его органов чувств и т.п.:

(26) Гэрэй зүүгээр Бүтидэй саһа шаршагануулан яба=ха=нь Тагарай шэхэн=дэ элээр дуул=да=ба (Дамб., 50) – Тагару (букв.: ушам Тагара) было хорошо слышно, как к востоку от дома ходит Бүтид, поскрипывая снегом. (27) ...үхибүүдэй эхэлээн эдихэ хоол эрижэ, уйладжаа һуу=ха=нь нүдэн=дэ=м хара=гда=хадал гэбэ (Ябж., 12-13) – ... Мне представилось (букв.: глазам=моим увиделось будто бы), как дети плачут, прося еды у своих матерей. (28) ... Сэсэгмаагай

сэдхэл-да аба эжидээ зэмэлүүл-хэн-ийн хана-гда-жа... (Тум., 10) - ... Сэсэгме (букв.: памяти Сэсэгмы) вспомнилось, как укоряли её отец и мать... (букв.: как отцом и матерью укорялась).

Само имя субъекта форму дательного-местного падежа принимает в этих конструкциях очень редко (2 случая из 50):

(29) ..абашагүй ехээр гутахан голхор-хон-ийн Дамба-да хана-гда-жа... (Мунг., БЗ, 6) - ... Дамба вспомнилось, как сильно он огорчился...

Таким образом, обязательной субъектной позиции в этой конструкции нет. "Устранение субъекта" характерно для конструкций со страдательным залогом вообще, так что наш материал не является исключением. Из рассмотренных примеров видно, что событие, названное подлежащей ПЕ, представлено как информационно значимое, доступное восприятию или действительно воспринимаемое; оно охарактеризовано в отношении психического действия, которое над ним производится (ср. с глаголами физического действия: хилээмэн таби-гда-жа, сай аягала-гда-ба (Дамб., 71) - 'хлеб поставлен, чай налит'). Следовательно, и здесь не просто используется залоговая форма, но реализуется и основная семантика страдательного залога.

Функционально-семантическая специфика рассматриваемой конструкции усматривается в том, что событие предстает в ней не как объект интеллектуального оперирования или восприятия, а скорее как его стимул (событие информационно значимо). Субъект восприятия либо не выражается вообще, поскольку является потенциальным, обобщенным или просто не значимым для говорящего, либо понимается как носитель пассивного состояния, а не как активный исполнитель психического действия; это подчеркивается формой дательного-местного падежа субъективного имени.

В описываемых конструкциях особенно часто встречаются формы трех глаголов: дуула 'слышать', мэдэ 'знать' и хара 'видеть'; они составляют больше двух третей сплошной выборки, и лишь одну треть - формы многих других глаголов (ойлго-гдо 'быть понимаемым', хана 'быть вспоминаемым', хүлээ-гдэ 'быть ожидаемым', марта 'быть забываемым' и др.). Частая воспроизводимость отдельных форм нередко ведет к лексикализации их, к отрыву от парадигмы, к потере внутренней формы. Этому способствует и специфическая семантика конструкции: информационно значимое событие легко переосмысливается в событие, оцениваемое по этому параметру, и конструкция сближается по семантике с оценочной ('понимается, что' → 'понятно, что' → 'ясно, что...'); ср. пример 24. От глагола мэдэ 'знать' имеются и именные производные (например, мэл-ээтэй 'известно, ясно, понятно' с аффиксом страдательного причастия), относящиеся уже к оценочным предикатам. Однако в бурятском языке залоговые формы образуются довольно свободно и относительно от разных глаголов ОИ.

В эвенкийском языке используются формы страдательного залога. Нам встретились формы следующих глаголов (аффикс =в): самый частотный - са 'знать' в отрицательной форме и долды 'слышать':

(30) Де, тар горово-до кухи-нэ-тын эчэ са-в-ра, дагава-да ку-

хи-нэ-тын эчэ са-в-ра (ФЭЯ, 54) - Долго ли (они) бились, неизвестно, коротко ли (они) бились, неизвестно. (31) Буруйс баралдан, эр-дэ некэксэ, га-ды-с эхин са-в-ра (ФЭЯ, 50) - Много за тобой вины, даже сделав это, возьмишь ли (её), неизвестно? (32) Иду-вал авады-вал чипичакан чултиды-ри-н долды-в-дэ-ра-н - Послышалось, как где-то поет какая-то птичка. (33) Тадук гороёдук пэктырэвур пэктыру-ри-тын долды-в-ра-н (К, 37) - Издали послышалось, что стреляют орудия.

Глагол ичэ 'видеть' в форме страдательного залога (ичэ-в) в конструкции с предикативным подлежащим нам встретился только один раз, причем с семантическим переосмыслением:

(34) ...упкат о-ри-тын нуңандун аракуканди ичэ-в-де-чэ-н (К, 14) - Всё, что они делали, казалось ему медленным.

В конструкциях пассивного восприятия вместо глагольной формы от этой основы обычно выступает именная с аффиксом имени признака -ган (Василевич, 1958, с. 750) - ичэ-в-гэн 'видно', например:

(35) Си сот хэлинчэ-ри-с умнэт ичэ-в-гэн одан (Н, 159) - Сразу видно, что ты очень торопишься.

Это тем более показательно, что в прямой залоговой форме глагол ичэ характеризуется высокой употребимостью в конструкциях с винительным падежом ЗПЕ (см. табл. 1 в главе третьей). Другие глаголы, представленные в этой таблице, с предикативным подлежащим нам не встретились вообще. Это свидетельствует о том, что соотносительность рассматриваемых типов конструкций имеет в эвенкийском языке крайне ограниченный характер.

В тюркских языках Сибири ситуация несколько иная: лексикализация проявляется здесь сильнее. В нашей выборке фигурируют в основном формы трех глаголов - 'знать', 'видеть' и 'слышать'; та же конструктивная семантика - представление события как информационно значимого, стимулирующего переработку сознанием - при разных глаголах ОИ передается разными залоговыми формами. Так, в хакасском языке с предикативным подлежащим используются формы побудительного залога от глагола пйл 'знать' (пйл-дйр), возвратного от глагола кёр 'видеть' (кёр-ин) и страдательного от глагола исте 'слышать' (исти-л). Форма пйл-дйр с разными временными аффиксами используется особенно широко - в значениях 'ясно, понятно, известно, выяснилось', с отрицанием - 'неизвестно, незаметно' и т.п. От нее образовалось и оценочное имя с аффиксом обладания - пйлдй-стиг 'ясно, понятно':

(36) Отрядтың, мында ўр ниместе ирт-кен-и пйр дее нимеден пйл-дйр-беен - Было незаметно, что здесь недавно прошел отряд (букв.: ни из каких вещей не делалось ясным). (37) Аның кил-ген-и, кинетін пйлдй-стиг полыбысхан - Неожиданно выяснилось (стало известно), что он (уже) приехал. (38) Чоғархы ааллардаң чалаңнар, хайзы хаңаалығлар кил-ген-и кёр-ин сыххан (Т.ПТ, 4) - Стало видно, как из верхних деревень двигались всадники, люди на телегах. (39) Хаңан ізік азыл парғанда, оларны кем-де хығыр-чатхан-ы исти-л-е тўскен - Когда открылась дверь, стало слышно, что их кто-то зовёт.

Приведенный материал показывает, что семантические различия между тремя разными залоговыми формами стираются, сами эти формы отрываются от исходной парадигмы и отчасти лексикализуются.

В тувинском языке ситуация аналогичная: чрезвычайно широко используется форма глагола бил- 'знать' - бил-дин- (здесь два залоговых аффикса - побудительного (=д) и возвратного (=ин) залогов). Эта глагольная основа может принимать различные формы:

(40) Шоодайжыгаш чажыр-ган-ы бил-дин-мейн артып калган - То, как он спрятал мешочек, осталось незамеченным. (41) Ооң чедип кел-ген-и хенертен бил-дин-е берген - Неожиданно выяснилось, что он уже приехал.

Однако чаще всего употребляется отрицательная форма причастия будущего на =бас - бил-дин-мес 'неизвестно'; положительная пара к нему - уже именная форма бил-дин-гир с оценочным значением - 'ясно, известно', где =гир - словообразовательный аффикс отглагольных прилагательных (Серебренников, Гаджиева, 1979, с. 124). Примеры с билдингир и билдинмес составляют основную часть нашей выборки:

(42) Дажы-Намчалдың ону кочулап ор-баан-ы бил-дин-гир (УХ, 25) - Ясно, что Дажы-Намчыл не высмеивал его. (43) Ооң кайнаар чаштына берип бол-гур-у көңүс бил-дин-мес турган - Куда он мог спрятаться, было совершенно непонятно.

Глаголы дыңна- 'слышать' и көр- 'видеть' используются с предикативным подлежащим в форме страдательного залога (дыңна-л- 'слышится', көс-т- или көз-үд- 'видно, видится'):

(44) Акадың сыйт кылдыр алтыр-ган-ы дыңна-л-ып чыдып калган (Д-ЧЧ, 6) - Послышалось (букв.: осталось слышимым), как Акал (кличка собаки) издал что-то вроде писка.

(45) Айттыг улустуң дагже үнүп бар чыд-ар-ы суурдан көс-т-үп турган - Из деревни было видно, как всадники поднимаются к перевалу.

Алтайский язык в подобных конструкциях тоже использует разные залоговые формы: от бил- 'знать' - бил-дир- 'известно' (с аффиксом побудительного залога), от көр- 'видеть' - көр-үн- 'виднеться' (с аффиксом возвратного залога), от ук- 'слышать' - үл-үл- 'слышаться' (с аффиксом страдательного залога):

(46) Оны ойгоспооор. Онын уйкузы јет-пе-ген-и меге (д.п.) бил-дир-ет - Не будите его. Мне кажется (заметно), что он еще не выспался. (47) Бейин кем-кем кел-етен-и бил-дир-бе-ген - Было незаметно, что сюда кто-нибудь приходит. (48) Машинаның ажуга чыгыш отур-ган-ы јурттан көр-үн-ип турган - Из деревни было видно, как машины поднимаются к перевалу. (49) Тышкары ийт үр-ген-и биске үл-үл-ды - Нам было слышно, как во дворе лает собака.

Таким образом, материал тюркских языков показывает, что в конструкциях с подлежащей ЗПЕ, залоговой формой глагола оперирования информацией и факультативным именем субъекта в дативе, позволяющих либо устранить субъект оперирования информацией, либо представить его как неактивный, различия в значении косвенно-залоговых форм глагола нейтрализуются; словоформы лексикализуются; конструкции сближаются по значению с оценочными.

Конструкции с глагольными фразеологизмами типа мне пришло в голову мы рассматриваем в одном ряду с залоговыми конструкциями - в них также устраняется субъект оперирования информацией и на первый план выдвигается событие:

(50) Алт.: Сенин бу јуртта бол-гон-ыг менин (род.п.) санаа-м-а кир-бейт - Мне не припоминается (букв.: на мою память- мою не приходит), что ты был в этом селе.

Как видим, субъект восприятия здесь выражается формой род. падежа в позиции первого члена изафетной конструкции: менин санаа-м-а 'на мою память-мою'; он представлен именем или местоимением в родительном падеже и/или притяжательными аффиксами в составе второго имени. Сравним (место притяжательных аффиксов указано косыми скобками): алт. сагыш-//ка кир- 'прийти на память'; хак. сагыс-//га кир- 'прийти на память'; тув. угаан-//га кирип кел- 'прийти на память'; бур. толгой-до-//оро- 'приходить в голову', һанаан-да-//оро- 'приходить на память' и др.

Выражение субъекта восприятия дательным падежом нам встретилось только в хакасском:

(51) Јчебістiң сoбiгiнeр чoр-гeн-ibic сагыс-ха кир килген магаа - Мне вспомнилось, как мы ходили на могилу матери.

Однако и в хакасском чаще используется изафетный способ:

(52) Пылтыр чайгызын тайгызар чoр-гeн-ibic сагыз-ыбыс-ха кирген - (Нам) вспомнилось (на память нашу пришло), как прошлым летом в тайгу ходили.

§ 3. Конструкции с подлежащей ЗПЕ при именах эмоционального состояния

Именами эмоционального состояния мы называем именные производные от эмотивных основ. В тюркских языках имена эмоционального состояния образуются с помощью разных идиоматизированных цепочек аффиксов, куда входит аффикс имени обладания; в бурятском языке - с помощью аффиксов обладания (положительная форма - =тай, отрицательная - =гүй). Эти имена, подобно причастиям, используются в функциях определения и сказуемого, при котором обычно выступает подлежащая ЗПЕ (подробнее см.: Скрибник, 1981б). Списки самых частотных имен эмоционального состояния приведены в табл. 4.

Эти имена в отличие от эмотивных глаголов представляют эмоцию не как психический процесс, а как психическое состояние субъекта. Подлежащая ЗПЕ называет событие, ситуацию, стимулировавшую данное эмоциональное состояние. Его субъект выражается дополнением в дательном (бур. дательном-местном) падеже:

(53) Бур.: Гэбэшье грузин поляк хоёрай Совет засагай түлөө тэбэрилдэ-хэ-нь эндэ байһан зон-до (дат.-местн.п.) гайхалтай бэшэ һэн (Бат., 55) - Впрочем, то, что грузин и поляк обнимаются во имя (досл.: за) Советской власти, находившимся здесь людям удивительно не было. (54) Энээндэнь гомдожо, ахир өөдэгүй зан абари харуул-һан-иинь өөр-тэ-нь (дат.-местн.п.) эшхэбтэр байба (Х, 65) - То,

Имена эмоционального состояния в алтайских языках

Значение	Тюркские			Бурятский	
	алтайский	хакасский	тувинский	положит. форма	отрицат. форма
Удивительно Жалко, обидно, Досадно	кайка=мчылу ачы=мчылу кыска=мчылу	чапс=ыстыҥ ая=стыҥ ачырг=астыҥ	кайга=мчык хомуда=нчыг хараада=нчыг хораада=нчыг	гайхал=тай гомдолг=той харам=тай	гайхал=гүй харам=гүй
Грустно, печально	кунук=чыл=ду	хомзын=ыстыҥ	мунгара=нчыг	уй=тай	уйдхар=гүй (эшхэбгэр бөшө) эшэбэри=гүй (айхабтар бөшө) айлта=гүй
Стыдно	уйат=ту	уяд=ыстыҥ	ыяд=ынчыг	уйдхар=тай эшхэбгэр	баяр=гүй
Страшно	коркы=мчылу	хорҥ=ыстыҥ	коргу=нчуг	аймшаг=тай айхабтар	
Смешно	каткы=мчылу	күлк=истіҥ	катгыр=ынчыг	энеэдэ=тэй	
Радостно	сүүн=чилү	өрүн=истіҥ	өөрү=нчүг	баяр=тай	
Противно	јески=мчилү	чирк=истіҥ	ческин=чиг	жэрхэш=тэй	
Завидно		атарх=астыҥ	адаарга=нчыг	атаа=тай	
Надоедливо		чөрх=астыҥ	чалпаара=нчыг	залхуу=тай	
Умилительно		ачын=ыстыҥ	чалта=нчыг кээрге=нчиг		

Примечания: 1. Незаполненность некоторых мест означает только отсутствие примеров в наших материалах. 2. В бурятском языке имена эмоционального состояния могут управлять ПЕ в форме как неопределенного, так и дательно-местного падежа (особенно баяр-тай 'радостно').

Имя субъекта в дативе может опускаться, если оно легко восстанавливается из контекста, особенно если субъект – говорящий или слушающий, являющийся и участником события-стимула (т.е. в подлежащей ПЕ имеются соответствующие личные местоимения или притяжательные аффиксы):

(59) Бур.: Теэд мүнөө болоходо, огтошье хадуужа, хэрэгсэжэ аб=ас=гүй=мни гэмшэлтэй байна (Дамб., 55) – Но жалко, что до сих пор (я) совершенно не запоминала, не придавала значения. (60) На-май хүлээнгүй үнгэр=хэн-ийн харамтай (Б-78-3, 23) – Жалко, что он скончался, меня не дождавший.

(61) Тув.: Эй-шаанда өөрөн=мээн=им хомгуданчыг=дыр. (УТЯ, 131) - Жалко, что я не выучился вовремя. (62) Онц дилээн утгуй=кан=ым кончуг хомгуданчыг=дыр - Очень обидно, что (я) забыл его просьбу. (63) Хак.: Хыгырыг чох кил=ген=им арыстыг пилдирче - Неловко, что (я) пришла без приглашения.

Более редкий пример с третьим лицом:

(64) Гансал Янжамын байсан байдал, бодохон бодолые Нима буруу ойлгохон дээрэлхээ, үүдээ хаб-яб хаагаад гара-хан-чинь аргагүй гомдолтой байба (Тум., 91) – То, что Нима неправильно понял положение Янжамы, ее мысли и ушёл, хлопнув дверью, было особенно обидно.

Если стимулом эмоционального состояния является некоторое уже состоявшееся событие, то причастное сказуемое ПЕ принимает форму прошедшего времени (примеры, приведенные выше). Если же стимулом является будущее, потенциальное событие или обобщенное представление о событии, то выбирается обычно причастие будущего времени, передающее потенциальность. Оно же может передавать одновременность события и эмоциональной реакции на него; см. пример 53. В таких фразах субъект эмоционального состояния является обычно главным участником потенциального события-стимула; в тюркских языках в таком случае сказуемое подлежащей ПЕ может оформляться притяжательными аффиксами 3 л., даже если субъект — говорящий или слушающий (относительно-личное значение):

(65) Тув.: Меңээ (д.п.) арга иштилеп чан=ары коргунчуг - Мне страшно идти домой через лес. (66) Хак.: Наа хбгinekтi киз=ерi магаа (дат.п.) сыбыра аястыг - Мне всегда жалко носить новое платье. (67) Агоолнаң тоғаз=ары магаа (дат.п.) уядыстыг даа (МТ. СС, 14) - Мне даже стыдно, что я встречусь (должна встретиться) с Агоолом.

В алтайском и хакасском языках при таком совпадении субъектов и потенциальности события-стимула используется также форма на =рга (причастие будущее в дательном падеже), квалифицируемая как инфинитив:

(68) Хак.: Магаа (дат.п.) ол нимеденер аны сур=арга уядыстыг - Мне неловко (букв.: стыдно) спрашивать его об этом. (69) Алт.: ...көр=оргб кайкамчылу болды - ... было забавно смотреть, как...

Интересно, что в бурятском языке сочетание аффиксов причастия будущего времени и дательного-местного падежа (обычно без притяжательного оформления) также может использоваться в таких конструкциях:

(70) Дэлхэй дээрэ амидаржа нуу=ха=да яагааш жаргалтай гээшэб! (БРС, 231) - Как хорошо (букв.: счастливо, радостно) жить на свете!

Выше мы уже говорили, что имя субъекта в дативе в конструкциях с именем эмоционального состояния может опускаться. При этом, если нет условий, указанных выше, сказуемое может приобретать обобщенно-личное значение - "эмоциональное состояние, которое данное событие может вызвать у людей вообще". В таком варианте конструкции с именами эмоционального состояния сближаются по значению с оценочными конструкциями, в которых нет позиции субъектного датива (см. § 4 данной главы); имя эмоционального состояния начинает передавать значение оценки событий через эмоции, которые оно потенциально может вызвать:

(71) Бур.: Сагай түргэн ошо=хо=нь, хүбүүнэйми түргэн томо боло=хо=нь гайхалтай (Мунг., БЗ, 59) - Удивительно, как быстро проходит время, как быстро мой сын становится взрослым. (72) Ой модной галдаатай бай=хан=инь харамтай (Шыд., 207) - Жалко, что лес сгорел. (73) Тув.: Ындыг ажылга карааң шоозун чидирип алгыр=ың, коргунчу=дур - Страшно, что на такой работе ты можешь потерять зрение. (74) Бичилерни хомудад =ыр=ы ыянчыг - Стыдно обижать малышей. (75) Хак.: Уядыстыг, сирерниң хырызыбыс=хан=ыңар - Глупо (букв.: стыдно), что вы поссорились. (76) Прай чон чазызар сых=паан=ы ачыргастыг - Жалко, что весь народ не вышел на поле. (77) Алт.: Ленаның уй саа=ба=ган=ы кайкамчылу - Удивительно, что Лена (никогда еще) не доила корову.

Как видно из приведенных примеров, конструкции с именем эмоционального состояния и подлежащей ЗПЕ имеет два варианта. Вариант без субъектного дополнения в дативе практически является разновидностью оценочной конструкции (см. § 4), где оценка имеет эмоциональный характер. Вариант с дательным субъекта, выражая собственно эмоциональное состояние, естественно сближается с глагольными эмотивными конструкциями: прямой, где ПЕ, имя события-стимула, оформляется аффиксом дательного падежа, и производной каузативной, где событие представлено как каузатор эмоциональной реакции и ПЕ занимает позицию подлежащего (неопределенный падеж). Таким образом, внутри эмотивных конструкций формируется трехчленное противопоставление по признаку "разная степень активности субъекта эмоции". Примеры (хакасский):

(78) 1. Синиң парыбыс=хан=ың=а (дат.п.) мин (неопр.п.) ачырганчам - Я досажаю, что ты уехал.

2. Магаа (дат.п.) ачыргастыг, Танының мині хыгырарга ундубыс=хан=ыг=ø - Мне досадно, что Таня забыла меня пригласить.

3. Синиң тоғаспін парыбыс=хан=ың=ø мині (вин.п.) ачырган=дыр=ған - Меня обидело, что ты уехал, не попрощавшись.

Противопоставление это несколько размывается, поскольку имена эмоционального состояния могут присоединять ЗПЕ и в форме датива-видимо, для более четкого разграничения эмоциональной оценки и эмоциональной реакции, представленной как состояние:

(79) Бур.: Янжама Майдартай суг яба=хан=д=аа баяртай (Х, 135) - Янжама рада, что идет вместе с Майдаром. (80) Үнийэй хүлээһэн үдэрэйнгөө ер=һэн=дэ Дамбын бэри ехэ хүжюутэй (ГБЯ-2, 144) - Невестка Дамбы очень обрадовалась тому, что наступил долгожданный день.

(81) Тув.: Бистиң суурувус силерге таарзын=ар=га, меңээ өөрүнчүг болду - Мне было приятно (радостно), что вам понравилось наше село.

Как видим, в бурятском в этом случае позицию подлежащего занимает имя субъекта эмоционального состояния в неопределенном падеже; с ним производится и согласование в лице (бур. баяртай=б 'рад=я').

Противопоставление по степени активности субъекта имеется и внутри конструкций с глаголами оперирования информацией; оно также может базироваться на использовании не только залоговых форм глагола, но и именных производных. Существенно и то, что при оформлении аффиксами побудительного залога глаголы ОИ приобретают значение передачи информации, в силу чего зависимая ПЕ сохраняет оформление винительным падежом, а субъект оперирования информацией понимается как адресат. Примеры (хакасский):

(82) 1. Мин (неопр.п.) көргөм, оларның көзенектерінде чарых көй=ген=ін (вин.п.) - Я видел, что у них в окнах горит свет.

2. Көр=ін=ген, оларның көзенектерінде чарых көй=ген=і=ø - Было видно, что у них в окнах горит свет (=ин - аф. возвратного залога).

3. Ол (неопр.п.) магаа (дат.п.) көз=ит=кен, оларның көзенектерінде чарых көй=ген=ін (вин.п.) - Он показал мне (дал мне видеть, =ит-аф. побудительного залога), что у них в окнах горит свет.

На уровне синтаксических моделей оказываются, как видим, закреплены значительные различия в представлениях о психических действиях и психических процессах. В сфере конструкций с глаголами ОИ видим две ступени активности субъекта. В сфере эмотивных конструкций таких ступеней три.

§ 4. Оценочные конструкции

Конструкции с оценочной семантикой занимают особое место в системе конструкций с подлежащей ЗПЕ в неопределенном падеже.

Оценочные конструкции можно рассматривать как языковую репрезентацию оценочных суждений, которые включают в себя некоторую

ситуацию, как фрагмент объективной картины мира, и определенный оценочный контекст, идущий от субъекта-говорящего.

Оценочные суждения имеют специфическую структуру. Многие исследования, рассматривающие категорию оценки в контексте различных наук – логики, социологии, лингвистики (см.: Вольф, 1978; Чеснокова, 1980), опираются на понимание структуры оценочного суждения, предложенное А.А. Ивиным в книге "Основания логики оценок" (1970). Оценочное суждение понимается этими авторами как структура, состоящая из четырех компонентов: 1) субъект оценки (тот, кто оценивает); 2) предмет оценки (то, что оценивается); 3) показатель оценки (как оценивается предмет субъектом); 4) основания оценки (почему говорящий субъект оценивает данный предмет так или иначе, иными словами, мотивировка оценки).

Анализируя языковую репрезентацию оценочного суждения, В.Ф. Чеснокова отмечает обязательность двух компонентов, один из которых можно соотнести с семантической позицией предмета оценки, а другой – с показателем оценки (Чеснокова, 1980, с. 55-56). Это минимальные требования, при соблюдении которых конструкция может быть названа оценочной. Позиции субъекта и мотивировки могут и не замещаться. Субъект обычно не выражается, если он совпадает с говорящим лицом, а также если оценка ориентирована «на представление о "нормативном" положении вещей в данном социуме» (Вольф, 1978, с. 20). Если же говорящий отчуждается от оценки, данной другим лицом, то привлекаются дополнительные языковые средства, внешние по отношению к самой конструкции, например вводные выражения типа по мнению Пети и т.п. В определенных коммуникативных целях с помощью таких средств говорящий может эксплицировать и собственную оценку (по-моему, по-моему мнению):

(83) Эвенк.: Хунат сара=ри=н би дьл=ду=в сома элэкин (ФЭЯ, 181) – То, что девушка сомневается, по-моему (букв.: в мысли=моей), очень хорошо. (84) Тув.: Эмчиин бодалы-биле алдырга, сеңээ хымыс иж=ер=и ажыктыг – По мнению врача, тебе полезно пить кумыс.

Ср. также: (85) Тув.: Эмчи сестразының оолду ойнадып чорудуу=кан=ы меңээ чиктиг ышкаш болган – Мне показалось странным, что медсестра отпустила мальчика играть.

Оценочное сказуемое может иметь валентность дательного падежа имени или местоимения; ср. рус.: тебе, Пете (для тебя, для Пети) полезно. Но эта форма представляет не субъект оценки, а лицо, в отношении которого производится оценка; термина, квалифицирующего эту семантическую роль в структуре оценочного суждения, пока, видимо, нет. В оценочной ситуации, таким образом, может участвовать еще одно лицо, отличное и от говорящего, и от субъекта, выносящего оценку (разумеется, оно также может совпадать с говорящим; ср.: по мнению Пети, мне полезно...). Примеры:

(86) Бур.: ... өөрөө мултаржа ошо=һон=инь үнэгэн шоно хоёр=то үлүү һайншые болохогүй (Намс., 47) – ...то, что сами вырвались, для волка с лисицей не слишком хорошо. (87) Хак.: Агаа харындастың даа хабырғазы мычырас=хан=ы пасха нимес (Т.ПТ.14)

– Ему безразлично, что у брата рёбра хрустят. (88) Тув.: Бичии кижиге хамаанчок, улуг=даа кижиге оларның дугайын дыңна=ар=ы кажан=даа, каяа=даа солун=на болгай (УХ, 16) – Не то что малышу, но и взрослому услышать о них всегда, везде интересно ведь.

Возможность распространения оценочного предиката дательным падежом имени зависит от семантики этого предиката. При собственно оценочных предикатах (с семантикой 'хорошо/плохо') эта позиция факультативна. Но оценка эмоциональная (напр., 'грустно') к распространению дательным падежом относится гораздо сложнее. При появлении имени в дативе такая конструкция переходит в другой семантический план: она понимается как характеристика эмоционального состояния субъекта, названного формой датива. Конструкция эмоционального состояния описывает уже отношение между двумя ситуациями; если "Грустно, (что...)" – оценка некоторой ситуации, то "Мне грустно (от того, что...)" – отношение типа "стимул – реакция" между двумя ситуациями.

Предметом оценки в рассматриваемых конструкциях может быть как событие, так и лицо или предмет; но причастная ЗПЕ в роли подлежащего имеет, как правило, значение событийное:

(89) Алт.: Мындый иштег сен көс жок арт=ар=ын коркымчылу – Страшно, что из-за такой работы ты можешь остаться без зрения.

(90) Тув.: Хлебти эртен эрте еккеп тур=ар=ы хөлчөк таарымчалыг=дыр – Очень удобно, что хлеб привозят рано утром. (91) Хак.: Хомай, аның инек саап пол=бин=чатхан=ы – Плохо, что она не умеет доить корову. (92) Бур.: Больницада хэбтэ=хэ=нь юун һайн юм (Х, 62) – Лежать в больнице, что хорошего... (93) Эвенк.: Тавар би акин гунды акинми дюрэ балды=на=н ая бидеңг (ФЭЯ, 181) – То, что этот мой названный брат дважды родился, хорошо. (94) Маньч.: ... суен'и тере айтубуха гау'и=да=ңе гему јарг'ан ок'и'и... (Леб., т. 1) – То, что вы его оживили, пусть всё будет правда...

Причастные ПЕ с предметным значением чаще встречаются в тунгусо-маньчжурских языках (см. § 4 главы второй):

(95) Эвенк.: Москваду ичэ=нэ=в со аялчумама бичэн (Хант.) – То, что я видел в Москве, очень красивое. (96) Ахив тыңарица удды=нэ=д=ин эхи холоктол очал (Хант.) – То, что моя жена в прошлом году сшила, сейчас старое. (97) Маньч.: Сини гису=рэ=нгэ, умэси ину (П, 57) – То, что вы говорите, очень хорошо. (98) Ясай тува=ра=нгэ ташара ба бисирэ бэ сачи ачамби (П, 45) – Надобно знать, что то, что видишь глазами, есть вещь ошибочная.

В зависимости от того, выражен ли предмет оценки существительным, одиночным причастием или причастной ЗПЕ, можно говорить о разных степенях его расчленения и, следовательно, о степени его внутренней сложности. Причастная ЗПЕ в позиции подлежащего представляет сложный предмет оценки, являющий собой целую ситуацию. ЗПЕ с предметным значением в оценочной конструкции обозначает оцениваемый объект посредством описания ситуации, в которую он вложен, минуя прямое его именование.

Семантической позиции показателя оценки соответствует синтаксическая позиция главного сказуемого, занимаемая именем с оценоч-

ной семантикой. Е.М. Вольф, исследуя семантику прилагательных, определила оценку как наличие смысла 'хорошо/плохо' (1978, с. 8, 30 и др.). Однако следует иметь в виду, что лишь очень немногие слова содержат только этот смысл. В большинстве случаев указание на ценность совмещается с другими лексическими значениями – например, значением какого-либо признака. К тому же далеко не всегда можно определить, включает ли языковой знак, появляющийся в позиции показателя оценки, сему 'хорошо/плохо' (Вольф, 1978, с. 8). Наконец, многие лексемы, не обладая в обычных контекстах оценочной семантикой, в "оценочном контексте" обретают её (Чеснокова, 1980, с. 61, 70 и др.). Все это не позволяет выделить четкую семантическую группу оценочных слов. Другими словами, способность выражать оценку является свойством не столько отдельного имени, сколько высказывания в целом. Однако, считая эти трудности принципиально преодолимыми, мы вслед за Е.М. Вольф будем считать собственно оценочной такую семантико-синтаксическую структуру, предикат которой содержит сему 'хорошо' или 'плохо' (в качестве единственной, главной, второстепенной или окказиональной, появляющейся именно в данном высказывании). Само понятие оценки мы считаем частным случаем более широкого понятия квалификации. Понятием квалификации, кроме оценочных, охватываются высказывания, в которых даются параметрические характеристики типа 'много – мало', 'часто – редко' и др. Любой квалификативный предикат является (становится) таковым постольку, поскольку существуют либо градации данного признака, либо другие признаки, в одном ряду с которыми находится данный признак. Это позволяет соотносить как оценочные, так и вообще все квалификативные предикаты с представлениями о шкалах.

Некоторые шаги в этом направлении были сделаны В.Ф. Чесноковой, которая представила два вида оценочных шкал. На одной из них в определенном порядке располагаются прилагательные, на другой расположены существительные (Чеснокова, 1980, с. 67–69).

В своем понимании шкалы и видов шкал мы основываемся на том, как этот вопрос трактуется в репрезентационной теории измерений (один из разделов математической психологии), так как этот подход получил в последнее время широкое распространение в различных социальных и экономических науках (см.: Сушес, Зинес, 1967; Пфанцгль, 1976; и др.).

Если мы имеем систему объектов или признаков и на них определено некоторое эмпирическое отношение, то его можно смоделировать некоторой формальной системой, сопоставляя объекты или признаки с элементами формальной системы так, чтобы эмпирическое отношение описывалось формальным, по возможности адекватно. Если это удастся, то формальная система с заданными на ней отношениями называется шкалой, а ее элементы – шкальными значениями. Шкалы могут быть номинальными, порядковыми и количественными.

Номинальными называются шкалы, в которых устанавливается соответствие между отдельными шкальными значениями и определенными множествами эмпирических элементов. Шкальные значения выступают в качестве имён соответствующих классов. Таким образом, но-

минальная шкала – это шкала названий, т.е. классификационная шкала (схема). Процедура "оценивания" сводится в этом случае к именованию, которое может (должно) обосновываться наличием у именуемого объекта определенных признаков, свойств – свойства и классы находятся во взаимно однозначном соответствии.

Элементами порядковой шкалы являются градации какого-либо одного признака, образующие некий "спектр". Конечное число градаций задаёт дискретный спектр; но в каждом языке есть специальные слова-интенсификаторы типа совсем не, едва, очень, чрезвычайно и т.п., присоединение которых к языковым выразителям основной оценки размывает спектр почти до непрерывного (Вольф, 1978, с. 44, 57 и др.; Чеснокова, 1980, с. 68); ср., например: "хороший – плохой" и "чрезвычайно плохой, очень плохой, не очень плохой (средний), не очень хороший, совсем неплохой, хороший, очень хороший, чрезвычайно хороший".

В системе естественных языков элементами порядковых шкал чаще всего являются качественные прилагательные (в языках, где они есть), хотя не любое качественное прилагательное соотносится с такой шкалой (ср., напр., названия конфигураций: квадратный, круглый, овальный, эллипсоидальный и др.).

О количественной шкале можно говорить тогда, когда градации признаков выражаются числами. С такими шкалами в языкознании работают редко.

Понятие оценки органично связано с представлением о шкале: об оценке можно говорить лишь постольку, поскольку данное высказывание через свой предикат "привязано" к определенному градусу некоторой шкалы. Оценочное высказывание сопоставляет предмету оценки элемент шкалы измерения ценности. Грамматическое сказуемое становится оценочным, когда его значение есть элемент шкалы. Поэтому особое, "эталонное" место в системе оценочных шкал занимает шкала "хорошо – плохо", элементы которой непосредственно выражают отношение субъекта оценки к ее предмету. Элементы всех порядковых шкал соотносятся со сказуемыми квалификативных конструкций. Порядковые шкалы чаще всего бывают представлены качественными прилагательными, которые имеют антонимы, становящиеся полюсами шкал (вероятно, порядковые шкалы всегда полярны). Система квалификаций включает в себя разнообразные шкалы, например: эстетическую ("красивый – уродливый"), этические ("добрый – злой", "честный – нечестный" и др.), параметрические ("много – мало", "большой – маленький", "длинный – короткий" и др.), эмоциональные ("грустный – веселый" и др.). Элементы некоторых порядковых шкал наряду с указанием на какой-то признак содержат смысл 'хорошо/плохо', что и позволяет включать их в число оценочных по данному признаку.

Элементы номинальных шкал тоже могут организовывать оценочные конструкции, так как в семантике многих лексем классификационные значения сочетаются с оценочными, например, несчастье – 'событие + отрицательная оценка'. В определенных условиях окказиональное оценочное значение могут приобретать и не оценочные лексемы, если в контексте им приписывается значение... и это хоро-

шо/плохо', например: "То, что на ней надето, — просто мешок" (и это плохо).

Рассмотрим теперь основные виды оценочных сказуемых.

А. Собственно оценочные имена. Ядро оценочных конструкций в алтайских языках составляют структуры, в которых оценочный предикат соотносен с одним из элементов шкалы 'хорошо — плохо'. Не будем обсуждать проблему морфологического статуса лексем, соотносимых с элементами этой шкалы: этот вопрос в алтаистике еще не решен. Их называют именами качества, недифференцированными именами и т.п. Достаточно сказать, что это древний пласт производных имен. "Среднее звено", смысл 'безразлично, все равно', подстраивается к поллюсам, судя по форме соответствующих выражений, значительно позже; ср.: алт. јакшы/јаман, коомой 'хорошо/плохо' и кем јок 'дела нет'; бур. һайн/муу и хамаа=гуй 'нет отношения'; хак. чаксы/хомай и пасха нимес 'разницы нет'; тув. эки/багай и хамаан чок 'нет отношения':

(99) Алт.: Онызы јакшы, кулун учун адаанын алып тур-ган-ын (АК, 43) — Это хорошо, что ты вступился из-за жеребенка. (100) Тув.: Ол бакынның улуг бол-ган-ы эки. Чүглө школаның ырак бол-ган-ы багай-дыр — Хорошо, что этот дом такой большой. Плохо только, что школа далеко. (101) Тув.: Кымың кажан нору-ур-у ме-нээ хамаан чок — Мне безразлично, кто когда уезжает. (102) Хак.: Јүзөинээр ааллап кил пар=чатхан-ы чаксы (КН.ХХ,60) — То, что к матери в гости приходит, хорошо. (103) Бур.: һанаһанаа хэлэ=һэн=һини (Б-78-2,47) — Хорошо, что ты сказал, что думаешь. (104) Эвенк.: Си гиркидуви омакта пуртава бу=нэ=с ая (Хант.) — То, что ты дал товарищу новый нож, хорошо.

К оценочным именам могут присоединяться слова-интенсификаторы, например: бур. ехэ 'очень'; эвенк. со 'очень'; маньч. умэси, амбула, абси 'очень, весьма' и др.:

(105) Бур.: ...орожо ерэ=һэн=гнай ехэ һайн гээшэ (Шыб., 43) — Очень хорошо, что вы пришли. (106) Эвенк.: Тала нуңан тат=чаңа=н со ая (Колесникова, 1966, с. 200) — То, что он сможет там учиться, очень хорошо. (107) Маньч.: ...ш'и'и үи=ве=де умуш'и амбула са'и'и ох... (Леб., т. I) — То, что ты пришел, очень хорошо.

Оценочные имена, содержащие помимо значения 'хорошо/плохо' еще и указание на параметр оценки, часто образуются от именных основ при помощи суффиксов обладания (тюркские — восходящие к др. =тюркск. =лыг/=дыг; ср.: Серебренников, Гаджиева, 1979, с. 117-118; бурятские =тай и =гуй, положительная и отрицательная формы; ср.: Дондуков, 1964, с. 74, 81), например: тув. хора 'вред', хора=лыг 'вредно'; бур. ая 'приличие, такт', ая=тай 'прилично, приятно', ая=гуй 'неприлично, неприятно' и т.п. (подробнее см.: Скрибник, 1981). Примеры:

(108) Бур.: Урдань уулза=һан=инь=шье, мүнөө ерэ=һэн=инь=шье нэгэл тиймэхэн таа=гуй (Х, 28) — И то, что раньше встретились, и то, что ты сейчас пришел, было немного неудобно. (109) Алт.: Слер бурулу кижини тап=кан=ыгар јаан учур=лу — Очень важно, что вы нашли виновного человека. (110) Тув.: Эртежик кел=ир=и меңээ

таарымча=лыг=дыр — Мне удобно приходить пораньше. (111) Чурум дугайында чугалаажып тур=ар=ывыс кончуг=ла чеп=туг=дур (УТЯ, 129) — Очень справедливо, что мы говорим о дисциплине. (112) Хак.: Сирерниң чарыхха айлан кил=ер=иңер ікінчіле=стіг — Сомнительно, что бы вы успели вернуться засветло.

В качестве оценочных сказуемых могут употребляться также фразеологизмы, слова междометного типа, отдельные глагольные формы, выпавшие из парадигмы и превратившиеся в самостоятельные лексемы: бур. нохойн наадан 'собачья игра (=пустяк)', хайшаа 'неудобно' (букв.: 'как же'), болоо 'хорошо' (букв.: 'стало'); тув. ажырбас 'ничего, ладно' (букв.: 'обойдется'); алт. неме беги 'ничего не стоит, пустяк' и др. Примеры:

(113) Бур.: Ай, зайлуул даа, үнды=һэн=инь болоо! (Х, 13) — Ай, господи, хорошо, что встал! (114) Намай һахижа, энэ намарай ангуурин түлөг соо бай=ха=һини хайшаа юм (Б-78-1, 10) — Неудобно же, в разгар осенней охоты (тебе) находиться здесь, ожидая меня. (115) Тув.: Кошелёктуң чит=кен=и ажырбас — Ничего, что кошелек потерялся. (116) Бичи-ле чүве дээш, еглерниң, кожазы аалдарның оолдары-биле чокуу каапт=ар=ы аңаа оюнчук (УХ, 19) — Ему игра (ничего не стоит) подражаться с мальчишками соседних аилов из-за пустяка.

Б. Имена эмоциональной оценки. Эти имена образуют два типа конструкций. Один из них был описан выше, в § 3, — конструкции эмоционального состояния, характеризующиеся наличием замещенной позиции субъектного датива. Эмотивные имена в них обозначают ситуацию, в связи с которой характеризуется действие, названное подлежащей ЗПЕ:

(117) Бур.: Танай ингэжэ хэлэ=хэ=тнай намда гайхалтай — Мне удивительно, что вы так говорите.

Другой вариант — конструкции, через эмоции выражающие оценку. Позиции датива в этой конструкции нет; эмотивные имена, занимающие позицию сказуемого, обозначают не реальное эмоциональное состояние, а характеристику события через эмоцию, которую оно потенциально может вызвать:

(118) Бур.: ...адуугаа үүсэлэ үүсэлһээр хороожорхи=һо=мнай ехэ гэмшэлтэй байна (Ламб., 84) — ... очень обидно, что мы, забывая и забывая, сократили свой табун. (119) Тув.: Силер-биле чор=ба=ан-ым хомуданчыг-дыр — Жалко, что я не поехал с вами. (120) Эвенк.: Модук буру=нэ=н инемупчу (Хант.) — То, что он упал с дерева, смешно. (121) Маньч.: ...ш'и'и емгі ему үалан де иньдарі ему баде біфі банүі=раку=де умуш'и гошхун... (Леб., т. I) — То, что мы не живем с тобой вместе каждый день в одном мире, грустно...

Поскольку эти две разновидности конструкций различаются благодаря разным ЛСВ эмотивных имен, резкой границы между ними нет.

В. Оценочно-классифицирующие имена и словосочетания. К оценочным мы относим конструкции, формируемые существительными, в значении которых оценочный компонент объединяется с обобщающим классифицирующим значением типа 'дело, поступок, событие': алт. тенек

'глупость', ырыс 'удача', хак, кинен 'несчастье', тув, аас-кежи 'счастье', маньч, туса 'польза' и др. Примеры:

(122) Алт.: Терени јааш ѓткүрип салган=ы түбек эмес – Не беда, что дождь кожу намочил. (123) Хак.: Ол мындаг туста ибде пол парган=ы – пу кинен – То, что он оказался дома в такое время, – это неприятность. (124) Бур.: Иимэ тарган мяхан иимэ үлэн сагта газар доро хэбтэ=хэнь нүгэл бэшэ гү? (Лубс., 52) – Разве не грех, что такое жирное мясо в такое голодное время под землей лежит? (125) Алт.: Бу јакару канай бүдүрилип турган=ын көрбө=гөн=им – менин буруу=м – Моя вина, что я не проследил, как выполняется этот приказ. (126) Хак.: Агаа киртин парган=ың синиң алчаа=зың – Твоя ошибка (в том), что ты ему поверил. (127) Тув.: Ачаңның өгдө чогу – сээң аас-кежиң! – Твое счастье, что отца нет дома! (в функции зависимого сказуемого – имя отрицания чок с притяж. аффиксом 3 л.). (128) Алт.: Мыштык жок тайга барган=ың једикпез=иң – То, что ты пошел в тайгу без ружья, – твоя ошибка (букв.: недостаток=твой).

Адресат оценки при оценочных существительных, как видно из примеров, выражается либо изафетной конструкцией, либо только лично-притяжательным оформлением; местоимение 1 и 2 л. в изафетной конструкции может опускаться.

В наших материалах часто встречались также оценочные предложения, сказуемое которых представляет собой сочетание обобщенного классификатора типа 'дело' с оценочным определением:

(129) Бур.: Мүн Янжаманаа харалсагүгөөр халан ошо=хо=нь үнэн дээрэ баа тиимэшье бэлэн хэрэг бэшэ шэнги (Х, 56) – Но расстаться с Янжамой, не поговорив, – на самом деле не такое уж легкое дело, похоже. (130) Хак.: Син аны алахтыр салган=ың угаа хомай керек – То, что ты её обманул, – подлость (букв.: плохое дело). (131) Тув.: Кыржып=кан=ыңар мелегей чорук тур – Глупо (глупый поступок), что вы поссорились. (132) Алт.: Түлкүлөр өскүр=ер=и чыгымду иш болтыр – Разводить лисиц убыточное дело, оказывается. (133) Маньч.: ...и' алма мудаме үи=ке=це јарган'и фергуенчүке баита... (Леб., т.Г) – ...то, что человек возвратился, поистине удивительное дело...

Ср. также пример с более сложным типом оценочного определения:

(134) Бур.: Аха зониие тагал=хамнай ямаршьел ёно медэхэгүй хүнэй ааша – Старших пребивать – поступок человека, не знающего никаких правил (обычаев).

Интересно, что самый распространенный классификатор – 'дело', употребляясь в роли главного сказуемого без определения, приобретает модальное значение, так что регистрируется в словарях и как модальная лексема (см. также: Убрютова, 1976, 1, с.165):

(135) Хак.: Агаа керосин аястыг, оолагастың піліске тартып чатхан=ы, пионерге кіерге сагын=чатхан=ы кирек чоғыл (АХ, X, 7) – Ей керосин жалко, то, что мальчик к знаниям тянется, то, что думает в пионеры вступить, не нужно (букв.: дела нет). (136) Тув.: ...боттуң намдарың эгезинден тура коптар=ар=ы херек апарган (УХ, 18) – ...стало нужно покопаться с самого начала в собственной автобиографии.

Видимы такие предложения с чисто классифицирующим значением невозможны потому, что информативно недостаточны: смысл "конкрет-

ное событие есть событие" вряд ли может рассматриваться как адекватная цель сообщения, поскольку здесь не содержится полезной информации, предложение тавтологично. Однако эта тавтологичность снимается определением при классификаторе; соответственно, в моделях с классификатором в роли главного сказуемого обязательна позиция определения – либо оценочного ("хорошее дело"), либо субъектного ("твое дело");

(137) Алт.: Горючий таб=ар=ы – ол Михеев=тинг иж=и – Доставать горючее – это обязанность Михеева (букв.: Михеева дело=его). (138) Хак.: Суг тахир=ы Доржи=ниң тогы=зы полган – Возить воду было работой Доржи. (138^а) Тув.: Ыт чемгер=ер=и сээң херээ=ң – Кормить собаку – твое дело (букв.: тебя дело=твое).

Г. Кваликативные имена. Помимо оценочных имен с компонентом 'хорошо/плохо' в исследуемых конструкциях встретились имена, соотносимые с элементами других кваликативных шкал, прежде всего 'много/мало'. Количественная квалификация события может относиться к его повторяемости во времени ('часто/редко'), к интенсивности его протекания; сюда же мы относим квалификаторы 'легко/трудно', характеризующие специфические отношения между действием и его субъектом с включением количественного компонента.

Повторяемость событий во времени, частотность их квалифицируются в конструкциях с главным сказуемым – словом или словосочетанием со значениями 'часто/редко', 'ни разу не было' и т.п.:

(139) Тув.: Ынчан суурнуң чагыларыңга сырбык олурган=ы хаая эвес турган (Д-ЧЧ, 24) – Тогда то, что белки сидели на столбах поселка, нередко бывало. (140) Бур.: Зай, Тагар Будаевич, намтай ябалсахатнай гү? Бэшэ ондоо унаа олодо=хо=нь хоморхон байха (Дамб., 84) – Ну, Тагар Будаевич, со мной не поедете? Другой транспорт бывает редко (то, что находится другой транспорт, редко бывает).

Интенсивность протекания события передается конструкцией с главным сказуемым – словом со значением 'очень', 'весьма' (тув. аажок, кончуг 'очень; сильно'; алт. сүрекей 'очень' и т.п.). Например:

(141) Тув.: Совет эмчини ол аңчы ашақтың кайга=ар=ы=ла кончуг болган (УХ, 136) – Советского врача этот старик-охотник сильно разглядывал (букв.: то, что он разглядывает, очень было). (142) Кызып тур=ар=ым кончуг (ОСо, 202) – Я очень стараюсь (то, что я стараюсь, очень). (143) Алт.: Ачынып билбес Ак-Тайчы ачин=ган=ы сүрекей болды (Тад., 160) – Никогда не сердившийся Ак-Тайчы сильно разгневался (то, что он рассердился, очень было). Ср. также: (144) Бур.: Заахан үхибүүдэй олон гээшэ=нь олиггүй (БРС, 353) – Ребятишек очень много (то, что ребятишек много, очень; гээшэ – тематическая частица, выделяющая подлежащее).

Для конструкций с квалификаторами 'легко/трудно' характерна следующая особенность строения зависимой части: независимо от того, обозначает ли она реально произошедшее единичное действие, или повторяющееся, или потенциальное, форма сказуемого в ЗПЕ – всегда причастие будущего времени (тюркск. =р, бур. =ха). Поскольку же в этих конструкциях оценка действия производится всегда в отношении его субъекта, то в ЗПЕ, как правило, нет собственного подлежащего:

субъект обозначается либо притяжательными аффиксами в составе сказуемого ЗПЕ, либо формой датива при главном сказуемом. В алтайском и хакасском в этих конструкциях выступает форма инфинитива на =рга. Значение реально произошедшего действия может передаваться вспомогательным глаголом или связкой в прошедшем времени; потенциальное же действие выражается так же, как и реальное постоянное. Примеры:

(145) Эвенк.: Мурдурэ=ри=в со ургэлчу оча (Г, 16) - Нагибаться (мне) трудно стало (=в - лично-притяжательный аффикс 1 л. ед.ч.). (146) Омолгичан аде=ри=н сома ургэлчу, сома маңа бичен (К, 12) - Мальчик спал очень тяжело, крепко (букв.: то, как мальчик спать=буд.вр. =3 л. очень трудно... было). (147) Бур.: Класс соо хуу=ха=нь Золтодо хунда боложо... (Б-78-2, 7) - Сидеть в классе для Золто было тяжело... (148) Шэнэ хунүдтэй уулза=ха=мни бэрхэтэй - Мне трудно встречаться с новыми людьми. (149) Тув.: Оларны чедип ал=ыр=ы ындиг амыр бе (УХ, 13) - Легко ли добиваться их... (150) Алт.: Бу таскадуда берилген сөстөрдинг тазылын ла кожугтала-рын аңыла=ар=ы күч өткөдий болзо, 3-чи таскадуны база берер (Мет., 9) - Если покажется, что выделить корень и аффиксы слов в данном упражнении трудно, то 3-е упражнение тоже задавать.

Ср. также: (151) Хак.: Яа, оой ла нимес кизи хольнда дээрге, оой нимес (НК.ХХ, 11) - Да, нелегко у чужих людей расти, нелегко.

Помимо имен с компонентом 'много/мало' к qualificативным мы относим имена, характеризующие истинность высказывания: 'правда/не-правда', 'правильно/неправильно'. Например:

(152) Тув.: Маадыр бол=ган=ы шын чүве-дир (УХ, 12) - То, что (он) стал героем, правда. (153) Үптэ=эн=и - ле шын (ССо, А, 226) - То, что они грабили, это правда. (154) Бур.: ...шэнэ хубсаһа то-доггүй хүн ха гэжэ редактораа һана=даг=ни буруу болошобо (Б-78-4, 107) - То, что я считал своего редактора человеком, не заботящимся о новой одежде, оказалось неправильным. (155) Маньч.: ...сар-ган үүи бе дендечи умаи уака оуо=раку=це жарган... (Леб., т. I) - То, что разделить девицу совершенно невозможная вещь, правда.

Д. Глаголы в роли оценочного сказуемого. В оценочных конструкциях могут выступать и глаголы, образованные от оценочных (шире - qualificативных) имен и выражающие изменение на некотором отрезке времени степени интенсивности признака ('увеличиваться', 'учащаться') или изменение оценки с точки зрения выносящего ее субъекта ('улучшаться', 'ухудшаться'):

(156) Бур.: ...үхибүүдэй доромжолон наадал=ха=нь үсөөрнэ (ГБЯ-2, 133) - Ребята стали меньше издеваться над ним (букв.: то, что ребята издеваются, уменьшилось). (157) Сэхьнь хэлэхэдэ, һүүлэй хэдэн жэлэй туршада тэрэнэй хүзэглэ=хэ=нь, мургэ=хэ=нь түргэдэнхэй (Бат., 29) - Правду говоря, в течение последних нескольких лет верить и молиться больше стала (букв.: то, что верит=она, молится, ускорилось). (158) Эвенк.: Эр ахаткан-кудакан бинэ би=дэ гунмури матава тыкэн сэнэ=ри=н эду сотаран (ФЭЯ, 152) - Как эта молодая девушка пренебрегает таким богатырем, как я, до чего же является=боль-шим (со 'очень, сильно, сильный').

Категория времени в отношении к qualificативным конструкциям. Поскольку коммуникативная направленность qualificативных конструкций состоит в приписывании признака некоторому объекту (а для собственно оценочных структур - наряду с приписыванием признака или без него - в выражении отношения субъекта к предмету оценки), то сам факт этого приписывания мыслится чаще всего вне времени, как некоторое вневременное, абсолютное свойство. Поэтому qualificативные (и оценочные) конструкции чаще всего формируются на базе настоящего времени: qualificативные имена употребляются без глагола-связки (что разрешается правилами исследуемых нами языков).

Когда же qualification (оценку) нужно сдвинуть в план прошлого или будущего, в оценочных конструкциях вместо настоящего времени глагола-связки (или его значимого отсутствия) появляются соответствующие временные формы:

(159) Эвенк.: Амаски ин=нэ=тын Некоңдагон хитэ=дэ бичэ (Хант.) - То, как раньше жили жители Неконгды, было нехорошо. (160) Маньч.: ...хан'и ние=ре=це мауиге сайн ого... (Леб., т. I) - ...болезнь хана немного лучше стала... (161) ...боу де мудачи тучи=ре=це маңа омби... (Леб., т. I) - ...уход после возвращения домой будет труден.

Понятно, что реально можно оценивать события, которые уже произошли, но не те, которые произойдут; в последнем случае на временное значение часто накладывается модальный компонент возможности, вероятности:

(162) Маньч.: ...суен'и тере аитубуха гауи=ка=це гему жарган окин'и... (Леб., т. I) - ...то, что вы его оживили, пусть всё будет правда... (окин'и - форма императива глагола-связки о=).

* * *

Таким образом, наш материал показывает, что конструкции с неопределенным падежом ЗПЕ образуют отдельный, специфический подкласс конструкций в системе управляемых предикативных форм. Сам этот подкласс внутренне неоднороден. Если исключить явно периферийные конструкции с грамматическими лексемами в роли формального главного сказуемого, то остальные модели, "полнозначные", разойдутся между двумя полюсами. Один полюс составляют конструкции каузации эмоций с глаголами в форме каузативного залога; второй полюс - оценочные и другие конструкции с именными предикатами.

Конструкции с залоговыми формами глаголов в главной части смыкаются с другими конструкциями психической деятельности, где ЗПЕ принимают косвенно-падежную форму по требованию управляющего глагола (главы третья, четвертая).

Вместе они являются средством языкового выражения процессов отражения событий действительности в человеческом сознании. Система таких средств позволяет фиксировать разные степени активности отражающего субъекта. Конструкции с именными сказуемыми предназначены в первую очередь для фиксации результатов мыслительных операций над событиями действительности (оценка их, классификация, идентификация и др.).

Граница между этими двумя полосами не является абсолютной; конструкции с именами эмоционального состояния/эмоциональной оценки и с формами пассива от глаголов ОИ обеспечивают плавный переход между ними, давая разные семантические варианты (в зависимости от наличия формы датива, выражающей субъект психической деятельности, и некоторых других параметров). Один из этих вариантов входит в систему конструкций психической деятельности, другой передает чисто оценочное значение.

Глава шестая

ЛОКАЛЬНЫЕ ПАДЕЖИ

§ 1. Общая характеристика локальных подсистем склонения

Локальные падежи и локальные функциональные варианты субъектно-объектных падежей составляют особую подсистему в общей системе каждого алтайского языка. Центром этих подсистем, при всех их индивидуальных различиях, можно, по-видимому, считать статический локальный падеж (или функциональный вариант), фиксирующий местонахождение предмета или пространство, на котором (т.е. "где") протекает действие. Но и формальная, и содержательная сторона этого падежа существенно зависят от того, что представляет собою в данном языке локальная подсистема склонения в целом, насколько она богата, развита, дифференцирована. Например, в бурятском языке специальные пространственные падежи вообще отсутствуют; локальные значения совмещаются с объектно-субъектными в семантической структуре прежде всего дательного-местного и исходного падежей, элементами локальной подсистемы склонения являются здесь не падежи, а только их функциональные варианты. Заметим попутно, что слабое развитие этой подсистемы склонения компенсируется в бурятском языке очень богатой системой послелогов. В эвенкийском, наоборот, локальные падежи представлены четко и довольно богато: направительный на =тки, =тыки, местный на =да~=дула, продольный на =ли, =дули, направительно-местный на =кле, отложительный на =дук, исходный на =гит, =кит, не говоря о том, что локальные значения регулярно передаются дательным падежом, который, по сути дела, как и в монгольских языках, является дательным-местным.

Сделаем попутно некоторые терминологические замечания. Эвенкийский падеж на =да, =дула носит название местного; термин "дательный-местный" мы прилагаем к бурятскому падежу на =да, и было бы естественно отнести его и к эвенкийскому падежу на =ду, который называется дательным. В тюркских языках есть специальный местный падеж на =да, противопоставленный дательному на =га. Но эвенкийский "местный" по семантике весьма далек от того, что под-

разумеается этим термином в других языковых традициях. Это не падеж местонахождения ('где'), а падеж направления ('куда'). Нет соответствия между названиями падежей в тунгусоведении, где эвенкийский падеж на =гит называют исходным, а на =дук отложительным, и в тюркологии, где исходным называют падеж на =дан, функционально соответствующий эвенкийскому на =дук, т.е. отложительному. В монгольские сопоставимый с этими падежами падеж на =лаа называется исходным, как в тюркологии.

Что касается тюркских языков, то при единой, в общих чертах, системе склонения, строго сохраняющей материальную отождествимость почти всех падежных маркеров в большинстве языков этой семьи, тюркские языки Южной Сибири заметно различаются внутренним устройством локально-темпоральных подсистем. Исконную, а может быть, лучше сказать, "псевдогенетическую", общую для них модель локальных падежей можно представить себе состоящей из трех взаимно противопоставленных форм пространственной ориентации: 'где' - 'куда' - 'откуда'. Форме 'где' соответствует статический местный падеж с аффиксом =да, формам 'куда' и 'откуда', динамическим, соответствуют формы, которые назовем условно "направительной" и "исходной".

Исходный падеж с аффиксом =дан (=даң) представлен, видимо, во всех тюркских языках. Компонент =да в составе этого аффикса сопоставим с =да - показателем местного падежа; элемент =н (в тувинском и некоторых других языках =н не носовой) выступает тем самым как модификатор, который именно и связан с направлением 'от, из'. Отметим, что сходное отношение фиксируется и между маркерами эвенкийского отложительного =ду/к и дательного =ду.

С третьим гипотетическим членом микросистемы положение не такое ясное. Функцию выразителя направления 'куда', видимо, еще в глубокой древности принял на себя дательный падеж, и это сделало избыточным особый направительный падеж. Возможно, что к тому моменту, когда складывалась оппозиция дательного и исходного, этот особый направительный падеж еще не сформировался; а может быть он сложился и существовал, но в силу каких-то причин оказался утраченным почти всеми современными тюркскими языками. В тувинском он сохранился, это падеж на =че. В хакасском и алтайском направительного падежа нет, но в хакасском представлен явно молодой направительный падеж на =сар, а в алтайском, возможно, формируется падеж на =jaar (Н.П. Дыренкова оценивает jaar как послелог, с.215). Оппозиция "дательный - исходный" как локальных падежей прочно опирается на их противопоставленность в объектной подсистеме: 'кому' : 'от кого', в соответствии с чем совершенно естественно 'куда' : 'откуда'. Объектная же подсистема представляется более древней и более стабильной.

В современных тюркских языках значение направительного падежа как формы, отвечающей на вопрос "куда", успешно выражает дательный. Можно допустить, что формирование локальной подсистемы началось с оппозиции местного на =да и дательного на =га (ср. нерасчлененность этих значений в формах на =да и в монгольских, и в

маньчжурском). Затем в оппозицию втягивается производная от =да форма на =дан, выражающая обратное, по сравнению с =га, направление (схема 5).

Схема 5. Ядро системы локальных падежей (тюркские языки).

Однако в ресурсах тюркской грамматической системы издревле заключалась ещё одна возможность выражения направления "куда, в какую сторону" — это форма на =ча. В число падежных форм она обычно не включается, хотя во многих отношениях обнаруживает к ним существенную близость. Аффикс =ча передавал много разных значений, которые перечислены в ДТС (с.650); среди них и сравнение, и уподобление, и приближенность, и предельность, и соответствие. Направительное значение здесь специально не выделяется, но сейчас уже трудно представить себе, как именно "уживались" эти разные значения под одной "материальной крышей", а значения предела и направления не так далеки друг от друга. Нам близка точка зрения Е.И. Убратовой, которая считает исконым значением формы на =ча значение соответствия: из него как раз можно вывести все остальные — и сравнение, и уподобление, и направление ('в соответствии' с чем-то, 'в направлении' чего-то; ср. эвенкийский продольный падеж).

Значение направления исходным значением этой формы быть не могло; поэтому датив и занял так прочно соответствующую позицию в системе, не оставив "падежу на =ча" достойного места. Но все-таки есть, как нам кажется, некоторые основания ставить вопрос о существовании в прошлом, давно, "падежа на =ча" — хотя бы в предикативном склонении. Подтверждением этого является широкое распространение в тюркских языках причастных, а может быть сейчас уже и деепричастных (в силу их изоляции) форм на =ча от разных причастий: =ганча от причастия на =ган во всех изучаемых нами и многих других "кыпчакских", формы на =бычча от причастия на =быт в якутском (Убратова, 1976, с. 132), формы на =гыже от причастия (или имени действия) на =гу/гы в тувинском (где её называют "предельным наклонением" (Исхаков, Пальмбах, 1961, с. 406) или деепричастием предела (Бабушкин, 1960, с. 93); ср. также её аналоги в киргизском и др.).

Форма на =ганча передает целый комплекс обстоятельственных значений, среди которых отчетливо прослеживаются значения, соотносимые с компаративными потенциями древнего аффикса, отраженными в ДТС, — это и значение соответствия, и значение замещения ('вместо того чтобы'), предпочтения ('чем... лучше...'). Очень интересным представляется сближение сравнительного и направительного зна-

чений; ср., например: Ол менин айтканымча иштеген — Он работал так, как я ему сказал' (Тад., 117); возможно толкование — 'в соответствии с тем, что я сказал или 'по тому, в том направлении, что сказал, указал'.

К сожалению, на этих очень интересных формах в данной работе мы задерживаться не можем, поскольку они лежат на самой периферии системы предикативного склонения, если не за её рамками вообще.

Вернемся к вопросу о локальной подсистеме в тюркском склонении. В тувинском, где сохранился (или развился) направительный падеж на =че и имеется второй направительный на =дыва, и в хакасском, где развился направительный падеж на =сар, схема 5 должна усложниться (см. схему 6).

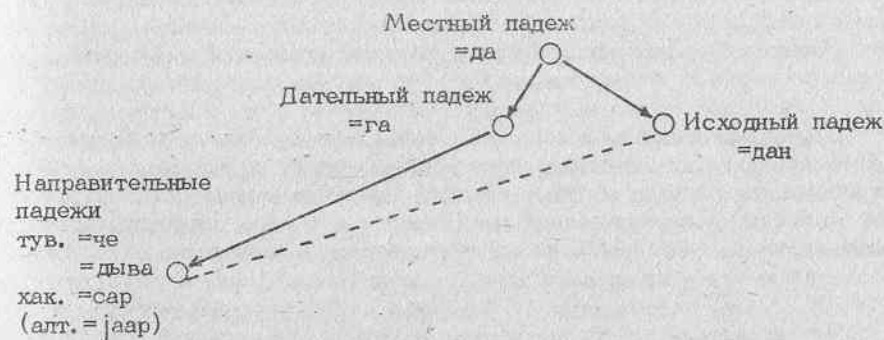

Схема 6. Система локальных падежей в тюркских языках.

Правая ветвь схемы, как видим, не меняется. Но левая подвергается существенной перестройке и усложнению. Существенно меняется системное место дательного падежа. Полосом оппозиции становится направительный, а дательный оказывается "средним членом" между направительным и местным. Хотя внешний вид схемы почти одинаков для тувинского и хакасского, в действительности этот проблемный узел в них решается по-разному. В хакасском семантика датива почти не меняется, в тувинском же "статический компонент" за счет сближения с местным возрастает резко. Формы на =га могут употребляться там, где в других тюркских естественны лишь формы на =да. В частности, к нашей проблематике прямое отношение имеет тот факт, что в тувинском форма дательного падежа причастия на =р (форма на =р//га) является одним из основных способов выражения временных отношений в сложных предложениях, т.е. выступает в той роли, в которой обычно выступают формы местного падежа. В хакасском же дативом может оформляться лишь причастие на =галак (во временной функции) и очень редко, лишь в разговорной, устной речи, причастие на =р.

В эвенкийском языке система локальных падежей выстраивается вокруг дательного, который передает и семантику тюркского местно-

го, т.е. имеет и статический, и динамический смысловые варианты. Основные значения эвенкийских падежей представлены схемой 7.

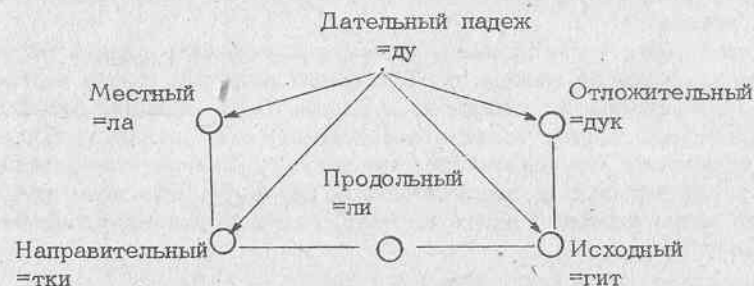

Схема 7. Система локальных падежей в эвенкийском языке.

Дательный падеж в обстоятельственном употреблении указывает на темпоральное и локальное совпадение главного и зависимого действий (разумеется, в системе предикативного склонения). Продолжный падеж в его пространственной реализации выражает, как и дательный, совпадение двух действий, но не статическое, а динамическое, в процессе движения – по семантической схеме 'туда, куда', а не 'там, где'.

Что касается бурятского языка, то здесь представлена оппозиция всего двух форм – дательно-местного и исходного падежей. Но поскольку дательно-местный представлен двумя функционально-семантическими вариантами, эти отношения можно представить схемой 8.

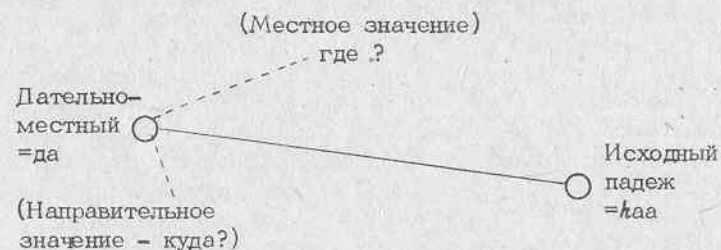

Схема 8. Система локальных падежей в бурятском языке.

§ 2. Выражение временной соотнесенности событий средствами падежных форм ЗПЕ в тюркских языках Южной Сибири

Обстоятельственные функции, выполняемые зависимой частью сложных (полипредикативных) конструкций в тюркских языках Южной Сибири, как и в других алтайских языках, дифференцированы и разнообразны. Но центр всей этой сложной системы составляют падежные

формы ЗПЕ, выражающие отношения событий во времени. На базе этих форм постепенно формируются другие, в частности, специальные синтаксические конструкции, выражающие отношения обусловленности: причинно-следственные, условные, уступительные, целевые, а также сопоставительные, заместительные и многие другие. Центральное положение временных ЗПЕ в этой системе определяется не только тем, что выражаемые ими временные отношения событий всегда так или иначе передаются и другими конструкциями, специальные значения которых как бы накладываются на временные. Дело еще и в том, что для выражения временных отношений в системе сложного предложения используются самые простые, а это значит, и самые "фундаментальные" грамматические средства. Таким средством в алтайских языках являются формы предикативного склонения, падежные формы ЗПЕ.

В этой главе мы не будем иметь возможности детально рассматривать различные обстоятельственные значения, в выражении которых принимают участие падежные формы ЗПЕ. В частности, мы не будем касаться причастно-последующих форм зависимых сказуемых, где определенная падежная форма причастия диктуется требованием послелога. Эти конструкции составляют особый предмет исследования. Тем самым из области нашего внимания уходит основная масса специализированных обстоятельственных конструкций; объектом анализа остаются прежде всего именно основные, простейшие по форме (но не по смыслу) временные конструкции, а также в какой-то мере причинные, условные и уступительные функциональные варианты конструкций с падежными формами ЗПЕ "локального", обстоятельного типа.

* * *

Основной падеж, передающий в тюркских языках соотнесенность событий во времени, – местный, который с полным основанием можно называть и местно-временным. Во всех трех тюркских языках Южной Сибири эту форму принимают причастия на =р (=бас), =ган и =галак. Кроме того, в хакасском эту форму принимают причастия на =чатхан, на =чаң, на =тиган (это причастие образуется только от трех глаголов – пар-, кил-, апар-) и на =гадаг (редко). Форму местного падежа в хакасском и алтайском языках способны принимать также имена наличия и отсутствия (бар, чок/жок) и изредка предикативные существительные, которые употребляются в роли сказуемых без связки (в настоящем времени).

Семантика местно-временного падежа в обстоятельной подсистеме предикативного склонения – это общая временная соотнесенность; в конкретных фразах это общее, грамматическое значение уточняется в зависимости от грамматических форм сказуемых главной и зависимой части и от лексического состава фраз: эта синтаксическая форма может выразить и последовательность событий, и полную или частичную одновременность.

Кроме местного падежа временная соотнесенность событий может в тюркских языках передаваться и дательным падежом. Дательный в этой роли выступает очень широко в якутском (где местный утрачен;

см.: Убрятова, 1976, 1, с. 122), из языков Южной Сибири – в тувинском (эту форму принимает здесь только одно причастие – на =р (=бас), но употребляется она весьма интенсивно). В алтайском и хакасском языках форма на =р=га функционирует как инфинитив и во временных конструкциях в роли сказуемого зависимой части не используется; однако в устной речи на хакасском языке она в подобной роли встречается. Форму дательного падежа принимает также хакасское причастие на =галах, но семантика, передаваемая этим способом, уже не может оцениваться как общая временная соотнесенность.

С выражением следования (рус. после того как, с тех пор как) связан тюркский исходный падеж. Но в современных языках эта форма практически не употребляется без уточняющих ее послелогов ни во временном, ни в причинном значении (тув. бээр, хак. пеер, алт. бери 'после того как', алт. улам 'поскольку' и т.п.). Рассмотрение подобных конструкций не входит в задачу данной работы.

Значение быстрого следования событий (рус. как только) во многих алтайских языках оказывается связанным с падежом, выражающим совместность; ср. рус.: встать с зарей. В тюркских языках, совместного падежа не имеющих, это значение передается с помощью послелога билен (менен, мен, блан, биле, ле и др. варианты), который во многих языках обнаруживает несомненную тенденцию к превращению в падежный аффикс. В некоторых языках его сочетание с основой уже признано падежной формой, например, в казахском (аф. =мен) и в хакасском (аф. =нан/нең). В алтайском этой форме соответствует сочетание с "послелогом-аффиксом" ла, ле, в тувинском – с послелогом биле. Таким образом, и эти формы оказываются на периферии нашего исследования.

За рамками данной работы остаются, конечно, и деепричастные формы, в том числе и такие, которые восходят к причастным формам в сочетании с аффиксами, весьма напоминающими падежные. Речь идет в первую очередь о формах на =ган=ча (алт., хак.) и на =гы=же (тув.). Формы эти очень интересны и заслуживают внимательного сопоставительного исследования. Но мы сможем уделить им лишь минимальное внимание.

Мы охарактеризовали сейчас самые общие принципы организации "причастно-падежного ядра" системы темпоральных конструкций тюркских языков. В каждом языке охарактеризованные выше формы, взаимодействуя между собой и с другими формами, приобретают специфические оттенки смысла. Их семантика заметно модифицируется и в связи с использованием отрицательных форм причастий (часто это ведет к появлению причинной или условной семантики фразы вместо "ожидаемой", базовой, временной), с использованием частиц и др. Нередко, однако, причинное осмысление фраз бывает формально не мотивировано и следует просто из опыта. Например, в хакасском:

(1) Пызолар хынып оттап чөр=ген=де, Ниначах он=пазы порчолар чулгалап, пир поог идерге чыпчатхан (ТБ.ХС.4) – Так как телята хорошо паслись, Ниночка, разнообразные жарки срывая, (один) венок плести собиралась. Мы понимаем, что между событиями здесь не

просто временная связь: возможность плести венок причинно обусловлена тем, что телята паслись спокойно, не требуя к себе внимания.

Ниже мы рассмотрим эти отношения на материале каждого языка, стремясь показать своеобразие этих микросистем, но ограничивая свою задачу самым общим обзором определяющих их связей и отношений между формами.

1. Алтайский язык

В алтайском языке в выражении отношений общей временной соотнесенности (а это, как уже сказано, самый центр интересующей нас микросистемы) принимают участие две четко противопоставленные друг другу формы местного падежа причастий: =ган=да и =р=да. Вместе они противостоят третьей форме того же падежа – =галах=та, которая выражает сложное специализированное значение. Эту форму мы рассмотрим отдельно ниже.

Формы на =р=да и на =ган=да в составе конструкций временной соотнесенности теряют взаимную противопоставленность по абсолютному временному значению (=р – настоящее-будущее, =ган – прошедшее). ЗПЕ в конструкциях данного типа, как правило, собственного временного значения лишены. Противопоставление этих зависимых форм базируется на другом основании: форма на =ган=да используется тогда, когда данная цепочка событий воспроизводится или воспроизводилась регулярно. Например:

(2) Јаантайын, бу карганды көр=гө=м=дө, онын јангыскандыра айула тартышканын эске ал=а=д=ым – Всегда, когда-я вижу этого старика, вспоминаю, как он один бился с медведем. (3) Мен бу Кош-Агач аймактын элбек чөлдөрилө јорукта=га=м=да, јебрен кожондордын күүзи кулагыма им-јарт угулып, јүрегиме эбелип турат (Ук.) – Когда я путешествую по степям Кош-Агачского района, мелодии древних песен, четко доносятся до моих ушей, входят в сердце. (4) Мени кизи јүретпеген, Бойым, Андрийан бичигин кычыр=ган=да, онын јанында иштегенче тындап јүретем (Хр=75, 49) – Меня никто не учил. Я сам, когда Андриан книги свои читал, рядом с ним, пока он работал, старательно слушал.

Во фразе (2) есть слово јаантайын 'всегда', подчеркивающее регулярность временной связи событий; во фразах (3,4) таких слов нет, но семантика регулярности связи несомненна. Она базируется на формах сказуемых главной и зависимой части. Если форме на =ган=да в ЗПЕ соответствует в главной части форма на =а=т, то предложение в целом имеет модально-временной план широкого настоящего; см. (3). Если же воспроизводимость цепочки событий ограничивается прошлым, то сказуемое главной части принимает форму на =атаң; см. (4).

Форма на =ган=да может сочетаться и с другими формами сказуемых главной части. Например:

(5) Сенин андый сөстөринди ук=ка=м=да, торт ло мени электеп-каткырып тургандый (Хр.) – Когда я слышу такие твои слова, меня словно

кто-то осмеивает (форма на =гандый передает значение кажности, что хорошо совмещается с семантикой формы на =ган=да в ЗПЕ).

(6) Мениг балдарыма сүүнчилү болгон=ын=да, мениг жүрегеме жеңил – Когда моим детям весело, моему сердцу легко. Именное сказуемое без связи сигнализирует о настоящем времени, которое в данной временной конструкции всегда является постоянным. ЗПЕ на =ган=да может сочетаться и с главной частью со сказуемым в формах на =р / =бас, но это наблюдается редко:

(7) Кобыларды кеч=кен=де койонок коркып билбес – Зайчонок страха не знает, когда переходит ложбину (афоризм). (8) Шиндегер: /и/ ле /э/ табыштарды айт=кан=ыс=та, тилдиг бажы тандай јаар ичкери көдүрилип турар (АТ. 4 кл., 61) – Проследите: когда выговариваем звуки /и/ и /э/, кончик языка приподнимается к верхнему небу.

Форма на =р=//да, наоборот, представляет зависимое событие как конкретное, единичное, которое соотносится во времени с другим – тоже конкретным событием, четко локализованным во времени. В роли конечных сказуемых таких фраз обычно встречаем формы на =ды и =ган, которые в алтайском очень близки по смыслу и употреблению:

(9) Бригадир кел=ер=де, бис ончобыс иште болгоныс – Когда пришел бригадир, мы все работали. (10) Бис ол јанына кечип алар=ыс=та, тош бек болгон – Когда мы переплывались на ту сторону, лед был еще крепкий. (11) Бис уйуктап кал=ар=ыс=та, кем де бистинг кемебисти уурдай берген – Когда мы заснули, кто-то угнал нашу лодку. (12) Леня Голиковтың төрөл деремнезин гитлеровецтер олјолоп ал=ар=да, ол агаш аразы јаар партизандарга жүре берген (Сур.) – Когда гитлеровцы захватили родную деревню Лени Голикова, он убежал в лес к партизанам. (13) Качан бис ажанып јад=ар=ыс=та, ол конторага барып келди – Когда (=пока) мы ели, он сходил в контору.

Из приведенных примеров видно, что временная соотносительность событий реализуется в отдельных фразах и как разные виды одновременности, и как разновременность, следование. Это зависит от того, каковы аспектуальные характеристики предикатов, как они представляют каждое из взаимосвязанных действий: как краткие, точечные, или как протяженные. Это может зависеть от предельности или непредельности семантики простого глагола-сказуемого (напр., кел= предельный, кеч= не предельный; ср. фразы (9) и (10)); часто оказываются существенными наличие и тип вспомогательного глагола в составе аналитической формы сказуемого. Глаголы јат, =тур передают длительность, глаголы ал=, кал=, бер= и ряд других – краткость, точечность. Два длительных действия могут частично или полностью накладываться друг на друга, два кратких обычно следуют друг за другом, краткое может вписываться в длительность другого действия.

В предложениях с ЗПЕ в форме на =р=да сказуемое главной части может иногда принимать форму на =атан, с которой закономерно координирует форма ЗПЕ на =ган=да, о чем говорилось выше. Например:

(14) Ол окопторды, улустың собогин салар оролорды казып тур=

=ар=да, ыраак тууларын эске алынып, бичикке үренери керегинде сана-атан (Хр.-78, 143) – Когда он копал окопы, ямы для могил, вспо-миная далекие горы, думал об учении (грамоте). Ср. также: (15) Ол үренип тур=ар=да, бис ого кажы ла ай сайын 50 салковойдон көчүрип тур=атан=ыс – Пока он учился, мы каждый месяц посылали ему по 50 рублей.

Дистрибуция форм на =р=да и =ган=да здесь максимально сближается, и потому различающий их семантический признак проявляется особенно четко. Форма на =р=да представляет конкретное событие, одно, хотя и длительное, даже "квантованное" (фраза 15). Во фразе (14) форма казып тур=ар=да представляет рытье окопов и могил как единую длительность, занятую этой работой. Сравним:

(16) Ол окопторды... казып тур=ган=да, ыраак тууларын эске алынатан – Когда он рыл окопы, он вспоминал далекие горы.

В этом случае предполагается, что он регулярно вспоминал горы в те моменты, когда ему случалось рыть окопы. Во фразе (14) имеется в виду определенный период жизни, занятый рытьем окопов и воспоминаниями о горах. Но надо отметить, что сочетание с главным сказуемым в форме на =атан типично для ЗПЕ в форме на =ган=да, а не =р=да.

2. Тувинский язык

В тувинском языке в выражении общей временной соотносительности участвуют те же два причастия, причем причастие на =ган выступает в форме местного падежа, тогда как причастие на =р принимает две падежные формы: местного и дательного падежей. Всего, таким образом, микросистема включает три формы: на =ган=да, на =р=да и на =р=га. Использование каждой из этих форм регламентируется определенными правилами, описывать которые здесь мы, конечно, не имеем возможности, ибо они довольно сложны. Мы постараемся охарактеризовать лишь самые основные принципы их функционирования.

Системообразующими представляются нам прежде всего те же самые признаки, которые мы уже отмечали, говоря об алтайской системе. Это, во-первых, окказиональный характер временной связи между двумя единичными, конкретными событиями – в противопоставлении регулярному, воспроизводимому характеру цепочки из двух событий, т.е. устойчивости временной связи. Во-вторых, это аспектуальные характеристики глаголов-сказуемых. Но надо подчеркнуть, что системообразующая роль последнего признака в тувинском значительно выше; здесь вообще более значимы системные противопоставления простых и аналитических глагольных форм с разными вспомогательными глаголами, но особенно важны в данном контексте аналитические формы, выражающие длительные действия и образуемые с помощью глаголов состояния тур=, чор=, омур= и ыт=.

Форма на =ган=да в тувинском языке употребляется довольно редко. Обычно она передает регулярную связь событий во времени. Например:

(17) Шынап-ла, Мыкылай кел=ген=де, кожайны чыттыр ижирти-рин кызыдар (Сүр. 23) – И вправду, когда Николай приезжает, хозяйка напоить старается. (18) Доңа бер=ген=де, ажылдаары дам баар (ССо, А, 227) – Когда замерзнет, еще лучше работает. Здесь, как видим, действие закономерности, регулярность связи событий, никак не ограничиваются во времени. Сравним: (19) Бис өөүстүң чанынга кел=ген=ивис=те ыдывыс бисти ээрип уткуур турган – Наша собака встречала нас лаем, когда мы подходили к юрте. (19а) Кажан мен авамның оруктап кел чыдарын көр=ген=им=де, чүрээм ыстап аарый бээр турган – Когда я видел, как мать моя возвращалась по дороге, у меня начинало болеть сердце. В этих примерах регулярная связь фиксируется лишь в прошлом.

Форма на =ган=да в тувинском используется иногда и для выражения окказиональной связи событий; однако, как кажется, это бывает, когда зависимая часть представляет не собственно событие, а скорее веху отсчета времени. Например:

(20) Ийи хон=ган=да, Бадый акымдан айтырдым (ССо, А, 60) – Когда прошло двое суток, брата моего Бадый спросил я. (21) Хамык чүвениң үүрү эртип кал=ган=да, Узун-Аңчы ашак бот дугайты каш сестер чугааланган (Сүр., 10) – Когда все прошло, старик Узун-Аңчы от себя несколько слов сказал.

Проанализированные нами примеры не дают оснований заключить, что тувинская форма на =ган=да лишена собственного временного значения. Связь этой формы с временным планом прошлого, как нам кажется, сохраняется довольно ощутимо: она устраняется только в случаях вневременного значения сложной конструкции в целом.

Форма местного падежа причастия на =р от простых знаменательных, полнозначных глаголов употребляется в тувинском языке очень редко. Она выражает временную связь (одновременность) конкретных событий в прошлом или будущем:

(22) Аалдан үнер=им=де, хүн дал дүш, өгнүң аптара баарынга турган (ССо, А, 100) – Когда я выходил из зала, солнце было в зените. (23) А кире=р=им=де мырыңай доора чатпаладыр херип алгаш, кирген болгай мен (ССо, А, 92) – А когда я вползал, то совсем распластался, поэтому и залез (в нору); ср. единичные события в плане будущего: (24) Дуу мээң таалыңымны үн=ер=иң=де ап алыр сен... (ССо, А, 62) – Когда будешь выходить, возьмишь мою сумку... (25) Чок, оглум, азалардан корткаш эвес, аваң, хөөкүйүң сүнезини бурган ораныңче баарда, чырыткы болзун дээш чула үспейн турарымыс ол-дур ийин (ССо, А, 62) – Нет, сынок, мы не прекращаем ставить свечи не потому, что испугались злых духов, а для того, чтобы было светло, когда душа твоей бедняжки-матери пойдет в божье царство. Сказуемое главной части, как видим, принимает в таких случаях значение будущего времени или побудительного и желательного наклонений.

Форма на =р=да может выражать и регулярную связь событий:

(26) Кырган=авам бичии-ле шакпын суг кеж=ер=де, ынчаар чалбырыр (ССо, А, 102) – Бабушка моя молится так всегда, когда переходит хоть маленькую быструю речку.

Гораздо чаще форму на =р=да принимают зависимые сказуемые в

аналитических формах, представляющие собой сочетания деепричастия на =п знаменательного глагола с одним из четырех вспомогательных глаголов состояния (тур=, олур=, чор=, чыт=). Существенно, что эти глаголы в роли служебных компонентов аналитических форм принимают аффикс местного падежа непосредственно, т.е. без причастного аффикса: тур=да, а не тур=ар=да. Поэтому оценка этих форм как причастий на =р является условной, хотя и традиционной: она мотивируется историей языка, а не современными системными отношениями. Приведем соответствующие примеры:

(27) Кидин=не оът, чечек быжып тур=да, чулуп кургадыр, энде-вес болдурлар эвеспе, кайгалдарың (ССо, А, 79) – В самый разгар, когда зреют травы, цветы, они засушивают, не упуская этого момента, хитрецы. (28) Авам, ачамны хөлчөк=ла эки дүжөп чыдыр=ым=да оттурдун көрөм – Ты разбудила меня, когда я так хорошо видел во сне мать и отца. (29) Ол чуртту таварып караңгы имирде кара талдар аразы=биле эртип чыдыр=ымыс=та... бужар чиртим шимээн дойлуп=ла үндү (ССо, А, 36) – Когда через это стойбище проезжали..., поднялся невообразимый вой, шум.

Эта форма передает длительное конкретное действие, частично совпадающее во времени с главным. Собственного временного значения она не имеет; она "наследует" временное значение настоящего времени, присущее ее служебному компоненту, и трансформирует его в относительное значение "приблизительной одновременности", т.е. общей временной соотнесенности.

Третья форма – дательного падежа причастия на =р – противоположна форме местного падежа в том отношении, что она образуется и от простых знаменательных глаголов, в частности, и от глаголов тур= 'стоять', 'олур= 'сидеть', чор= 'ходить', чыт= 'лежать', когда эти глаголы выступают в качестве полнозначных. Падежный аффикс присоединяется в этом случае к полной, а не "усеченной" основе причастия: тур=ар=га (ср. тур=да) 'когда он стоял', олур=ар=ым=га (ср. олур=ым=да) 'когда я сидел'. Например:

(30) Оон ыңай, Чолдак=Ой деп күске чемнен чорааш, хүрээге кире маңнап келгеш, көрүп чыд=ар=га, хамык амытан кончуг улуг алдын бурганга тейлеп турган (ССо, А, 14) – Затем мышонок Чолдак=Ой, чтобы добыть себе пищу, забежал в церковь, и когда он лежал и смотрел, все, кто заходили, молились большому золотому богу. (31) Ам топтап дыннап олур=ар=ым=га, ол дүмбей арганың, өлүг кара сыннарның шыпшың деп чүвези черде чыткан кара даш=ла (ССо, А, 104) – Сейчас, когда я сижу и внимательно слушаю, тишина этого непроходимого леса, черной и мертвой горы кажется словно черный камень, лежащий на земле.

Семантическая специфика формы на =р=га определяется, видимо, ее противопоставленностью аналитической форме на =п + (тур)=да. Мы уже отмечали особую значимость оппозиции простых и аналитических форм в системе выражения временных отношений в тувинском языке, но детальное ее описание с учетом всех системных отношений выходит за рамки нашей работы.

В хакасском языке, как уже говорилось, существует много предикативных форм, принимающих аффикс местного падежа для выражения временных отношений между событиями. Общее значение временной соотнесенности, передаваемое этим падежом, в хакасском языке существенно уточняется и модифицируется в результате соотнесения с временной семантикой причастной основы. Так, самая употребительная форма местного падежа, форма на =ган=да, наследуя значение прошедшего времени причастия на =ган=, трансформирует его в значение следования главного события за зависимым:

(32) Онсар хайдар одырарын икінчили тарт=хан=да, Мочар ачазы хольнаң көзіткен... (МТ.ПТ,13) - Когда Онсар засомневался, куда сесть, его брат Мочар рукой указал... (33) Азырынпы ал=ган=да, ууңа пісті тасхар апарған (ФБ.ТО,55) - Когда поели, бабушка нас на улицу повела.

Глагол в форме на =ган=да представляет действие как совершившееся, за которым последовало другое. Эту форму регулярно принимают глаголы (причастия) с аффиксом =ыбыс=, который передает значение совершенного вида (см.: ГХЯ, 184). Например:

(34) Пүлөс пол=ыбыс=хан=да, ойын тохтаан (ФБ.ТО,56) - Когда стемнело, игра прекратилась.

Но в этой форме выступают и глаголы без аффикса =ыбыс=:

(35) Хаңан мин орыс тіліне иледе үгреніп ал=ган=да, тракторист ослнаң тоғазарға чалтанминыбысхам (НТ.ТКО,31) - Когда я русскому языку больше научился, с парнем-трактористом встречаться перестал стесняться.

Эта форма сочетается с частицей =ох=, усиливающей основную ее семантику, временную:

(36) Күреңат, сала ла поза паа тартыл=ган=д=ох=, хынңаң даа сөзін сахтабин, турын алған (НД.ЫЛ, 20) - Как только вожди чуть потянулись, Рыжка, даже не дожидаясь любимого слова, остановилась. Значение общего следования благодаря частице переходит в значение быстрого, непосредственного следования. Ср. также: (37) Піске, килген=д=ок=, саайлан парған кізі учураан, ана ол киреңі (ФБ.ТО,60) - Нам, как только пришли, встретился пострадавший (от несчастного случая) человек, вот он свидетель. (38) Хойларны хазаа тастына сыгар кил=ген=нер=ін=д=ок=, хазаа чабии түс чөрібістір (МП,13) - Как только овец вывели из стойки, крыша стойки обрушилась.

Эта форма выражает не просто временную соотнесенность, а специализированное временное значение. Но такое "усиление" значения формы на =ган=да свидетельствует о том, что семантика следования заключена уже в этой форме, чего нельзя сказать о форме на =ган=да в алтайском и тувинском языках. Это своеобразие хакасской формы связано с ее противопоставленностью форме на =чатхан=да, которой в алтайском и тувинском нет. Форма на =чатхан=да передает длительность зависимого действия, которое обычно предстает как частично одновременное главному; последнее может быть длительным или кратким. Например:

(39) Урок соонда ибээр нан=чатхан=да, аргызы Ваяндаң сурыбысхан (МП,33) - Когда после уроков шли домой, друг у Вани спросил... (40) Нинаңа тыло пазында одыр=чатхан=да, кинетін саасхан сатри түскен (ТБ.ХС,6) - Когда Ниночка сидела на кочке, вдруг закричала сорока. (41) Идеемде сөргөн ағыл=чатхан=ым=да, Чорахаңаң уруныс парғабыс (ГК.АХ.Т,20) - Когда, в подол завернувшись, несла, с Чорахой повстречалась. Главное событие, как точка или малый отрезок, вписывается в длительность зависимого события.

К рассмотренной конструкции близка по семантике конструкция со сказуемым зависимой части в форме причастия настоящего времени на =иған=:

(42) Класс (эин ас пар=иған=да, Аңис хыгырып алған (ФБ.ТО, 47) - Когда (в тот момент, когда) открывал дверь в класс, Аңис позвал. (43). Тылодан тылога хаалап пар=иған=да, кинетін хыринаң... хус ханат сабыныбысхан (ТБ.ХС, 4) - Когда, с кочки на кочку перешагивая, шел, вдруг рядом птица крыльями замала.

Длительность зависимого события в конструкциях с формой на =иған=да прослеживается отчетливее, чем с формами на =чатхан=да. Формы пар=иған=да и кил=иған=да (от вспомогательных глаголов пар= 'идти, (уходить)', кил= 'приходить') выступают обычно в сочетании с деепричастиями на =п= в составе аналитических форм зависимых сказуемых: ас паріғанда - 'в то время, когда (пока) открывал', чағдап паріғанда - 'в то время, когда (пока) приближался'.

Причастие на =р=, которое, как мы видели, в алтайском и тувинском языках используется для выражения общей временной соотнесенности, выступая в местном, а в тувинском и в дательном падеже, в хакасском передает более специализированные временные отношения:

(44) Чылыр паст=ир=да, мині сұр сыхханар - Перед тем как начать собрание, меня стали выгонять. (45) Ибіңек иркенін алт=ир=да, Майрадаң уруныс парғанар (ГК.АХ.Т, 12) - Перед тем как порог переступить, с Майрой столкнулись (они).

Таким образом, причастия на =р=, на =ган= и на =чатхан= образуют в хакасском языке специфическую микросистему, распределяя между собой те основные значения, взаимная противопоставленность которых как раз и снимается в грамматической семантике общей временной соотнесенности: одновременность составляет значение формы на =чатхан=да, следование - формы на =ган=да, предшествование - формы на =р=да.

Значение общей временной соотнесенности передается по-хакасски прежде всего именными конструкциями, в составе которых форму местного падежа принимают именные формы зависимых сказуемых. Это могут быть имена наличия и отсутствия - пар 'есть' и чоң 'нет (нету)':

(46) Хайдар парзыннар за ир кізі ибде чоң=та (ГК.АХ.Т,51) - Что же им делать (букв.: куда же им идти), когда (если, раз) мужины в доме нет. (47) Бүст пар=да, хоостирга кирек чоң... (ИК. МН, 71) - Когда (если, раз) бүст есть, рисовать не надо...

Как видно из этих примеров, на временное значение этих форм нередко накладывается значение обусловленности в условно-причинном варианте.

Эту форму могут принимать и предикативные имена свободной семантики, например качественные:

(48) Овчинниковтың пазы изен=де, нимезін хорығар (ХЧЧ, 77) – Когда (если, раз) Овчинникова голова цела, чего бояться. (49) Маагаа даа паза, пабазы тіріг=де, чоон аңа – абаа аңирға киліспіндір (ИК.МН, 35) – И Мааге больше, пока отец (был) жив, на большого зверя-медведя охотиться не приходилось (видимо).

Эту форму, как отметила О.В. Субракова, могут принимать и существительные, обозначающие местонахождение и потому стоящие (в роли сказуемого простого предложения) в форме местного, пространственного, падежа. При постановке такого предложения в позицию зависимой части сложной временной конструкции эта предикативная форма принимает второй аффикс того же местного падежа, но на этот раз не "пространственного", а "временного":

(50) Пиңем иб=де=де, син кил пар (разг.) – Ты заходи, когда сестра моя дома. (51) ...Харындазы осказы хырин=да=да, агаа күс кірчеткен оскас пілдір парған (ТБ.ХС, 70) – ...Когда тот, кто был ему как брат, находился рядом, показалось, будто силы возвращаются к нему.

Общая временная соотносительность передается и формой местного падежа причастий на =чаң и на =гадаг=:

(52) ...Хачан пайда тоғын=чаң=да, пір дее мындаг полбачаңзым (НТ.ТКӨ, 140) – Когда на бая работал, никогда таким не был (ты). (53) Аны Опан чахсы көрген тайызының орнына чылгы хадар=чаң=да (НТ.ТКӨ, 140) – Это Опан хорошо видел, когда пас вместо дяди табун.

В этих конструкциях идет речь о действиях обычных, повторяющихся (во взаимной связи) в прошлом; ср. сходную функцию формы на =ганда в алтайском языке. Конструкции же с формой на =гадаг=да выражают временную соотносительность двух действий, одно из которых (зависимое) ещё только ожидается в будущем. Например:

(54) Люда үрген пірік прайзына чит=пе=едег=де, пасха хызычактар порчо үзерге чүгүріскеленер (ИК.МН, 58) – Когда стало ясно, что шапочек, которые Люда сплела, всем не хватит, другие девочки побежали рвать цветы (букв.: 'когда шапочек, которые Люда сплела, всем должно=было=не=хватить, другие девочки...').

* * *

Особо следует остановиться на функционировании в составе временных сложных конструкций ЗПЕ со сказуемыми – падежными формами причастия еще не совершившегося действия на =галак. Во всех трех тюркских языках это причастие выступает в форме местного падежа, который и в этом случае, как и в рассмотренных выше, выражает семантику общей временной соотносительности. Однако специфическое временное значение самого причастия на =галак вносит существенные коррективы в итоговую семантику конструкции. Временная соотносительность (типа приблизительной одновременности) устанавливается не между моментами совершения двух действий, а между моментом, когда совершается главное действие и еще не совершается действие зависимое, хотя оно и ожидается. Соответственно, фразы этой структуры естественно понимаются как выражающие опережение зависимого события главным. Приведем примеры из алтайского языка:

(55) Мен слер бери кел=телег=ер=де слер керегинде көпти уккам – Я много слышал о вас, когда вы еще сюда не приехали (до того как вы сюда приехали). (56) Кар кайын=галак=та, бис андап чаналу жүрүп туратаныс – Когда снег еще не растаял (до того как растаял), мы ходили на охоту на лыжах. Ср. эту форму при главном сказуемом не прошедшего времени: (57) Бригадир кел=телек=те, мин ол ишти бүдүрүп сал=арым – Я кончу эту работу, когда бригадир еще не придет (до того, как придет). (58) Мен бойым ойгон=голог=ым=да мени ойгоспо – Не буди меня, пока я сам не проснусь (до того как проснусь). (59) Адам кел=телек=те меге курсак азып койор керек – Мне нужно приготовить обед, пока отец еще не пришел (до того как придет).

В тувинском языке эта форма употребляется подобным же образом, но она встречается реже, чем в алтайском и хакасском. Само причастие на =галак в тувинском имеет семантику непосредственно ожидаемого будущего, т.е. "негативный компонент" семантики этой формы здесь подавлен. Это ощущается и в употреблении формы на =галак=та в составе ЗПЕ. Например:

(60) Даң ат=калак=та, караңгы, көк дээрге ойнаарынче далашкан чүве ышкаш, сылдыстар аажок чайнап турганнар (СТ, 81) – Яркое вспыхнуло звезды, как будто спешили наиграться в темной синеве, пока еще не настал рассвет (когда вот-вот наступит рассвет). (61) Ай үн=телек=те, бис артка чоокшулап келген бис – Мы подъехали к перевалу, когда луна еще не взошла (но вот-вот взойдет).

В материалах по тувинскому языку, собранных в экспедиции 1980 г., в основном в пос. Тээли и Хара-Хөл, наряду с формой на =галак=та зафиксирована форма на =баалак=та, =бээлек=те, представляющая собой отрицательную параллель к первой. Однако по содержанию эта форма не является "отрицанием отрицания", – с формой на =галак=та ее связывают другие отношения. Сравним:

(62) Ай үн=мээлек=те, бис артка чоокшулап келген бис – Мы подъехали к перевалу, когда луна еще не взошла.

Фразы (61) и (62) при общности перевода различаются тонким оттенком значения – форма на =бээлек=те еще сокращает интервал до осуществления события. Ср. также:

(63) Сиген кезилдези эгеле=вээлек=те ремонтуну доозуптар дээш далажып турдуvus – Мы спешили закончить ремонт, пока еще не начался сенокос (= когда вот-вот начнется сенокос).

На этом примере можно видеть, как временная семантика связи непосредственно перерастает в причинную – 'потому что вот-вот начнется сенокос'.

В хакасском языке форма на =галах в форме местного падежа выражает предшествование главного события зависимому, причем предшествование, близкое к одновременности. При наличии конкретизаторов временного и пространственного значения конструкции с ЗПЕ на =галах=та могут выражать частичную одновременность:

(64) ...Ырах таа пар=галах=та, автомат тадыри түскен (ИК.ЧХ) – ...Далеко даже не прошел, как затрещал автомат. (65) Суғ інзер прай кир=телек=төк өркенд пазы көрине түске (ТБ.ХС, 11) – Еще до того, как вся вода пошла в нору, показалась голова суслика.

В последнем примере зависимое событие уже началось, но не успело завершиться к моменту, когда совершилось главное; мы говорим в таком случае о частичной одновременности. Элиминировав конкретизатор прай 'вся', получим: Суг изер кiр=гелек=тöх, оркениц пазы кöрiне түскен - 'еще до того, как вода попала в нору, показалась голова суслика'; это отношения "чистого" предшествования. Частица ох в данной конструкции, морфологически сливаясь, срастаясь с падежным аффиксом причастия (=гелек=тeтöх → гелек=тöх), усиливает семантику предшествования и может вносить оттенок смысла 'задолго до того'.

В хакасском языке употребляется также форма дательного падежа этого причастия - галах=ха, которая передает предшествование главного события зависимому:

(66) Ханыг тустар пiс тöр=елек=ке ирт парганнар, тидiрбiс (ГК. АХ.Т,75) - Интересные времена до того, как мы родились, прошли, говорим мы обычно. Ср. также: (67) Ады тур=галах=хах, оң азагын изер хамагынаң азыра тастап, түзiре сегiрiбiскең (МТ.ПТ,54) - Еще задолго до того как его конь остановился, правую ногу через переднюю часть седла перекинув, спрыгнул. Здесь причастная форма присоединила частицу ох, усилившую значение разрыва во времени.

Ни в тувинском, ни в алтайском языке, форма на галак в дательном падеже в конструкциях временной семантики не встречается.

В алтайском языке в говоре с.Яконур Усть-Канского района нами была обнаружена форма ба=галак=та, морфологически аналогичная той, которая раньше была обнаружена нами в тувинском языке. Однако в алтайском, насколько мы можем судить, эта форма употребляется всего от двух-трех глаголов:

(68) Балдары школго бар=ба=галак=та, ол туул келин болуп калды (Н.В.Тепуков) - Она стала вдовой, когда дети-ее еще не ходили в школу. (69) Мен гöрод бар=ба=галагымда, öлöндi чаап алаак (С.Манигов) - Пока я еще не уехал в город, давай скошим траву. (70) Мен бaзып бил=бе=гелег=им=де, адам меге чанала эдип берген (Н.В.Тепуков) - Отец сделал мне лыжи, когда я еще не умел ходить. С.К.Манигов и Н.В.Тепуков - авторитетные, квалифицированные носители алтайской речи, их свидетельствами мы не можем пренебрегать.

Мы видим, таким образом, что падежные формы ЗПЕ с причастными сказуемыми составляют фундамент общего множества форм, конституирующих класс темпоральных моделей в трех изучаемых нами тюркских языках. Это самые простые структурные формы, и они же - самые семантически емкие. Каждая падежная форма в составе темпоральной конструкции, попадая в различные лексические и грамматические окружения, семантически модифицируется, обогащается различными смысловыми оттенками обусловленности, которые в определенных условиях начинают доминировать над базовым темпоральным значением, оттесняя его на второй план (что особенно наглядно в случае с исходным падежом). В этой системе задействовано несколько падежей, но первое место безоговорочно принадлежит формам местного падежа. Эти формы образуются от широкого круга причастий - почти от всех причастий, способных быть сказуемыми зависимой час-

ти сложного предложения и участвовать в предикативном склонении (исключение - алтайское причастие на атаң, которое может принимать форму местного падежа, но не во временных конструкциях, а в конструкциях с управляемой ЗПЕ типа "виноват в том, что"). Они образуются также от именных форм сказуемых ЗПЕ, передавая естественное для этого падежа значение "вмещения", но не в пространственном, а во временном смысле: 'в то время, когда'. Видимо, не случайно падеж с этой семантикой интенсивнее остальных падежей участвует в формировании полипредикативных конструкций самых разных агглютинативных языков мира.

§ 3. Падежные формы ЗПЕ в конструкциях с семантикой обусловленности в тюркских языках

Семантика обусловленности несомненно сложнее темпоральной семантики, и специальные выражающие ее формы складывались в языках, когда уже сложилось ядро темпоральных микросистем. Формирование микросистем обусловленности шло, по-видимому, разными путями, но главным из этих путей, видимо, было соответствующее развитие, модификация темпоральных форм, приспособление их к выражению более сложных значений - причинных, условных и уступительных. Подобному приспособлению подвергаются и интересующие нас сейчас падежные формы ЗПЕ.

Мы уже отмечали, что исходный падеж, базовым значением которого, как естественно думать, было значение следования во времени, в современных тюркских языках Южной Сибири почти не употребляется без послелогов. Но в причинном значении эта форма встречается во всех трех языках. При этом она явно тяготеет к именным, а не глагольным сказуемым. Аффикс исходного падежа принимает либо сама именная форма:

(71) Тув.: Хамык багай чүве, мээң өскүз=ум=ден - Все мои беды оттого, что я сирота. (72) Мээң аас=кежик чогу=дан шупту чүве болган - Все мои беды из-за того, что счастья у меня нет. (73) Акшам чогу=ум=дан аар өртектиг чүве садын ап шыдавас-тыр мен - Так как денег у меня нет, я не могу покупать дорогие вещи; либо приименная связка бол:

(74) Тув.: Сээң кортук бол=ган=ың=дан ол бүгү чүве багай болганы ол-дур - Все твои беды оттого, что ты трус. (75) Балкытын улуг бол=ган=ың=дан мен уштуп безин чадар каан мен - Из-за того: что рыба была большая, я не мог ее вытащить. (76) Алт.: Бастыра сениг түбектеринг öскүс бол=гон=ың=нан - Все твои несчастья из-за того, что ты сирота.

ЗПЕ с глагольным сказуемым эту форму принимают очень редко:

(77) Тув.: Уруглар аажок могапкан=ың=дан, бис бажыңывыска чедип кээривис билек дораан удуп калганнар - Из-за того, что дети очень устали, они уснули сразу, как только мы добрались домой.

Отметим, что в этой конструкции, которая понимается как при-

чинная, т.е. содержащая сирконстантный, "обстоятельствный" зависимый компонент, предикативный узел ЗПЕ организован по изафетной схеме, так, как организуется ПУ в сильноуправляемых ЗПЕ.

Для выражения причинных отношений между событиями используются и формы местного падежа ЗПЕ, аффикс которого принимают различные причастия. Как уже говорилось, этот падеж выражает прежде всего временную соотносительность. Нередко причинное значение, а точнее, причинная интерпретация накладывается на грамматическую, формально выраженную временную семантику: причинное понимание фразы диктуется не столько грамматикой, сколько жизненным опытом. Однако анализ примеров показывает, что существуют вполне определенные приемы выражения причинных отношений с помощью падежных форм, выражающих и временные отношения. Существенным в этом плане оказывается оформление главного сказуемого. Например:

(78) Алт.: Мындый каар јаа=ган=да, чанаалу јыгылап барарыс - Раз выпал такой снег, пойдем кататься на лыжах. (79) Тув.: Бо хире хар чаап=кан=да хаактар бис (смысл тот же). (80) Кадайланш алган бол=ган=да, өг-булеңни чөмгөргө хөрек - Раз ты женился, нужно кормить семью. (81) Дүштеки чөм изиг бол=ган=да, дораан чип альпылчар - Раз обед горячий, сразу и поедим.

Количество и регулярность такого рода примеров свидетельствуют о том, что в современном тувинском языке это уже формализованный способ выражения причинных, а не временных отношений, причем данная конструкция, с главной частью в повелительной форме или в будущем времени, передает не общую причину (рус. потому что, так как), а то специфическое причинное значение, которое особенно близко соотносится с условным и выражается по-русски союзами раз и если уж. Условные отношения с необходимостью предполагают альтернативу: обуславливающее событие может произойти или нет, и соответственно произойдет или не произойдет обусловленное им второе событие. В конструкции же с союзом раз (и в соответствующей тувинской конструкции с местным падежом ЗПЕ в форме на =ган=да) выбора уже нет, первое событие совершилось, и его следствием явилась возможность или необходимость второго события. Поэтому семантика этой конструкции причинная, а не условная. Но, как показала Л.Л.Бабалова (1974) на русском материале, "условная альтернатива" здесь не устраняется вовсе, а сдвигается в пресуппозицию, так что совершившееся событие предстает как противоречащее ожиданию говорящего.

В алтайском языке такое употребление формы на =ган=да тоже возможно, но гораздо чаще описанная семантика выражается формой =ган болзо//, т.е. на базе условной формы:

(82) Сен кизи алыш аларга тур=ган болзон, ал - Раз ты решил жениться, женись.

В хакасском языке в аналогичной функции используется форма на =чатхан=да:

(83) Јсті дее, хызын пирбес кизе пир=четкен=де, киміртче но-за (ГК.АХ.Т.6) - Да и душу ведь точит-скребёт, раз (коли, поскольку) дочь выдаёт не за того. Ср.: (84) Јчөмнөң пабам көл пуғазына-

нар нима тібеенн=ер=ін=де, мин дее тапсабадым - Поскольку (раз) мать с отцом об озёрном быке ничего не говорили, то и я не говорил.

Однако в этих хакасских примерах значение причины, противоречащей ожиданию, не прослеживается так ярко, как в рассмотренных тувинских и алтайских с формами на =ган=да.

В алтайском языке, по свидетельству Н.П. Дыренковой, причинное отношение может выражаться "причастным оборотом с послелогом ла/де", который соответствует орудному (творительному) падежу. Однако ни в наших материалах, ни в её примерах мы не нашли этому четкого подтверждения: формы на =р=//=ла и =ган=//=ла выражают скорее совместность, параллельное разворачивание событий, чем причинные отношения.

Стоит немного остановиться на значимости отрицания в плане выражения причинных отношений с помощью форм, первичным назначением которых в сфере сложного предложения является выражение временных отношений. В то время как положительные формы, =ган=да и =р=да, в подавляющем большинстве употреблений во всех трех языках выражают временную соотносительность, их отрицательные аналоги, =ба=ган=да (=ба=ан=да) и =бас=та, в целом встречающиеся гораздо реже положительных форм, как правило, передают достаточно яркую причинную, условную, а в сочетании с частицей =даа (=да) и дополнительную уступительную семантику. Например:

(85) Алт.: Көбжиг чыгар=ба=ган=да, кемнинг курсак јиир күүни келер! (Т, 18) - Кому придет желание есть, когда (раз, если) ты не вынул чугунок! (86) Бүгүн де көбштө кайнап турган этти ол ји=бес=те, кем јиир? (Т, 17) - Если и сегодня варившееся в чугунке мясо он не будет есть, то кто же его будет есть? (в этом примере временная интерпретация представляется нам невозможной).

Значение обусловленности, в причинном или условном варианте, во фразах появляется и тогда, когда отрицание входит в главную часть, а также и тогда, когда формально отрицания во фразе вообще нет, но ситуация характеризуется негативно:

(87) Алт.: Суу соок бол=ор=до, бис эжинбедис - Из-за того, что вода была холодная, мы не купались. (88) Карган оббоңнинг сөзин укпай, немени эд=ер=ис=те, јеткер болгон - Из-за того (не 'когда!'), что, не послушав совета старика, мы поступок совершили, беда случилась. (89) Тув.: А шак ынчалдыр кызып как=пас=ка, хырның кажандаа тотпас болгай (ССо.А.49) - А вот, когда (если) таким образом не постарайся, живот твой никогда не насытится ведь. (90) Хака.: Аңчы кизидиң аңзы чоң полбачаң аңа урунар=ы=наң хорыг=ар=да, ноо нима тайгаа чөрөң (ИК.МН, 111) - У охотника без этого не бывает, если бояться угодить на зверя (=медведя), зачем в тайгу ходить.

Конечно, эти и подобные значения у рассмотренных падежных форм ЗПЕ не являются основными. Они реализуются не так часто, как базовые временные значения, и, с другой стороны, различные значения обусловленности обычно передаются другими, собственными средствами, такими формами, которые временных отношений между событиями не передают. Однако возможность использования "первичных" падежных форм основных причастий, и особенно использование

формы местного падежа для выражения значений обусловленности, представляет, как мы думаем, специальный интерес с точки зрения реконструкции исторического пути становления системы сложного предложения и исследования генетических связей между разными типами синтаксических смыслов, выражаемых разными моделями СП.

§ 4. Обстоятельственное употребление причастно-падежных ЗПЕ в бурятском языке

В бурятском языке в обстоятельственных значениях употребляются предикативные формы всех косвенных падежей, хотя и с разной степенью частотности. Наиболее широко используются формы дательного местного падежа (=да) от причастий будущего (=ха) и прошедшего (=хан) времени.

Как уже говорилось, в конструкциях с обстоятельственным значением причастия утрачивают абсолютное временное значение, поэтому падежные формы (в частности, датива) от причастий будущего и прошедшего времени начинают идиоматизироваться, различаться не по временному, а по какому-либо другому признаку. Как было показано в § 2, в алтайском их различает признак "регулярная или окказиональная связь событий во времени", в хакасском одна специализируется на выражении следования, другая - предшествования.

В бурятском аналогичные формы расходятся иначе: форма =ха=да выражает временное отношение (общую временную соотнесенность), форма на =хан=да - причинное. Отрицательные формы также идиоматизируются: форма =ха=гүй=дэ выражает причинное отношение, форма =аа=гүй=дэ (причастие настоящее-прошедшего времени на =аа заменяет причастие на =хан перед отрицательным аффиксом =гүй) имеет два смысловых варианта: причинный, более редкий, и временной (значение предела во времени - 'пока не'), встречающийся значительно более часто. Рассмотрим эти формы по отдельности.

Конструкция с ЗПЕ в форме на =ха=да передает недифференцированное соотношение во времени, общую временную соотнесенность:

(91) Нагаса эжын үнөөдээ туужа ошо=хо=до=нь, би бүхы юмээ бэлдэхэб (Бат., 4) - Когда бабушка будет выгонять коров, я все приготовлю. (92) Нургуулида нуража эхил=хэ=дэ=э, тоо толожо, ном уншажа шададаг болохоб (Дамб., 12) - Когда начну учиться в школе, смогу считать, читать книги. (93) Эгээ түрүүшээр хайшан гэжэ шоно алаһанаа хөөрө=хэ=дэ=м, хүн үнэншэжэ үгэдэггүй (Лубс., 18) - Когда я рассказываю, как я в первый раз убил волка, люди не верят. (94) Али хадын үбэрэй хүүртэ хэбтэ=хэ=дэ=э амарха гүбди (Дамб., 132) - Или, может мы успокоимся, когда ляжем в могилу на южной стороне горы.

Конструкции общей временной соотнесенности характеризуются тем, что при изменении аспектуальных характеристик главного и зависимого сказуемых характер временного соотношения событий конкретизируется. Так, если зависимое сказуемое выражено формой, передающей длительность события (например, аналитической формой Т_у=жа

бай=), конструкция приобретает значение одновременности ('в то время, когда'), с формой завершенности действия (напр., =аад бай=) - значение следования, с формами намерения или готовности к действию (=хаа бай=, =хаар бай=) - значение предшествования.

(95) Тагарай гансааран хүдэл=жэ бай=ха=да, тэрээндэ амаржа нуухань таагүй (Дамб., 79) - В то время, когда Тагар в одиночку работает, сидеть и отдыхать ему (Шыбану) неудобно. (96) Макар Петровичай ород зүрхэн ород газарайнгаа бархиржа, ород зонингоо хүйдтэ=жэ бай=ха=да=нь, намарай хонгор үдэр мэтэ амгалан байжа тэсээгүй (Тум., ТБ, 27) - В то время, когда стонет русская земля, когда бедствует русский народ, русское сердце Макара Петровича не могло быть спокойным, как летний ласковый день. (97) Саадаа галдая. Гитлеровецүүдые үлд=өөд бай=ха=д=аа, баһа дахин иимэ саад тарихабди (Тум., ТБ, 18) - Сожги свой сад. Выгнав гитлеровцев, еще такой же сад посадим. (98) Тэрээнхээ хойшо хэдэн жэл үнгэр=өөд бай=ха=да, Макар Петрович... колхоздоо саад тариха захалһан байгаа (Тум., ТБ, 16) - Несколько лет спустя после этого (букв.: когда прошло несколько лет), Макар Петрович... начал сажать сад для колхоза. (99) Хабар дулаахан боложо, модоной набшаһал=хаа бай=ха=да, Илалтын хорин табан жэлэй оёе тэмдэглэхэбди (Шыд., 131) - Отметим 25-летие Победы, когда наступит весеннее тепло, когда листья вот-вот распустятся (т.е. незадолго до того, как распустятся листья).

Появление в составе формы на =ха=да отрицательного аффикса =гүй привносит причинный оттенок:

(100) Хэдэн жэлэй саана бороо хурын оро=хо=гүй=дэ, нарихан горход таһалдажа, ган гасуур боложо эхилээ бөлэй (Дамб., 103) - Несколько лет назад, когда (из-за того, что) не шел дождь, тоненькие ручейки пересохли, началась засуха. (101) Янжамын юмэ дуугар=ха=гүй=дэ, хөөрэлдөөнэй хабагша татаха баатай болоно ха юм (Х, 48) - Раз Янжима ничего не говорит, приходится вести разговор. (102) Шыбаан гэртээ ерөһөнээ ойлгоходоо, угтажа хүнэй гара=ха=гүй=дэ=нь, хараал шэрээл табиһаар... (Дамб., 57) - Шыбан, поняв, что приехал домой, сыпья ругательствами, потому что никто не вышел встречать... (букв.: встречающие люди не вышли). (103) Бүтид басаган эжынгээ удаан ерө=хэ=гүй=дэ=нь, байд гээд лэ газаша гаража харана (Дамб., 16) - Девочка Бүтид, поскольку мать долго не возвращается, через некоторое время наружу выйдя, смотрит.

Форма датива причастия прошедшего времени на =хан и его отрицательного эквивалента =аа=гүй передает причинные отношения:

(104) Будреева добо өөдэ түргэн яба=хан=д=аа жааха амида-башье хаа... (Мунг., БЗ, 53) - Будреева, хотя и немного запыхалась оттого, что быстро поднялась на холм... (105) Баатар халууда=хан=д=аа хүүртигээ тайлажа, гартаа баряад ябана (Бат., 16) - Баатар, поскольку разошелся, куртку сняв, в руках несет. (106) Ямар хэрээрби гэжэ асуу=гаа=гүй=дэ=нь ханаань тэгшэрбэ (Х, 17) - Сердце ее успокоилось, поскольку он не спросил, по какому она делу.

Однако основное значение отрицательного причастия =аа=гүй в форме датива - выражение предела во времени ('до тех пор, пока', 'пока не'):

(107) Теэд хүн гээшэ эдижэ үз=өө=гүй=д=өө этигэдэггүй юм (Дамб., 108) - Но ведь человек пока не попробует на вкус, не поверит. (108) ... Бүхы аргамжаа хайтар бухалай хормой доогуур оруул=аа=гүй=д=өө ханаагаа амархагүй (Лубс., 49) - ... Пока всю веревку хорошенько по основанию копы не пропустит, не успокоится.

В систему временных причастных форм с дативом в бурятском входит еще одна форма - =аа=дүй=дэ, где =дүй - отрицательный аффикс со значением 'еще не' (отрицание события, ожидаемого с уверенностью, но еще не осуществившегося; =гүй - общее отрицание); ср.: ерээ=гүй 'не приехал', ерээ=дүй 'еще не приехал (но вот-вот должен)'. В предикативном склонении аффикс =дүй пока встречен только в сочетании =аа=дүй=дэ; эта форма противопоставлена по смыслу как форме =ха=гүй=дэ ('когда еще не' - 'когда/поскольку не'), так и форме =аа=гүй=дэ ('когда еще не' - 'пока не'). Примеры:

(109) Шүү дэрэй үшөө хат=аа=дүй=дэ гэрхээ гараабди - Мы вышли из дома, когда еще не просохла роса. (110) Шинии үшөө хэр=ээ=дүй=дэ тэрэшни ерээ - Он приходил, когда ты еще не проснулся.

Бурятская форма =аа=дүй=дэ, таким образом, является полным аналогом тюркской формы =галак=та с причастием еще не осуществившегося действия в местном падеже.

Значение 'когда не' в бурятском может быть выражено также специальной аналитической формой с участием вспомогательного глагола бай ('быть'); этот глагол принимает на себя показатель общей временной соотнесенности - группу аффиксов =ха=да, а полнозначный глагол в форме причастия (чаще всего на =аа) принимает аффикс отрицания (=аа=гүй, =аа=дүй):

(111) Үхибүү дэйн үшөө хургуулида ор=оо=гүй бай=ха=да үбгэ-ниинь наһа бараһан - Ее муж умер, когда дети еще не ходили в школу. (112) Бабай минии ябажа хур=аа=гүй бай=ха=да=мни сана намда хээ - Отец сделал мне лыжи, когда я не умел ходить. (113) Эжы, ханана гүш? Хургуулида үшөө ор=оо=дүй бай=ха=да=мни хэн бидэни халан абахаб гэдэгээ (Дамб., 134) - Мама, помнишь? Как (ты) говорила, когда я еще не ходила в школу, - кто нас примет? (114) Соло дуудалгын үшөө дүүр=ээ=дүй бай=ха=да, Хайдаб үбгэнэй ташуу-раа дээрэ үргэжэ... (Шойд., 109) - Еще когда восхваление не окончилось, старик Хайдаб поднял свой кнут...

Временные формы с дательным падежом в определенных условиях могут передавать и нейтральное условно-временное значение - если действие главной части представлено как вневременное, постоянное или потенциальное:

(115) Нүхэдтөө хэлэ=хэ=дэ=м үнэншэхэгүй (Бат., 38) - Друж-ям если (когда) расскажу, не поверят. (116) Нүтэй халуун ногоон сай уу=гаа=гүй=д=өө ямар буряад малшан муртэй малшан боложо ша-дахаб даа (Мунг., БЗ, 49) - Горячего зеленого чая с молоком если не пьет, какой бурятский скотовод может стать толковым скотоводом?

Формы исходного падежа (=һаа) в зависимом сказуемом бурят-ских ППК также разошлись по значению и употреблению; формы с причастием будущего времени (=ха=һаа) в обстоятельственных кон-струкциях нам не встретились ни разу - они специализировались в кон-

струкциях управляемых ('отрицательный прогноз' с глаголом ай= 'бояться'; см. главу пятую; § 2, 3). Формы с причастием прошедшего времени (=һан=һаа, отрицательная форма =аа=гүй=һөө) в обстоятельст-венном употреблении имеют два смысловых варианта: более частотный причинный и временной. Проиллюстрируем причинные конструкции:

(117) Дугар халууда=һан=һаа юм гү, али зүүдэл=һэн=һээ гү гэн-тэ хэришэнэ (Бат., 76) - Дугар внезапно проснулся, то ли оттого, что стало жарко, то ли оттого, что сон увидел. (118) ... сула мори уна=һан=һаа, хада уулаар ябагаар маха=һан=һаа маяшаг хүлтэй боло-һон ... үбгэн ... (Б-79-1, 11) - ... старик, ставший немного криво-ногим от того, что часто ездил на лошади, по горам пешком пробирал-ся. (119) Бээз нэгэтэш гамн=аа=гүй=һөө=нь иигээл даа (Б-78-4, 135) - Так вышло потому, что (он) себя ни разу не пожалел.

Формы исходного падежа с временным значением - 'с тех пор как', 'после того как' - широко используются с послелогами (Черемисина, Скрибник, 1980), однако изредка встречаются и без послелогов:

(120) ... Бригадын тогоонһоо хооллоһон олонхи хүнүүдэй эди=һан=һээ=нь юунэйшье үлэхэгүй байһаниинь түрүүлэгшэдэ мүн лэ эли (Бадл., 22) - ... Председателю также ясно, что после того как многие питающиеся из бригадного котла люди поедят, ничего не останется.

(121) Шинии үшөө эсэгэтэйгээ бага байхадаа бидэндэ ерэ=дэг=һээ=һини шамайе мэдэхэб - (Я) помню тебя с тех пор, как ты еще ма-леньким (будучи маленьким) приезжал к нам со своим отцом.

Интересно, что чаще в текстах встречаются формы исходного вре-менного от прилагательных: багахан=һаа=нь 'с тех пор как он (был) маленький', арба=тай=һаа=н 'с десяти лет' (с тех пор как десятилет-ний) и т.п.

Формы совместного и орудного падежей в обстоятельственных ЗПЕ также выражают специализированные значения. Совместный па-деж при оформлении ЗПЕ со сказуемым - причастием будущего време-ни на =ха дает значение одновременности двух событий; однако при-меры такие чрезвычайно редки, поскольку в этом значении падежная форма обычно уточняется послелогами (Черемисина, Скрибник, 1980). Приведем пример без послелога:

(122) ... Бодохи хүжүүнээр гараа харабай=ха=тай=гаа: - Занхар! - гэжэ гүбэрбэ (Б-78-5, 78) - ... Неуклюже протянул руку и (одно-временно с этим) пробормотал: 'Занхар!'

Орудный падеж встретился только в сочетании с причастием бу-дущим на =ха, передающим значение потенциальности действия, и от-рицательным аффиксом =гүй; форма в целом имеет значение 'образа действия' ('таким образом, что не...'):

(123) Үхэтэрнш мартагда=ха=гүй=гөөр ойн ухаандамни ороһон юм гээбы, таахада (Мунг., БЗ, 65) - Думается, (это) в память мою запало так, что до самой смерти моей не забудется. (124) Шинии намайе хүсэ=хэ=гүй=гөөр би гүйгөөб - Я побежал так, что ты меня не догонишь (тебе меня не догнать). (125) Хари, мэдэхэгүй - гэжэ фермые даагша һөөл ойлгогдо=хо=гүй=гөөр харюусаба (Мунг., БЗ, 25) - "Однако, как знать", - уклончиво (букв.: так, что совсем не-понимаемо) ответил заведующий фермой.

Таким образом, можно сказать, что в бурятском языке при обстоятельном употреблении причастно-падежных ЗПЕ достаточно отчетливо прослеживается семантика падежей. Однако причастия, противопоставленные по времени, утрачивают в этой позиции временные значения, так что причастно-падежные формы вступают друг с другом в отношения иного типа, базирующиеся на иных основаниях. Тем самым эти формы идиоматизируются; открывается возможность к переходу их в деепричастия (ср.: Бертагаев, 1964, с. 241).

§ 5. Обстоятельные функции ЗПЕ в эвенкийском и маньчжурском языках (временные и причинные отношения)

Выражение темпоральной и причинной семантики закреплено в эвенкийском языке за разными падежными формами. Это связано с передачей разных типов значений (например, различие одновременности или предшествования), часто и более тонких смысловых оттенков, интерпретация и мотивировка которых вызывает в ряде случаев значительные затруднения. Известную роль играют здесь и диалектные расхождения. Чаще всего временные и причинные отношения выражаются в эвенкийском языке формами дательного и исходного (отложительно-го) падежей, в маньчжурском — дательного падежа.

В темпоральном значении эвенкийского дательного падежа реализуется статический вариант его семантики, что функционально сближает его с местным падежом тюркских языков. Однако в отличие от них, эвенкийский дательный передает значение одновременности, а не общей временной соотнесенности, которое, как выше было показано, может реализоваться и как значение фактического предшествования или следования. Значение одновременности предельно ограничивает возможность выбора временной формы зависимого сказуемого: в этой функции употребляется только причастие настоящего времени на =ри (без показателя продолженности действия =дя), которое имеет в данном случае относительное значение одновременности.

(126) Дюлавэр и=ри=ду=тын энэ савра бими Хуругучэн гунмуври дулин буга букатырин инмэ оксакан арай илдың тар хунилун (ФЭЯ, 48) — В то время как девушки входили в дом, богатырь средней земли Хуругучэн, став иголкой, незаметно проник вместе с этими девушками. (127) Илан долбони дялун=ты=ду=н эр бэе аран эче бурурэ (ФЭЯ, 64) — На третьи сутки (когда заканчивалась третья ночь) этот человек едва не упал. (128) Тадук кусил=ли=ду=вэр гумэтчэл бичэл (ИФЭ, 159) — Перед боем (когда начинали биться), договорились. (129) Би синэвэ=дэн, он=ка гуннэ, ноноты бакалды=ри=ду=вар эчэв синэ ухат турэттэ (ИФЭ, 43) — Я тебя, как ни говори, во время первой встречи дурным словом не обругала.

Причастия на =ри имеют ослабленное темпоральное значение, и, следовательно, образованные ими зависимые конструкции — ослабленную предикативность.

Темпоральное значение дательного падежа может осложняться

причинным. Последнее не имеет никаких средств грамматического выражения и обнаруживается в лексическом содержании предложения. В предложениях данного типа зависимое действие в течение протяженного отрезка времени, пока оно совершается, стимулирует одновременное с ним осуществление главного действия.

(130) Сонц-мата цэнэ=ри=ду=н сегдалин кикэдэрэ (ИФЭ, 98) — От движения (при движении) силача-богатыря только в ушах свистит. (131) Нуцартын кухи=ри=ду=тын тамнарил тамнадыра (ИФЭ, 99) — От их битвы (при их битве) туманы поднимаются. (132) Нуцартын валды=ри=ду=тын бутунну хэргу буга сэвээлин авахилин цэлэликсэл будэ (ИФЭ, 95) — От их битвы (при их битве) все авахи нижнего мира, испугавшись, умерли.

Дательный ("дательно-местный") падеж маньчжурского языка, как и дательно-местный бурятского и местный тюркских, передает значение общей временной соотнесенности. В темпоральных ППК с маркером дательного падежа употребляются причастия настоящего времени на =ра и прошедшего времени на =ха (в сибирском диалекте еще и варианты =га/=гэ/=го; =га/=гэ/=го; =ка/=кэ/=ко). Судя по нашим материалам, причастия настоящего времени более употребительны. Они выражают общую временную соотнесенность, т.е. приблизительное совпадение действий во времени с возможным сдвигом в сторону непосредственного предшествования:

(133) ...На де гйда=ра де уду тану морини соцко тучибуха вагйа... (Леб., т. 1) — ... Когда на землю надавливают, несколько сотен следов коней сделал... (134) ... Ябу=ре де цогу де уме јилган тучире... (Леб., т. 1) — ... Когда пойдешь, по дороге голоса не подавай. (135) ... Гама=ра де ши кутуэме гама... (Леб., т. 1) — ... Когда возьмешь, ты (коня) возьми за повод...

Маркер дательного падежа в сочетании с причастием прошедшего времени четко передает значение следования главного действия за зависимым:

(136) ... Мусе ере вахшамбе ге ва=ха де муке индари акчараку ежемби (Леб., т. 1) — ... После того как мы убили этих двух лягушек, вода будет течь непрерывно каждый день. (137) ... Ацэигэ чжусэ даму сафу и цэилгань бэ доньцэи=ха дэ, фаянга гэмү тухэмби сэцика (3) — ... Мальчики как только слышат голос учителя, так все и падают духом, так-то!

Временное значение эвенкийского отложительно-го падежа проявляется как динамическое темпоральное отношение между предшествующим действием ЗПЕ и следующим действием главной части. При этом действие ЗПЕ фиксирует момент, с которого или начинается главное действие, или ведется отсчет времени. Эта семантика обуславливает ряд морфологических особенностей зависимого и главного сказуемого. Во-первых, сказуемое ЗПЕ выражается только причастиями прошедшего времени на =на, =ча, =дяк, выражающими действие, предшествующее главному. Во-вторых, причастия имеют форму недлительного вида: в большинстве своем они обозначают конкретное единичное действие, фиксирующее момент начала главного действия. В-третьих, главным сказуемым выражается, напротив, длительное действие, охва-

тывающее большой промежуток времени: начало его отмечено зависимым действием, а конец обычно не зафиксирован. Довольно часто сказуемое главной части имеет форму настоящего времени:

(138) Бакалды=ча=дук=кар он нежэденни? (ИФЭ, 76) – С (того времени как) мы встретились, как живешь (ходишь)? (139) Эр бэгэвэ умив=на=дук=сун илэ=кэт исты мата одам (ФЭЯ, 176) – После того как вы напоили меня этим лекарством, я куда угодно могу поехать. (140) Би су цэнэ=чэ=дук=сун ахинды=да, дэрумкири-дэ, бокой ачин (ФЭЯ, 51) – С тех пор как вы ушли, у меня нет ни сна, ни отдыха, ни покоя.

Сказуемое главной части может иметь и форму прошедшего времени: (141) Ару=дяк=тук=пи тар ахи гороконмо инэн (Хант.) – С тех пор, как очнулась, эта женщина еще долго жила.

Здесь форма прошедшего времени инэн (жила) тоже обозначает длительное действие.

Особую разновидность темпоральных ППК представляют конструкции, в главной части которых указывается на срок, прошедший со времени совершения зависимого действия. Это значение может быть выражено тремя вариантами падежного оформления ЗПЕ: отложительным, неопределенным и местным. Оформление ЗПЕ отложительным падежом вполне соответствует как описанному выше локально-темпоральному значению этого падежа, так, кстати, и нашему пониманию выраженных в них темпоральных отношений:

(142) Дюр анцанил ора акинин эмэ=чэ=дук=ин (Торг. 69) – Два года прошло с тех пор, как приехал его старший брат. (143) Тэли синду балды=на=дук=ис илан надаллал бичэтын (Н, 132) – Тогда тебе было от рождения три недели.

В конструкциях с неопределенным и местным падежами фактически то же самое темпоральное отношение (от определенного момента в прошлом прошло столько-то времени), по-видимому, осознается носителями языка как-то иначе.

Конструкции с неопределенным падежом представляют собой, по нашему мнению, одну из семантических разновидностей широко распространенных в восточных диалектах предложений с невыраженными синтаксическими отношениями, например: ичэ=нэ=н бэел тэгэтчэрэ 'увидел: люди сидят'. Е.И. Убратова рассматривает аналогичные конструкции якутского языка как сложноподчиненные предложения с придаточным подлежащим (Убратова, 1976, П, с. 234). Примеры:

(144) Эр бугала эмэ=нэ=с ахун горо анцани одан? (ИФЭ, с.) – Сколько лет прошло с тех пор, как ты пришел в эту страну? (145) Дулин буга сонидин Умусликэн-мата эмэ=нэ=н умун инэди одан (ИФЭ) – Целый день прошел с тех пор, как пришел богатырь средней земли Умусликон. (146) Кухил=нэ=тын оча илан дяр анцани (Эф, 203) – С тех пор, как они начали биться, прошло тридцать лет.

Конструкции с местным падежом представляют собой наиболее распространенный способ выражения этого темпорального значения:

(147) Умун-ду, дюр-гу анцани оча бил=нэ=лэ=тын (ФЭЯ, 68) – С тех пор, как они начали жить (вместе), прошел год или два. (148) Тыкэн алачил=на=ла=вун илан анцани одан (ФЭЯ, 62) – С тех пор,

как мы начали его ждать, прошло три года. (149) Буниңи э=нэ=лэ=н нэрэ илан тыргани цэнэрэн (Хант.) – С тех пор, как не похоронил своего мертвеца, прошло три дня.

Наконец, встретился единственный пример с направительным падежом ЗПЕ в том же темпоральном значении:

(150) Илан ахал дэгнэл илалда одан эмэхил=нэ=тки=тын (Эф, 76) – Исполнилось три дня, как стали прилетать ко мне три женщины.

Доминирующий компонент семантики местного и направительного падежей совпадает: он связан с выражением поступательной направленности, которой как будто бы должно противоречить значение этой конструкции. И в многочисленных примерах с местным и в единственном примере с направительным падежом мы встречаемся, по-видимому, с очень своеобразным способом осмысления отношений предшествования: со значением ретроспективной направленности, противоположным ожидаемому значению темпоральной исходности, передаваемому отложительным падежом. Отсчет времени осуществляется здесь от более позднего момента к более раннему.

Различные способы падежного оформления ЗПЕ используются в эвенкиском языке для выражения причинного значения. Оно выражается отложительным (=дук), творительным (=т, =ди) и, значительно реже, продольным (=пи, =дули) падежами. Общим для причинных ППК является преимущественное выражение зависимого сказуемого причастиями прошедшего времени на =на, =ча. Возможно и оформление причастиями настоящего времени на =ри, особенно в сочетании с творительным падежом.

Примеры с отложительным падежом:

(151) Бэеткэн хот алчэча тырганива дюлакин угули туксакта=на=дук=пи (Хант.) – Мальчик очень загорел, потому что целый день бегал голый по берегу. (152) Тар хагды атыркан балиран бивук хо=но=дук=пи илмактадуви (Хант.) – Эта старуха ослепла оттого, что в молодости всё время плакала. (153) Энинмэн э=нэ=дук=ин мачалэ=ви бурэ нян варэ (К, 24) – Мать его тоже убили, потому что не дала корову.

Примеры с творительным падежом:

(154) Синэви би=хи=ди=н цэнэденэв (ИФЭ, 51) – Раз сила есть, пойду. (155) Бэе аде=ри=т=пи эчэ эя=да долдыра (Хант.) – Человек ничего не слышал, потому что спал. (156) Си чомбидя=ри=ди=с дилин энудерэн (К, с. 54) – Оттого что ты болтаешь, у меня болит голова. (157) Дюктэ э=нэ=т=вэр алаттэ олочотын (ТД, 7) – Оба вздрогнули от неожиданности (оттого, что не ожидали).

Примеры с продольным падежом:

(158) Тэли нюрумнял диг=нэ=ли=н кэтэ буддэ (ИФЭ, 132) – Тогда многие нюрумняли умерли оттого, что она резала (их души). (159) ... Эниндукис дукувун ачин би=нэ=ли=н эчэс эмэрэ? (Н, 142) – Ты не пришел, потому что не было записки от матери?

Значение причины могут иметь и конструкции с дательным падежом (см. главу пятую, § 5). В этом случае оно лишь осложняет временное значение падежной формы.

Особенности причинного значения, передаваемого различным падежным оформлением, заслуживают специального исследования.

§ 1. Родительный (притяжательный) падеж и определительные сочетания слов

Вопрос о правомерности включения генитива в падежную парадигму субстантивного склонения до сих пор остается дискуссионным. Большинство исследователей, в том числе тюркологов и монголистов, признают отношения двух имен, устанавливаемые родительным, а точнее притяжательным падежом, полноправными падежными отношениями и потому не высказывают сомнений в падежном статусе генитива (см.: Казем-бек, с. 374; Гордлевский, с. 75; de Groot, p. 35; о том, что эта точка зрения разделяется современными специалистами, свидетельствуют второй и пятый тома "Языки народов СССР"). Но некоторые исследователи понимают падеж как отношение между именем и глаголом, и тогда притяжательные отношения выпадают из этой системы. При этом нередко апеллируют к языкам, не имеющим генитива или утратившим его, как якутский. По мнению этих исследователей, отсюда следует вывод, что категория генитива не универсальна, и падежная система не нуждается в нем (см.: Шербак, 1962, с. 100-115; Володин, 1974, с. 284-285). На это можно возразить, что падежные системы одних языков обходятся без эргатива, других – без аккузатива, третьих – без развитых локальных подсистем; но это не является основанием отказывать названным формам в статусе падежей.

Признавая глубокое своеобразие генитива на фоне приглагольных падежей, мы исходим тем не менее из понимания этой формы как падежа субъектно-объектного типа (подробнее см.: Черемисина, 1981, с. 16). Его своеобразие в алтайских языках отражается в своеобразии формируемых им конструкций, определительно-притяжательных или, как их называют тюркологи, изафетных (Казем-Бек, с. 374; Майзель, 1957; и др.). Поскольку в алтайских языках родительный падеж (если он есть) используется только в определительных сочетаниях, рассмотрим сейчас основные типы таких сочетаний, состоящих из двух имен.

Тюркологи называют изафетом разные типы именных сочетаний: "первый изафет" – сочетание, в котором не маркирован ни один компонент (например, тув. *демир орук* 'железная дорога'); "второй изафет" – сочетание, в котором первый член, определение, не маркировано падежным аффиксом, а второй, определяемое, маркировано притяжательным показателем лица в соответствии с грамматическим лицом определения (например, ачам *тон-у* 'отец пальто=его'); "третий изафет" – сочетание, в котором первый член маркирован показателем генитива, а второй – притяжательным показателем лица (например, *ми-*

ниң кол-ым – 'моя рука=моя', (ачам=*нын*, тон=*у* 'отец пальто=его') (ср.: Дмитриев, 1940, с. 181 и след.) Есть еще одна, четвертая возможность, не используемая тюркскими языками, но используемая монгольскими и русским: маркирование определения аффиксом генитива при немаркированном определяемом: рус. *приказ командира*, бур. *колхоз=ой түрүүлэгшэ* 'председатель колхоза', *Тагар=ай анхарал* 'внимание Тагара'.

В предыдущих главах мы постоянно исходили из представления о внутренней близости структурной схемы и грамматического содержания связи компонентов изафетного сочетания и предикативного узла. С этим мы связываем и тождество материальных показателей принадлежности и лица в сфере зависимой предикации. Двусторонний характер формальной связи, ярче всего проявляющийся именно в третьем изафете, резко выводит этот тип сочетаний из числа подчинительных, сближая с предикативным сочетанием, члены которого связаны координацией. Первый член изафета сопоставим с подлежащим, второй – со сказуемым: "определение" – это имя субъекта принадлежности, обладателя, "определяемое" – имя того предмета или опредмеченного признака, который принадлежит субъекту, которым тот обладает.

Остается вопрос: какие функции связаны с маркированием первого компонента, если второй компонент маркирован? В чем назначение формы родительного падежа в составе третьего изафета? Многие тюркологи видят в нем показатель определенности предмета или лица (Изысканный дар..., с. 32; Казем-бек, с. 377; Мелиоранский, ч. 2, с. 8; Ашмарин, с. 34; и др.). Эта функция более сопоставима с артиклевой, чем с субъектно-объектными и обстоятельственными функциями падежей (см. об этом: Серебrenников, 1949; Беглярбекова, 1971; Баскаков, 1971, с. 15-23). Но наличие аффикса *-нын* не всегда можно объяснить определенностью, а отсутствие его – неопределенностью объекта, тем более что сам термин "определенность" не однозначен: может ли, например, быть неопределенным (в речи) местоимение 'я' (*мен*, *мин*), которое иногда встречается в изафетных сочетаниях и без маркера генитива? Очевидно, тут значимы и коммуникативные моменты, желание выделить значимые слова, и структурные – "чем больше разрыв между членами изафетного сочетания, тем больше ощущается необходимость в сохранении родительного падежа" (Гаджиева, 1970, с. 31), и другие причины.

Форма генитива в сочетании изафетного типа противостоит, таким образом, форме без падежного аффикса, которую – в значительной мере условно – можно приравнять к форме неопределенного падежа. Другая ее интерпретация – основа, примыкающая к определяемому на правах части аналитического слова, – в меньшей мере требует серьезного обоснования.

Монголисты и тунгусо-маньчжурологи термина "изафет" не употребляют, и не только из-за терминологических барьеров между специальностями; сами определительные сочетания имен строятся здесь не совсем так, как в тюркских языках. В эвенкийском нет родительного падежа, так что двусторонний третий изафет здесь невозможен. Основной способ выражения определительных отношений принадлежност-

ти здесь сходен со вторым изафетом: показатель связи-зависимости (лично-притяжательный аффикс) получает определяемое, — слово, которое мы привыкли считать господствующим. В.А. Аврорин назвал этот способ "отражением" (1981, с. 6-7). В бурятском же языке родительный падеж есть и регулярно используется в определительных сочетаниях, а в сфере зависимой предикации употребляется шире, чем в тюркских: эту форму принимает существительное или местоимение, представляющее субъект в обстоятельственных, в том числе деепричастных ЗПЕ. При этом, однако, наличие во фразе существительного или местоимения, представляющего субъект, делает избыточным, факультативным лично-притяжательное оформление второго компонента, представляющего признак. Этот принцип равно относится и к зависимым предикативным узлам, и к определительным сочетаниям имен. Для бурятского являются нормальными и определительная конструкция с генитивным определением и лично не оформленным определяемым, и конструкция зависимого предикативного узла с генитивным подлежащим и лично не оформленным сказуемым. Заметим, что такая структура ЗПУ характерна и для маньчжурского языка, но в маньчжурском вообще нет категории принадлежности, так что системное место этой формы иное: она противостоит не трем другим, потенциально возможным, а только одной (без маркера генитива).

Нас будут специально интересовать конструкции "изафетного" (в широком смысле) типа, в составе которых первый член — предикативная единица, определяющая второй член — существительное.

§ 2. Сочетания ЗПЕ в родительном падеже с существительными широкой, "категориальной" семантики

Как показали наши материалы, предикативные определения в тюркских языках форму родительного падежа принимают редко. При существительных свободной семантики они выступают обычно во внепадежной форме, т.е. примыкают, реже наблюдается оформление определяемого имени притяжательным аффиксом лица субъекта зависимого действия; еще реже этот аффикс оформляет сказуемое зависимой части (см. подробнее, например: А.В. Есипова, 1980, с. 142-143). С аффиксом генитива определяющие ЗПЕ встречались нам только в двух случаях: либо при именах широкой, "категориальной" семантики, либо при служебных именах, функционально близких к послелогам, причем грань между этими типами имен оказывается подчас весьма тонкой. Конструкции этих типов встречаются нечасто. В нашем распоряжении есть соответствующие алтайские и хакаские примеры, но более полно они оказались представлены в наших материалах по тувинскому языку, где они встречаются не только в публицистических, но и в оригинальных художественных текстах. Они и легли в основу анализа.

В роли определяемых в составе конструкций с генитивным оформлением предикативного определения нами встречено около 30 слов, семантику которых мы оценили как категориальную, притом что сами

эти слова не являются служебными именами. Мы разбили их на несколько групп:

1) С семантикой 'причина, стимул действия, смысл': тув. ужур, алт. учур 'смысл', алт. тос-учур 'суть', тув. чыладаг, чылдыгаан 'причина', сылдаг 'повод', алт. шылтак, хак. сылдаг 'причина'. Примеры:

(1) Тув.: Домак-сөс билбес кара чаңгыс тыва солдат кайда, кайнаар бар чору-ур-у-нуң ужу-бажын-даа билбес... (ЛЧ, 177) — Не знающий языка, один-одинешенек, тувинский солдат не понимал даже смысла того, куда и как он идет. (2) Ооң амырап тур-ар-ы-ның ужу-у база-ла билдингир (Сүр, с. 58) — Причина того, что он радуется, тоже ясна. (3) Боо-даа чаза тут-кан-ы-ның чылдагааны ында... (Сүр, с. 58) — Причина того, что ружье дало осечку, вот в чем...

2) С семантикой 'результат действия': тув. түннел, алт. шылтус 'результат', тув. херечи, хак. көзидим 'свидетельство', алт. темдек, тув. демдек, хак. ханыг 'знак', тув. арга, алт. арга 'способ', тув. сома, алт. озок, хак. сизик 'признак', тув. чижек 'пример'.

(4) Тув.: Авазында коргуп, дүвүрөөн-ниң кандыг-даа сома-зы чок (Сүр, с. 61) — У матери нет даже никаких признаков страха и тревоги (того, что она тревожится и боится). (5) Алт.: Олор Украинанын искусствозын сүүп ле арадыш тур-ган-ы-ның база темдег-и... болды (Ш., Ч, с. 21) — Это тоже признак того, что они любят и ценят искусство Украины. (6) Хак.: Бортпроводница Катя Сивко-ның иди хылынганы пистің кыстар-ның сидік туста махачылыг тур-ыс-чат-хан-нар-ы-ның — ам даа пір көзидим-и — Поступок бортпроводницы Кати Сивко — еще один пример того, как наши девушки в тяжелое время храбро поступают.

3) С семантикой качественной и количественной характеристики действия: тув. күш, алт. күч, хак. күс 'сила'; тув. улуг, алт. улу, хак. улуғ 'великость'; тув. дүрген, алт. түрген 'скорость', тув. багай, хак. хомай 'плохость', тув. эптиг, хак. иптиг 'ловкость' и некоторые другие:

(7) Тув.: Кортук кижиниң коргар-ы-ның күжү кортканы дайзындан он-даа катап улуг (ССо, А, 104) — Сила страха (букв.: сила того, что боится) робкого человека в 10 раз больше врага, которого он испугался. (8) Чиде маңнай бээр-и-ның дүрген-ин аа! (ОСо, 239) — Какова скорость ее исчезновения, а! (9) Хак.: Аның ол хыстың иди чоохтанганына ўрукен-и-нің күзі илбек полган — Сила того, как он удивился тому, что сказала та девушка, была велика. (10) Аның тарынган-ы-ның сині піс сағынынаң хайгай артыг полган — Степень того, как он рассердился, значительно больше того, что мы ожидали.

4) С семантикой компенсации: тув. хөлезин, алт. төлөөр, хак. төлс 'плата', тув. белек 'подарок', ачы 'милость'. Например:

(11) Тув.: ...хамна-ар-ы-ның чолук-белээ чүү болурул, ...кадай? (СТ, 53) — За камлание (того, что покамлают) платой что будет, ... женщина? (12) Бо кезек кизи оортан салдын-маан-ы-ның ачы-зын-да, манаа мурнап келгени бо (Сүр, с. 59) — Благодаря тому, что эти люди не отстали (букв.: милостью того, что они не отстали), здесь они оказались первыми.

(5) С семантикой типа: 'вещь' – тув. чүве, алт. неме, хак. нйме; 'дело' – тув. херек, хак. кирек; 'вид' – тув. аян; 'грань' – тув. кыр; 'сторона' – тув. тала; 'день' – тув. хүн, алт. күн и т.п.:

(13) Авамга ынаамны угаал билген=им=ниң эге хүнү ол боор (ССо, А, с.17) – Это был день, когда я начал осознавать, как я люблю мою маму (букв.: начальный день того, что я осознал...). (14) Бертикти эде тудуптар=ы=ның тала=зы биле бо кижы сурагыг кижы – Этот человек известен тем (со стороны того), что вставляет кости при вывихе.

В изафетных конструкциях данного типа, как видно из приведенных примеров, в роли определения выступает целая ситуация, выраженная ЗПЕ в родительном падеже. Определяемое, существительное широкой семантики, подводит эту ситуацию под определенную категорию – с точки зрения её отношения к той другой ситуации, с которой она связана в данном сложном предложении. Это более очевидно, когда категоризатор интерпретирует определяющую его (формально) ситуацию как причину или следствие главного действия. Другие типы отношений вообще осознаются и дифференцируются слабее, но мы как раз и видим назначение рассматриваемой конструкции, ЗПЕ=род.п. + N-категоризатор, в том, что, включаясь в неё, слова "широкой семантики" становятся категоризаторами содержательной и формальной связи частей ППК, т.е. начинают свое движение в сторону служебных имен.

Структурно эта конструкция идентична третьему изафету. Двусторонняя связь компонентов – родительный падеж, с одной стороны, притяжательный аффикс, с другой – цементирует этот комплекс, "втягивая" определяемое существительное внутрь зависимой части, превращая его из самостоятельного члена предложения в служебный компонент сказуемого придаточного, причем само придаточное из класса определительных естественно переходит в другой класс, в соответствии с семантикой категоризатора: в класс причинных, следственных, временных и др.

Конструкции такого типа могут строиться и по схеме второго изафета, т.е. с притяжательным оформлением определяемого имени, но без оформления причастия родительным падежом. Например, в тувинском:

(15) Молдурга кадар=ар тала=зы-биле авам дузалакчы бооп турар хевирлиг (ОСо, 187) – Видать, мама – помощница по части (со стороны) выпаски молодняка. (16) Өөрөн=ген чаң=ы-биле оолдарын эдэртипкеш, суур чоогунда безин кылаштап чоруур ийик (Д-ЧЧ, с.10) – По усвоенной привычке, вода медвежат, (медведица) ходит даже около деревни.

Как видим, здесь субъекты главного и зависимого действий (в переводе они выражены существительными) совпадают, фразы моно-субъектны. Но это не единственное условие "снятия" генетивного оформления. Впрочем, этот вопрос выходит за рамки данной работы, и эти примеры мы привели, чтобы показать наличие, правомерность таких построений в тюркских языках и перейти к рассмотрению эвенкского материала.

Посессивные конструкции типа бэе чалэ=н 'человек рука=его' (ру-

ка человека), образованные путём "отражения", характеризуются очень тесной спаянностью компонентов и выступают в предложении как единый атрибутивный комплекс. На референтном уровне содержательная спаянность проявляется в том, что референт определения (в данном примере 'человек') выступает как "главное", "целое", или "обладатель" по отношению к референту определяемого ('рука=его') – "второстепенному", "части", "объекту обладания". Но на семантическом уровне именно определяемое является главным, поскольку значение определения входит как компонент в значение словоформы чалэ=н, где н представляет слово бэе (конечно, в данном сочетании). Семантическая структура определяемого сложнее и богаче, чем у определения.

В плане выражения этот атрибутивный комплекс являет собою сочетание синтаксически активного определяемого с синтаксически инертным, примыкающим определением. Определяемое, даже при семантической бедности и несамодостаточности, берёт на себя осуществление внешних связей посессивной конструкции в предложении: падежную форму принимает оно.

Не случайно конструкции с послелогам, в которых доведена до логического конца десемантизация определяемых, утрачивающих свою исходную принадлежность классу существительных, строятся в эвенкийском языке по способу отражения.

В составе ППК разнонаправленность семантических и формальных зависимостей внутри атрибутивного комплекса усиливается по сравнению с простым предложением за счет того, что определением является целая ПЕ, а определяемым – слово абстрактной семантики. В этом мы видим важнейшую предпосылку формализации определяемого. В роли определяемых встречены имена следующих семантических групп:

1. Эмоция по поводу совершения действия. Например:

(17) Тавар сэнэ=нэ=с кихи=ду=н эрты кэңтырэс угуктаван уня-качандиви урихиндицэв (ФЭЯ) – В досаде за такое твоё отношение (ты относился – в досаде от этого) сейчас же своим указательным пальцем вырву твою станковую жилу.

2. Качественная и количественная характеристика действия:

(18) Тара ичэксэ эр Хуркэкчэн гунэри букатыр тыкул=на=ви со=ду=н авахинун кухилдэн (ФЭЯ) – Увидев это, богатырь по имени Хуркокчон в сильном гневе начал биться с авахи (букв.: разгневался – в силе этого).

3) Пространственная и временная характеристика действия:

(19) Би дылача хэргидэдун балды=на=ви уста=ду=н би эхив сарэ ачин (ФЭЯ) – За время моей жизни (жила – за время этого) под солнцем нет ничего, чего бы я не знала.

Аналогично строится и конструкция с послелогом, указывающим на временное или пространственное отношение:

(19а) Эр алатчэрэкин сиксэ дылача тык=ри=н дага=ду=н сэлэ игин ин-нүлчэн (ИФЭ) – Вечером, когда он ждал, около захода солнца (солнце заходит – около этого) раздался звук железа.

Обращает на себя внимание высокая частотность конструкций с

дательным падежом определяемого (как в приведенных примерах). Это не случайность, а яркое подтверждение живо протекающего процесса формализации определяемого в составе атрибутивного комплекса в ППК, итогом которого будет образование формальных слов, послогов, сопоставимых с рус. во время, по причине, в течение и др.

Как видим, несмотря на формальную специфику эвенкийской атрибутивной конструкции, в которой отсутствует генитив ЗПЕ, она во многих отношениях вполне сопоставима с рассмотренной выше тюркской конструкцией. В обоих случаях на базе атрибутивного комплекса происходит формирование новых служебных слов – служебных имен как особой разновидности послогов. Этот параллелизм и побудил нас привлечь к анализу рассмотренные эвенкийские формы, несмотря на их "внепадежную" форму.

Что касается бурятского языка, то здесь, как мы уже говорили, имеет место грамматическая ситуация, "обратная" той, которую мы видели в эвенкийском: и в субстантивных определительных сочетаниях, и в комплексах, где в роли определения выступает ЗПЕ, а определяемое – слово широкой семантики, определение получает аффикс родительного падежа, а определяемое легко обходится без притяжательного аффикса. Однако причастие-определение в родительном падеже обычно оформляется притяжательными показателями, обозначающими лицо зависимого действия: ошо=хан=ой=нь туһа 'польза (от) того, что он пошел'. Показатели эти, впрочем, факультативны (они обязательны лишь в отсутствие субъектного имени). Примеры:

(20) Намда хургуулидаа ошо=хо=гүй=н шалтаг үгы – У меня нет причины не ходить в школу. (21) Энэнь бээс арай барижа яба=хан=ай=нь тэмдэг хэн (X, 7) – Это был признак того, что он еле сдерживается. (22) Юрэеэ тишэ ошо=хан=ой=нь туһа байгаагүй буу (Б-78-3, 59) – (От) того, что он пошел туда, пользы не было ведь. (23) Хажууһаан оролсожо, хаалта хэ=хэн=эй=нь үрэ үгы бэшэ гү? (X, 72) – Будет ли польза (букв.: плод) от того, что она вмешается со стороны, помешает? (24) Зай, нүхэд, эндэ байжа бай=хан=ай=най хэрэг оройдоош үгы (X, 24) – Ну, друзья, тут нам находиться совершенно незачем (букв.: того, что мы здесь находимся, дела совершенно нет). (25) Гара=хан=айн=гаа үглөөдэр=ын Майдарта ерэз хэн (X, 66) – Назавтра (от) отъезда к Майдару (она) пошла.

Только в последнем примере определяемое имя үглөөдэр 'завтрашний день' оформлено притяжательным аффиксом 3 л., связывающим его с формой родительного падежа причастия ('того, что (она) уехала'); аффикс =гаа в причастной словоформе указывает на тождество субъектов главного и зависимого действий – она уехала и она же пошла к Майдару.

Как видим, и здесь формальная специфика конструкций не может заслонить существенного параллелизма процессов. Но, по-видимому, в бурятском имена широкой семантики в составе таких конструкций дальше отстоят от служебных слов, чем в эвенкийском и даже чем в тюркских. Об этом свидетельствует, в частности, свободная падежная форма бурятских имен. В тюркских "закрепление" падежей намечается уже отчетливой, в эвенкийском же они уже сильно закреплены.

§ 3. Конструкции со служебными именами

Изафетные конструкции со служебными именами представляют собой следующий этап десемантизации формальных определяемых. Утратив свое вещественное значение (речь идет об использовании этих слов в данных моделях конструкций), служебные имена становятся выразителями грамматических отношений между знаменательными словами – или эквивалентами слов, предикативными единицами. Парадигма их склонения в связи с этим сокращается; в тюркских языках она остается довольно мощной, например в тувинском она включает 5 (или 6) падежей, но активно функционирует лишь часть этих форм, а в сфере полипредикативного предложения – почти исключительно формы местного падежа; в эвенкийском, как отмечалось выше, а также в маньчжурском таким падежом оказывается датив; в бурятском наряду с дативом встречаем и орудный, реже исходный падежи. В конструкциях с зависимым предикатом, построенным по схеме изафета, т.е. в форме сочетания родительного падежа причастия со служебным именем, обращает на себя внимание то нарушение соответствия между планами выражения и содержания, которое наметилось уже при рассмотрении сочетаний с категориальными именами. В плане выражения, чисто формально, перед нами определительные конструкции. В плане содержания они не являются таковыми, не принадлежат этому функциональному типу ППК, – они входят, причем органично, в различные подтипы обстоятельственных конструкций: в число темпоральных, причинных, целевых; они передают также и такие специфические значения, которые простыми формами, без послегов, не передаются (напр., тув. =ар=/=/= ның орнунга, бур. =х=ын орондо 'вместо того что-бы' и др.).

Форму родительного падежа в сочетании со служебными именами ЗПЕ в тюркских языках принимают не часто. Определяемые, служебные имена, выступают в формах местного, реже исходного падежей. Это сочетание, (ЗПЕ + род.п.) (служ. имя + притяж. 3 л. + местн./исх. п.), выражает подчинение ЗПЕ как целого следующей далее ПЕ – в то время как если бы здесь имели место подлинно определительные отношения, существительное, определяемое ЗПЕ, принадлежало бы главному предложению. Рассмотрим под этим углом зрения следующие тувинские примеры (выше мы говорили, что тувинские материалы в этой части у нас представлены лучше):

(26) Ынча дээн=им=ниң соо=нда, бистерже изиг суг чажыпкан чүве дег... (СТ, с. 44) – После того как я это сказал, нас словно ошпарили... (соо=нда – служебное имя с базовой семантикой 'позади, после')... (27) ...а кедер=ер=и=ниң бет=ин=де хынап көөр, дуурак-доозунуң кактаар... (СТ, с. 66) – ...а перед тем как надеть, проверь, грязь-пыль отряхни... (бет= 'эта сторона', обращенная к говорящему). (28) Мындыг кончуг тараа алыр=ы=ның өй=үн=де оолду алырыңга кайың боор (СТ, с. 69) – Как же это, ты хочешь забрать сына во время уборки хлеба (өйүнде от өй 'время'). Ясно, что все приведенные примеры принадлежат функциональному типу темпоральных конструкций; определительные отношения в какой-то мере

сохраняются только в последнем примере, поскольку слово ой имеет соответствующую этому типу семантику и его можно рассматривать и как категориальное имя – это один из типичных переходных случаев. Ср. также причинная конструкция: (29) Мээң орай кел=ген ужур=ум=да, авам чедир удуваан – Из-за того, что я поздно пришла, мама=моя не выпалась; заместительная конструкция: (30) Кежээлерде бистер, чылгыны кадар=ар=ы=ның орну=н=га, Дерзингниц ол чартыныче кежип алгаш... (СТ, с. 111) – По вечерам мы, вместо того чтобы пасти табун, переправлялись на ту сторону Терзига... (орну < орун 'место'); изъяснительная конструкция: (31) А актар биле кызылдар=ның ыларгыя оларның Тывада кел=ген=и=ның дугай=ын=да чугаалаар чонну кичээндирипкен (Сур, с. 30) – А насторожили народ разговоры о белых и красных, особенно о том, что они пришли в Туву.

Интересно, что служебное имя дугайында с показателем принадлежности (здесь – 3 л.) сформировалось на тувинской почве, на базе монгольского послелога тухай той же семантики – 'о том (что)'. Конструкция, формально определительная, по схеме третьего изафета связана с "псевдосуществительным".

Наряду с рассмотренной схемой, и гораздо чаще её, в тюркских языках в сочетаниях ЗПЕ со служебными именами реализуется структурная схема второго изафета, не требующая от определения оформления родительным падежом. Например:

(32) Сээң дүлгүрлер чыдырип ал=ган=ың ужур=ун=дан, мен бажыңче ийи шак иштинде кирип шыдавайн тур мен – Из-за того, что (букв.: по причине того, что) ты потеряла ключ, я два часа не могу войти в дом.

Здесь причастное сказуемое ЗПЕ ал=ган=ың оформлено показателем принадлежности 2 л.ед.ч. в соответствии с лицом исполнителя действия (ты потерял). Служебное имя ужур=ун=дан содержит показатель 3 л., поскольку оно соотносится с событием 'ты потерял ключ'. ЗПЕ со сказуемым – причастно-послеложной конструкцией представляет причину главного события ('не могу войти в дом'). Но к слову 'причина' предшествующее ему причастное построение относится как определение к определяемому.

В бурятском языке служебные слова этого типа (в бурятоведении терминологически не различаются "служебные имена" и "послелог", как в тюркологии; они именуются общим термином "послелог") также могут сочетаться с неопределенным и родительным падежами предшествующего причастия: =хан хойно и =х=ын хойно=хоо 'после того как', =хан тула 'поскольку' и =х=ын тула 'чтобы' (в последней паре различие в значении в первую очередь обусловлено временем причастной формы: будущего на =ха и прошедшего на =хан; обусловленность прошедшим событием – причина, обусловленность будущим событием – цель). Однако большая часть послелогов связана с формой какого-то определённого падежа, неопределённого или родительного (другие падежные формы мы сейчас не рассматриваем); вариативности, как в тюркских языках, не наблюдается. Например, =ха бүри 'всякий раз как', =хан/=ха соо 'в то время когда', =хан/=ха тухай 'о том что' и др., но =хан=ай (или =х=ын) орондо 'вместо того чтобы', =х=ын урда 'перед тем как', =х=ын хажуугаар 'наряду с тем что' и др.

В составе многих послелогов выделяется падежный аффикс – как правило, датива, но также исходного и орудного падежей: тула, тула=да 'поскольку', тухай, тухай=да 'о том что', хойно, хойно=хоо 'после того как', хүүл=дэ, хүүл=ээр 'после того как' и т.п.

В послеложных конструкциях с неопределённым падежом причастия притяжательный аффикс оформляет послелог, с родительным (и другими косвенными падежами) – причастную форму; эти аффиксы всегда выражают лицо исполнителя зависимого действия, а не формальные отношения между служебным словом и причастной ПЕ. Это наблюдалось и в тюркских языках. Примеры:

с родительным падежом причастия –

(33) Шэдэ=хэн=эй=нь хүүлээр нэгэ хэды болоһон хойно аяар доро уһан соо пүлд гэнэ (Бат., 24) – Спустя некоторое время после того, как (он) бросил (камень), далеко внизу в воде послышался всплеск.

(34) Түбхын түрүүн Номогонова Пагма олон үхибүү түрө=хэн=эйн=гөө түлее "Эхэ герой" боложо, Алтан одо зүүбэ (Б-76-6, 33) – Прежде всего Номогонова Пагма за то, что родила много детей, стала матерью-героиней и получила золотую медаль;

с неопределённым падежом причастия –

(35) Үхэ=хэн хойно=мни, хүгшэндэмни түлээ залһыень, үблэ, уһыень хамһалсажа байгаарай гэжэ захиаб (Б-76-1, 19) – После того как (я) умру, старушке моей помогайте дровами, сеном, водой, я наказываю. (36) Тамхинтаяа носолдо=хо зуура=нь боожонь алдагдажа үбһэтэй шаргань хажуу тээшэ хэлтышэбэ (Б-78-4, 62) – В то время как (он) возился с табаком, вржки его выпали, наполненные сеном сани его наклонились набок.

В маньчжурском конструкции со служебными именами в дательном падеже употребляются для выражения временных (со словами эринь, фонь 'время') и причинных (со словами тургунь 'причина', чжака 'вещь') отношений: (37) Абу мана=ха эринь дэ, гучу комсо – Когда (во время) у тебя одежды разорваны, друзья редки. (38) Ахунь чжи=хэ тургунь дэ, дэо гэнэхэ. (П, 60) – Так как (по причине) старший брат приехал, младший уехал.

Мы видим, таким образом, что в тех алтайских языках, которые сохраняют родительный падеж в своей системе склонения, он участвует и в подсистеме предикативного склонения. Однако в отличие от других падежей он почти не имеет такой сферы, в которой он был бы необходим и не мог заменяться другой формой – мы имеем в виду форму без падежного аффикса, то есть в форме casus indefinitus или внепадежную форму (этот вопрос оставляем открытым). Наличие такой конкурентной формы, к тому же более простой, ведет к тому, что родительный падеж в предикативном склонении используется очень редко. Детальное исследование функционирования этих форм в сопоставлении с формами без падежного оформления не входило в нашу задачу, но мы считали себя обязанными показать существование таких параллельных конструкций, почему и ввели в анализ материал, несколько выходящий за рамки предикативного склонения.

Проведенное нами исследование позволяет сделать следующие выводы.

Явление, названное Е.И. Убратовой "предикативным склонением причастий", т.е. использование падежных показателей для выражения синтаксической зависимости ЗПЕ, во всех привлеченных нами к анализу языках оказалось представлено полно и широко. Это, несомненно, одна из характерных общих черт, примет языков, относимых к алтайской типологической общности. У нас есть все основания ожидать, что это явление распространено и значительно шире, но для алтайских языков общим является не только само наличие предикативного склонения причастий, но и многие конкретные признаки этого синтаксического механизма. Важнейшие из этих признаков мы видим, с одной стороны, в принципиальном единстве языковой техники, обслуживающей предикативное склонение, с другой стороны – в принципиальном единстве функций, которые выполняются этим способом.

Термин "предикативное склонение причастий" мотивируется и обосновывается тем, что непосредственным объектом, принимающим падежную форму, являются, в подавляющем большинстве случаев, именно предикативные причастия, сказуемые зависимой части в составе сложноподчиненного, "сложносвязного" (Адмони, 1983) предложения. Однако объектами такого склонения, наряду с причастиями, могут быть и некоторые другие формы: это имена наличия, отсутствия, обладания, а иногда (в хакасском, алтайском языках) и некоторые имена, выступающие в той же роли сказуемых зависимой части в конструкциях названного типа. Однако такие формы составляют в наших выборках по всем языкам не более 2–3% от общего числа примеров предикативных падежных форм. Основная масса этих примеров – с причастиями, что вполне оправдывает именование явления в целом "предикативным склонением причастий".

Для понимания природы этого явления не менее существенна и другая его сторона, а именно то, что в функциональном плане объектам предикативного склонения являются не причастия, не сказуемые зависимых предикативных частей, принимающие на себя маркеры падежей, а сами предикативные единицы, содержащие морфологически склоняемое сказуемое. Синтаксическая конструкция не может принять этот падежный маркер иным способом, кроме как через свое сказуемое, свою конструктивную вершину, которая в алтайских языках линейно занимает финальную синтаксическую позицию.

Таким образом, маркер падежа непосредственно, морфологически

принадлежит форме сказуемого зависимой части, в то время как функционально он выражает синтаксическую зависимость не сказуемого от каких-то других словоформ, а всей данной предикативной части от доминирующего над нею построения: главной части в целом или какого-то слова в ее составе.

В современных алтайских языках порядок слов в простом предложении, согласно которому сказуемое должно завершать собой предложение, нарушается довольно часто (особенно в эвенкийском, но это не исключено и в других языках, хотя в тюркских и бурятском это и будет отступлением от общего правила). Но в зависимой части сложного предложения с причастным сказуемым, в составе предикативной единицы – объекта склонения, порядок слов, согласно которому сказуемое завершает собой цепочку, выполняется неукоснительно. Это необходимое условие, без которого не может осуществляться предикативное склонение. Но одновременно это и доказательство того, что подлинным объектом предикативного склонения является именно синтаксическая конструкция, возглавляемая причастием.

По своему назначению предикативное склонение являет собою сильное и вместе с тем очень простое, экономное, лаконичное средство достижения этого эффекта, который называют номинализацией, причем номинализацией предикативной. Предикативная номинализация – это такое преобразование синтаксической конструкции (и, соответственно, синтаксической семантики) предложения, в результате которого данное выражение из сообщения о событии превращается в имя этого же события, не утрачивая при этой предикативной внутренней организации ни в плане выражения, ни в плане содержания. В русском языке этот эффект достигается использованием номинализатора то, что, где первый компонент сохраняет местоименную природу и свойственное местоимению склонение, тогда как второй, что, неизменен и имеет статус союза. Сравним: Петров мог бы и помолчать – То, что Петров мог бы помолчать; О том, что Петров мог бы и помолчать и т.д.

В алтайских языках, как мы убедились, аналогичный эффект достигается значительно проще, без помощи номинализатора, поскольку маркеры падежей оказываются способны принимать сами формы срединных сказуемых.

Выше мы не раз говорили об этих формах как о причастиях. Сейчас нужно напомнить о некоторой условности этого термина. Во всех алтайских языках те формы, о которых идет речь, называются причастными постольку, поскольку они функционируют в роли сказуемого зависимой предикативной части, а не в роли конечного сказуемого (от атрибутивной их функции мы сейчас отвлекаемся, ибо она нас не интересует). Между тем, подавляющее большинство этих форм функционирует также и как сказуемое простых предложений. В этом случае их называют финитными глагольными формами. Финитных глагольных форм, которые не употреблялись бы в роли зависимого сказуемого, – таких, как тюркская форма на =ды, бурятские формы на =ба и =на, – в алтайских языках мало. Номинализация предложений с такими сказуемыми предполагает замену финитной формы на причастную, например, в тюркских языках формы на =ды формой на =ган. Если же

сказуемое – форма на =ган, на =р (тюркск.), на =ха (бур.) и т.п., допускающая оба типа употреблений, то номинализация выражается, во-первых, в распространении этой формы маркером определенного падежа, и во-вторых – в оформлении её личными показателями, посессивными или материально совпадающими с посессивными. Этот второй аспект менее обязателен: разные языки в разной мере склонны к такому оформлению, и разные типы конструкций в разной мере его требуют. Обязательно оно только в конструкциях с подлежащей зависимой частью, где аффиксы принадлежности как бы компенсируют собою отсутствие маркеров неопределенного падежа, – и то, разумеется, только в тех языках, где вообще есть грамматическая категория принадлежности (в маньчжурском её, как известно, нет).

Таким образом, "полная программа номинализации" состоит в замене исходной финитной формы на причастную соответствующей грамматической семантики, в сообщении ей падежного маркера и в замене "финитного" личного показателя "инфинитным" показателем посессивного типа. Однако обычно эта программа реализуется в сокращенных своих вариантах, где в большей или меньшей степени нивелируются, нейтрализуются специфические признаки номинализованной и первичной форм. Как известно, посессивные показатели участвуют и в финитном спряжении, что тоже способствует нейтрализации.

Специальный теоретический интерес представляет с этой точки зрения алтайский язык, в котором нейтрализация представлена максимально. Дело в том, что в алтайском литературном языке и диалекте алтай-кижи полностью утрачено специфическое финитное спряжение с помощью аффиксов типа =мен, =сен, =с ... Все финитные формы спрягаются здесь по типу формы на =ды (с аффиксами =м, =н, =о ...). Следовательно, в процессе номинализации предложений со сказуемыми в финитных формах прошедшего на =ган, настояще-будущего на =р и других форм, имеющих "причастные параллели", в этом языке не происходит смены личных показателей. "Преобразование" финитного сказуемого в инфинитное ("причастное") означает здесь, таким образом, ТОЛЬКО тот факт, что ГЛАГОЛЬНАЯ ФОРМА принимает ПАДЕЖНЫЙ АФФИКС.

Это заставляет нас задуматься о том, что предикативное склонение может в определенных случаях оказаться склонением глаголов – не только в алтайском, но и в других языках. Склонение глаголов – это своего рода "предел" системы предикативного склонения причастий (в одном из возможных направлений развития этой системы).

Понятно, что чем четче в некотором языке оппозиция двух типов спряжения, тем ярче, очевиднее и "смена ролей" глагольной (глагольно-причастной) формой, тем значительнее и формальное, и семантическое расстояние между этими двумя формами предикативных единиц и самих их предикатов.

Во всех исследованных нами языках падежные формы ЗПЕ выполняют те же самые, в принципе, функции, которые в простом предложении выполняют падежные формы имен существительных. Это, во-первых, синтаксические функции актантов, то есть подлежащего и дополнения (с которыми смыкается и функция именного сказуемого, очень

нетипичная для ЗПЕ), во-вторых – сирконстантные, то есть обстоятельственные функции. Актантные функции в простом предложении выполняются только существительными и их синтаксическими эквивалентами, сирконстантные функции тоже нередко выполняются формами существительных, которые, однако, выступают здесь не в собственном грамматическом качестве, а как конкуренты наречий, сами нередко подвергаясь онаречиванию.

Аналогичное функциональное различие наблюдается и в системе полипредикативных конструкций, когда эти роли выполняются падежными формами ЗПЕ. Формы предикативных единиц, связанные с выполнением актантных ролей, можно рассматривать как синтаксические аналоги субстантивов в их собственной функции; формы же, связанные с выполнением сирконстантных ролей, сопоставимы скорее с субстантивами, в большей или меньшей степени подвергшиеся "адвербаллизации", "онаречиванию". Поскольку же речь идет о предикативных единицах, а не о словах той или иной части речи, то более точным нам представляется термин "деепричастизация" предикативных единиц, морфологически сохраняющих свою базовую причастную природу.

Это функциональное различие является в равной мере значимым для всех привлеченных к анализу алтайских языков, потому что в каждом из них ЗПЕ с причастным сказуемым в определенных падежных формах выступают в ролях актантов и в ролях сирконстантов. Границы между этими типами ролей, конечно, не абсолютны, – в языке вообще нет абсолютных границ, – но в целом они довольно отчетливы. Важнейшей приметой деепричастизации форм, по происхождению причастно-падежных, является релятивация выражаемых ими предикативных категорий модальности-времени и лица – а ослабление, вплоть до полной утраты абсолютных значений этих категорий в обстоятельственных функциях, особенно в функции темпоральной локализации, наблюдается регулярно. Не случайно, конечно, большая часть деепричастий восходит к падежным формам причастий.

Что касается формальных различий между падежными формами ЗПЕ в актантных и в сирконстантных ролях, то, по нашим наблюдениям, такие различия, которые можно назвать оппозицией, последовательно прослеживаются лишь на материале тюркских языков. Эти различия представляются нам настолько серьезными, что нам кажется целесообразным выделить в тюркских языках две подсистемы предикативного склонения.

Предикативное склонение причастных ЗПЕ в сирконстантных функциях характеризуется следующими признаками: 1) подлежащее такой ЗПЕ сохраняет форму неопределенного падежа, не отличаясь в этом отношении от простого предложения; 2) сказуемое её (в тувинском и алтайском языке) получает личное оформление по глагольному типу. Хотя используемые для этого аффиксы материально тождественны посессивным, они системно "воспроизводят" не притяжательное оформление, а личное оформление спрягаемых форм на =ды и на =са, с нулевым показателем в 3 лице. В хакасском языке личное оформление сказуемых в составе сирконстантных ЗПЕ сугубо факультативно.

Склонение ЗПЕ в актантных функциях связано с другими формаль-

ными особенностями: 1) подлежащее в её составе закономерно принимает форму родительного падежа; формы неопределенного падежа в этой позиции не исключены, но их появление или мотивируется специальными условиями, или свидетельствует об ослаблении грамматических требований к речи, отсутствии установки на нормативность; 2) сказуемое – и это характерно для всех тюркских языков – принимает последовательное притяжательное оформление. В этом случае речь идет не о материальном тождестве показателей лица с показателями принадлежности, а именно об использовании аффиксов принадлежности для выражения лица исполнителя главного действия. Предикативный узел строится в этом случае по четкой изафетной схеме. Притяжательное оформление получают не только формы 1 и 2 лица обоих чисел, но и формы 3 лица. В этом состоит важнейший отличительный признак этой второй подсистемы предикативного склонения в тюркских языках. Мы считаем возможным назвать эту подсистему "предикативно-притяжательной подсистемой предикативного склонения". Но в этом случае, как нам кажется, лучше уже говорить о склонении ЗПЕ, а не о склонении причастий.

В монгольских и тунгусо-маньчжурских языках различия такого типа не прослеживаются. В какой-то мере это может быть связано с утратой родительного падежа эвенкийским языком и, наоборот, с его очень широким использованием для оформления зависимого подлежащего в бурятском: здесь эту форму естественно принимают подлежащие как актантные так и сирконстантные ЗПЕ, причем не только с причастным, но и с деепричастным зависимым сказуемым. Поэтому падежная форма подлежащего не может быть критерием различения двух типов предикативного склонения.

Существенным синтаксическим признаком, различающим ЗПЕ актантного и сирконстантного типа, является способ связи этих ЗПЕ с доминирующей над ними главной частью. В случае актантных ЗПЕ это связь управления: падежная форма ЗПЕ продиктована требованием, исходящим от доминирующего предиката. В подавляющем большинстве случаев управление оказывается единым для зависимых имен существительных и ЗПЕ. Управление в алтайских языках является значительно более семантическим (=менее идиоматичным), чем в русском. Поэтому падежная форма ЗПЕ относительно достоверно прогнозируется на основе семантики доминирующего предиката. Достаточно четкой регламентации поддается управление винительным падежом ЗПЕ, исходящее от глаголов, названных нами глаголами "оперирования информацией", и дательным падежом ЗПЕ, исходящим от глаголов, обозначающих различные виды реакций. Первое место среди них занимают "эмотивные" глаголы, выражающие эмоциональные реакции. Исходный падеж связан с небольшой группой глаголов, выражающих негативные эмоции типа "отталкивания", а также с конструктивным управлением в составе сравнительно-сопоставительных конструкций. Кроме того, каждый падеж бывает связан с рядом значений (и отношений доминанции) более специфических, разнящихся от языка к языку.

При этом обращает на себя внимание достаточно регулярный характер "бурятско-эвенкийских параллелей" – в некоторой оппозиции

их тюркским языкам. Например, "падеж признака", на основании которого умозаключаем о чем-то, в тюркских – исходный, в бурятском и эвенкийском – творительный; в тюркских дательный-направительный падеж противопоставлен статичному местному, в бурятском и эвенкийском эти значения слиты в падеже на =да (бур.) и =ду (эвенк.) и др.

Сирконстантные ЗПЕ связаны с доминирующей ПЕ отношениями примыкания. Их падежная форма обусловлена не требованием конечного сказуемого, а общей семантикой передаваемого отношения.

Эта относительная независимость падежной формы ЗПЕ "с причастным сказуемым" создает весьма благоприятные условия для "деепричастизации" соответствующей падежной формы причастия. Этот процесс протекает тем активнее, чем регулярнее употребляется данная форма в данной семантической и синтаксической функции; а это, в свою очередь, существенно зависит не только от того, насколько вообще регулярно реализуется данная функция, но также и от того, каков "ассортимент" форм, используемых данным языком для выполнения этой функции. Так, например, если в тюркских языках Южной Сибири, напр. в алтайском, общая временная соотносительность передается формами на =р//да и на =ган//да, а в тувинском – ещё и третьей формой, на =р//га (не говоря о формах типа $T_y = п тур//да$), то это свидетельствует о том, что все эти формы еще твердо сохраняют статус "причастий" – несмотря на то, что эта их функция во многом близка к деепричастной. В бурятском же языке эту функцию обслуживает одна форма на =ха=да. Ясно, что вне противопоставления каким-либо другим формам (форма на =хан=да имеет причинное значение, форма на =аа=гүй=де значение 'пока (не)') форма на =ха=да теряет собственное временное значение и многие другие характерные компоненты смысла, которые "привязывают" причастие в алтайских языках к соотносительным формам глагола (в данном случае к форме будущего времени на =ха); тем самым, форма на =ха=да оказывается ближе к деепричастиям. Еще дальше продвинут этот процесс в случаях тюркской формы на =ганча 'пока не', особенно в алтайском языке, где эта форма спрягается как глагол: $кел=генче=м$, $кел=генче=н$ и т.д., ср. тувинское предельное наклонение $кел=гиге=м=че$, $кел=гиге=н=че$; на пути к деепричастизации находится и бурятская форма на =аа=гүй=де, не имеющая "положительного" аналога, т.е. морфологически изолированная; возможно, и форма на =ханда лишь этимологически являет собою дательный падеж причастия прошедшего времени, а сейчас это уже деепричастие причины.

Эти вопросы, связанные с деепричастизацией отдельных форм, этимологически безусловно принадлежащих предикативному склонению причастий, уже выходят за рамки настоящего исследования. Оно подводит нас к их постановке, но отвечать на них пока мы можем только предположительно.

Таким образом, центр всей системы предикативного склонения в алтайских языках составляет, безусловно, та подсистема, которая связана с актантными функциями падежных форм ЗПЕ.

Сложные предложения с сильно управляющими предикатами, имею-

шими в качестве актантов ЗПЕ, — "предикативные имена" событий, ситуаций, — существенно отличаются от всех остальных традиционно выделяемых типов и видов сложных предложений. Главная часть таких предложений — это сообщения о психических процессах, психических действиях, а также о тех отношениях, которые устанавливаются в процессе интеллектуальной "обработки" событий, — ср. X означает Y, по X сужу об Y, X равносителен Y, хорошо что X и др.

Утверждения типа 'я вижу', 'ты знаешь', 'он возмущен', 'ему приятно' (что X), являются утверждениями о событиях. Мы считаем нужным подчеркнуть это в связи с тем, что существует традиция рассматривать их как "вспомогательные" (модус), лишь характеризующие в определенном аспекте основное событие, названное в зависимой части (диктум). Мы хотели бы также обратить внимание на то, что означаемым зависимой части является как раз не само названное в ней событие, а информация о нем, его отражение в человеческом сознании. В.В. Мартынов назвал конструкции этого типа "информационными метаязыковыми предложениями", противопоставив их прочим сложным предложениям как языковым (Мартынов, 1982, с. 61). В принципе с этим противопоставлением мы вполне согласны. Наше исследование свидетельствует о том, что аналогичное противопоставление прослеживается и в системах сложного предложения изучаемых нами алтайских языков, где оно проявляется в различии способов организации зависимой части и ее формальных отношений с главной частью предложения.

Мы считаем возможным предположить, что особое системное положение синтаксических форм, обслуживающих отношения "сознание : действительность", то есть "метаязыковых" в терминологии В.В. Мартынова, имеет универсальный характер и заслуживает глубокого изучения на материале языков самых разных систем. Мысли, высказанные в свое время Ш. Балли о модусе и диктуме, показали свою плодотворность; сейчас мы имеем в виду значительно более широкий круг лингвистических (синтаксических) явлений, но термины "диктум" и "модус" остаются указателями направления, в котором ведется поиск.

БИБЛИОГРАФИЯ

- Абдуллаева А.З. Сложноподчиненное предложение в современном кумыкском языке. Автореф. канд. дис. Баку, 1973.
- Абдурахманов Г.А. Основы синтаксиса сложного предложения современного узбекского литературного языка. Ташкент, 1960.
- Аврорин В.А. Грамматика нанайского языка. Т. I-II. М.-Л., 1959.
- Аврорин В.А. Синтаксические исследования по нанайскому языку. Л., 1981.
- Адмони В.Г. Основы теории грамматики. М.-Л., 1964.
- Адмони В.Г. Синтаксис современного немецкого языка. Л., 1973.
- Адмони В.Г. Сложносвязное предложение в тюркских языках. — Сов. тюркология, 1982, № 3, с. 30-36.
- Алексеев Д.А. К вопросу о синтаксисе сложного предложения. — Зап. Бур.-Монг. НИИКЭ, Улан-Удэ, 1947, т. VII.
- Алиев У.Б. Синтаксис карачаево-балкарского языка. М., 1972.
- Алпатов В.М. Структура грамматических единиц в современном японском языке. М., 1979.
- Алпатов В.М. Замечания о японской падежной системе. — В кн.: Падежи и их эквиваленты в строе сложного предложения в языках народов Сибири. Новосибирск, 1981, с. 66-79.
- Апресян Ю.Д. Лексическая семантика. Синонимические средства языка. М., 1974.
- Аракин В.Д. К истории изафета в тюркских языках. — В кн.: Тюркологические исследования. М., 1976, с. 12-23.
- Аристова Е.Б. Категория субъекта и агентивные синтаксемы в современном английском языке. — В кн.: Категория субъекта и объекта в языках различных типов. Л., 1982, с. 45-64.
- Арутюнова Н.Д. Синтаксис. — В кн.: Общее языкознание. Внутренняя структура языка. М., 1972, с. 259-339.
- Арутюнова Н.Д. Предложение и его смысл. М., 1976.
- Аскарова М.А. Способы подчинения и типы придаточных в современном узбекском языке. Автореф. докт. дис. Ташкент, 1963.
- Аскарова М.А. К критериям придаточных предложений в современном узбекском языке. — В кн.: Структура и история тюркских языков. М., 1971, с. 148-155.
- Ахманова О.А. Словарь лингвистических терминов. М., 1966.
- Ашмарин Н.И. Опыт исследования чувашского синтаксиса. Ч. I. Казань, 1903.
- Бабалова Л.Л. Семантическая разновидность причинных и условных предложений в современном русском языке. Автореф. канд. дис. М., 1974.
- Бабушкин Г.Ф. О структуре придаточных предложений в тувинском языке. — Уч. зап. Тув. НИИЯЛИ, Кызыл, 1960, вып. 8, с. 127-138.
- Балли Ш. Общая лингвистика и вопросы французского языкознания. М., 1955.
- Баскаков Н.А. Алтайский язык. М., 1958.
- Баскаков Н.А. Предложения с развернутыми членами в каракалпакском языке. — В кн.: Исследования по сравнительной грамматике тюркских языков. III. Синтаксис. М., 1961, с. 111-121.

- Баскаков Н.А. Природа притяжательных определительных словосочетаний и их роль в эволюции сложных синтаксических конструкций в тюркских языках. - Сов. тюркология, 1971, № 4, с. 15-23.
- Баскаков Н.А. Алтайская семья языков и ее изучение. М., 1981.
- Беглярбекова А.А. Артиклевая функция родительного, винительного падежей и слова бир в современном азербайджанском языке. М., 1971.
- Белошапкова В.А. Современный русский язык. Синтаксис. М., 1977.
- Белошапкова В.А. Синтаксис. - В кн.: Современный русский язык. М., 1981, с. 363-552.
- Бенвенист Э. Общая лингвистика. М., 1974.
- Бертагаев Т.А. К проблеме сложных предложений. - Вопр. языкознания, 1953, № 4, с. 43-59.
- Бертагаев Т.А. Падеж основы. - Зап. Бур.-Монг. НИИК, Улан-Удэ, 1956, вып. 22.
- Бертагаев Т.А. О спорных вопросах грамматики (на материале монгольских языков). - В кн.: Вопросы составления описательных грамматик. М., 1961а, с. 86-100.
- Бертагаев Т.А. Синтаксис современного монгольского языка в сравнительном освещении. М., 1964.
- Бертагаев Т.А. Следы эргативности в монгольских языках и к вопросу об эргативной конструкции. - В кн.: Эргативная конструкция предложения в языках различных типов. Л., 1967, с. 277-283.
- Бертагаев Т.А. Бурятский язык. - В кн.: Языки народов СССР. Т. 5. Л., 1968, с. 13-33.
- Бертагаев Т.А., Цыдендамбаев Ц.Б. Грамматика бурятского языка. Синтаксис. М., 1962.
- Благова Г.Ф. Имена действия в тюркских языках средне-азиатского региона. - В кн.: Тюркологические исследования. М., 1976а, с. 51-76.
- Благова Г.Ф. Заметки о взаимно-совместном залоге. - Сов. тюркология, 1976б, № 6, с. 46-59.
- Благова Г.Ф. Тюркское склонение в ареально-историческом освещении. М., 1962.
- Бобровников А. Грамматика монгольско-калмыцкого языка. Казань, 1849.
- Бондаренко И.В. Синтаксические функции инфинитивов в тюркских языках. - В кн.: Полипредикативные конструкции и их морфологическая база. Новосибирск, 1980, с. 124-139.
- Бондаренко И.В. Заместительные конструкции с союзом "вместо того чтобы" в современном русском языке. - В кн.: Синтаксис алтайских и европейских языков. Новосибирск, 1981, с. 171-177.
- Бондарко А.В. Грамматическое значение и смысл. Л., 1978.
- Бондарко А.В. Теория значения и трактовка категорий залога. - В кн.: Проблемы теории грамматического залога. Л., 1978, с. 43-49.
- Бродская Л.М. К вопросу о дифференциации именных глагольных форм в эвенкийском языке. - В кн.: Вопросы языка и фольклора народностей Севера. Якутск, 1972, с. 19-33.
- Бродская Л.М. Придаточное как член парадигмы предложения. - В кн.: Полипредикативные конструкции и их морфологическая база. Новосибирск, 1980а, с. 181-184.
- Бродская Л.М. О соотносительности временных норм в сложноподчиненном предложении в эвенкийском языке. - В кн.: Полипредикативные конструкции и их морфологическая база. Новосибирск, 1980б, с. 49-60.
- Бродская Л.М. Причастные и деепричастные конструкции в составе сложноподчиненного предложения. - В кн.: Инфинитивные формы глагола. Новосибирск, 1980в, с. 32-43.

- Бродская Л.М. Значение склоняемых предикативных единиц в эвенкийском языке. - В кн.: Падежи и их эквиваленты в строе сложного предложения в языках народов Сибири. Новосибирск, 1981, с. 39-65.
- Бродская Л.М. Классификация глагольных форм в эвенкийском языке. - В кн.: Грамматические исследования по языкам Сибири. Новосибирск, 1982а, с. 20-39.
- Вандриес Ж. Язык, лингвистическое введение в историю. М., 1937.
- Вардуг И.Ф. Очерки потенциального синтаксиса японского языка. М., 1964.
- Вардуг И.Ф. Основы описательной лингвистики (синтаксис и супрасинтаксис). М., 1977.
- Василевич Г.М. Очерк грамматики эвенкийского (тунгусского) языка. М.-Л., 1940.
- Василевич Г.М. Очерки диалектов эвенкийского (тунгусского) языка. Л., 1948.
- Василевич Г.М. Грамматический очерк эвенкийского языка. - В кн.: Эвенкийско-русский словарь. М., 1958, с. 639-799.
- Виноградов В.В. Русский язык. М., 1972.
- Володин А.П. Падеж: форма и значение или значение и форма. - В кн.: Склонение в палеоазиатских и самодийских языках. Л., 1974, с. 261-291.
- Володин А.П. Ительменский язык. Автореф. докт. дис. Л., 1979.
- Вольф Е.М. Грамматика и семантика прилагательного. М., 1978.
- Вольф Е.М. К вопросу о классификаторах признаков. - Филол. науки, 1982, № 2, с. 32-38.
- Гаджиева Н.З. Критерии выделения придаточных предложений в тюркских языках. - Вопр. языкознания, 1957, № 3, с. 112-118.
- Гаджиева Н.З. Типы придаточных в современном азербайджанском языке. Автореф. канд. дис. М., 1961.
- Гаджиева Н.З. Природа изафета в тюркских языках. - Сов. тюркология, 1970, № 2, с. 18-26.
- Гаджиева Н.З. Основные пути развития синтаксической структуры тюркских языков. М., 1973.
- Гаджиева Н.З., Коклянова А.А. Глаголы речи в тюркских языках. - В кн.: Историческое развитие лексики тюркских языков. М., 1961, с. 322-460.
- Гак В.Г. К проблеме синтаксической интерпретации семантики (семантическая интерпретация глубинных структур). - В кн.: Инвариантные синтаксические значения и структура предложения. М., 1969, с. 77-85.
- Гак В.Г. Номинализация сказуемого и устранение субъекта. - В кн.: Синтаксис и стилистика. М., 1976, с. 85-102.
- Гак В.Г. Теоретическая грамматика французского языка. Синтаксис. М., 1981.
- Головнин И.В. Введение в синтаксис современного японского языка. М., 1979.
- Гордлевский В.А. Грамматика турецкого языка. М., 1928.
- Горелова Л.М. Функции эвенкийских причастий в их отношении к деепричастиям. - В кн.: Инфинитивные формы глагола. Новосибирск, 1979, с. 3-31.
- Горелова Л.М. Модели полипредикативных конструкций в эвенкийском языке. - В кн.: Полипредикативные конструкции и их морфологическая база. Новосибирск, 1980а, с. 83-96.
- Горелова Л.М. Условно-временные формы в эвенкийском языке. - В кн.: Народы и языки Сибири. Новосибирск, 1980в, с. 72-83.
- Горелова Л.М. Способы выражения подчинения в полипредикативных конструкциях в маньчжурском языке. - В кн.: Грамматические исследования по языкам Сибири. Новосибирск, 1982, с. 40-56.
- Грамматика бурятского языка. Фонетика и морфология. М., 1962.
- Грамматика русского языка. Т. I, т. II (ч. 1 и 2). М., 1960.
- Грамматика современного башкирского литературного языка. М., 1981.
- Грамматика современного русского литературного языка. М., 1970.

- Грамматика современного якутского литературного языка. Фонетика и морфология. М., 1982.
- Грамматика хакасского языка. М., 1975.
- Гришина Н.М. Падежные показатели и служебные слова в структуре сложного предложения кетского языка. Автореф. канд. дис., Л., 1979.
- Грунина Э.А. Сложноподчиненные предложения в современном узбекском языке. Автореф. канд. дис. М., 1952.
- Грунина Э.А. Некоторые вопросы синтаксиса сложноподчиненного предложения в современном литературном узбекском языке. - В кн.: Исследования по сравнительной грамматике тюркских языков. III. Синтаксис. М., 1962, с. 134-163.
- Демесинова Н.Х. Развитие синтаксиса современного казахского языка. Алма-Ата, 1974а.
- Демесинова Н.Х. Синтаксические конструкции с объектно-изъяснительными отношениями в системе сложного предложения современного казахского языка. - Изв. АН КазССР. Сер. филол., Алма-Ата, 1974б, № 2, с.3-12.
- Демесинова Н.Х. Типы сложноподчиненного предложения и вопросы синтаксической синонимии. - В кн.: Сложное предложение в языках разных систем. Новосибирск, 1977, с. 84-91.
- Демесинова Н.Х. Развитие синтаксической системы казахского языка в советскую эпоху. Автореф. докт. дис. Алма-Ата, 1981.
- Дмитриев Н.К. Очерки по кумыкскому синтаксису. - В кн.: Языки Северного Кавказа и Дагестана, I. М., 1935.
- Дмитриев Н.К. Строй турецкого языка. Л., 1939.
- Дмитриев Н.К. Грамматика кумыкского языка. М.-Л., 1940.
- Дмитриев Н.К. Глаголы речи (verba dicendi) в языках тюркской группы. - В кн.: Строй тюркских языков. М., 1962, с. 570-576.
- Дмитриев Н.К., Исхаков Ф.Г. Вопросы изучения хакасского языка и его диалектов. Абакан, 1954.
- Доможаков Н.Г., Исхаков Ф.Г. Хакас тілінің грамматикасы. Синтаксис. Абакан, 1961.
- Дубровина З.М. Инфинитив и причастие как дополнительное ядро предикации в финском предложении. - В кн.: Вопросы финно-угорской филологии. Л.: ЛГУ, 1977, с. 34-74.
- Дьяконов И.М. Эргативная конструкция и субъектно-объектные отношения. - В кн.: Эргативная конструкция предложения в языках различных типов. Л., 1967, с. 95-115.
- Дьяконов И.М. Шумерский язык. - В кн.: Языки Азии и Африки. III. М., 1979, с. 7-36.
- Дыренкова Н.П. Грамматика ойротского языка. М.-Л., 1940.
- Дыренкова Н.П. Грамматика шорского языка. М., 1941.
- Дыренкова Н.П. Грамматика хакасского языка. Абакан, 1948.
- Есенов Х.М. Основные средства связи компонентов сложноподчиненных предложений. - Сов. тюркология, 1972, № 4, с. 17-22.
- Есенов Х.М. Сложноподчиненные предложения с падежно-последовательными формами причастий в казахском языке. - В кн.: Падежи и их эквиваленты в строе сложного предложения в языках народов Сибири. Новосибирск, 1981, с. 89-97.
- Есенов Х.М. Осложненные предложения со смыкающими оборотами в казахском языке. - В кн.: Структурные и функциональные типы сложных предложений. Новосибирск, 1982, с. 38-47.
- Есипова А.В. Зависимые определительные предложения с причастным сказуемым. (На материале шорского языка.) - В кн.: Подчинение в полипредикативных конструкциях. Новосибирск, 1980, с. 140-153.

- Есипова А.В. Определительная функция причастия в шорском языке. Автореф. канд. дис. Алма-Ата, 1982.
- Ефремов Н.Н. Структурные модели временных полипредикативных конструкций в якутском языке. - В кн.: Полипредикативные конструкции и их морфологическая база. Новосибирск, 1980, с. 62-82.
- Ефремов Н.Н. Сложноподчиненные предложения якутского языка, выражающие простую одновременность. - В кн.: Синтаксис алтайских и европейских языков. Новосибирск, 1981, с. 51-59.
- Захаров И.И. Грамматика маньчжурского языка. Спб., 1879.
- Закриев М.З. О наличии придаточных предложений в татарском языке. - Уч. зап. Казанск. ун-та, 1961, т. 119, кн. 5, Казань, с. 312-320.
- Закриев М.З. Синтаксический строй татарского языка. Казань, 1963.
- Зализняк А.А. Русское именное словоизменение. М., 1967.
- Золотова Г.А. Коммуникативные аспекты русского синтаксиса. М., 1982.
- Иванов С.Н. К истолкованию категории принадлежности. - Сов. тюркология, 1973, № 1, с. 26-32.
- Иванов С.Н. К проблеме придаточных предложений в тюркских языках. (Изъяснительные придаточные конструкции в узбекском языке и вопрос о трансформации.) - В кн.: Тюркологический сборник, 1977. М., 1981, с. 109-116.
- Ивин А.А. Основания логики оценок. М., 1970.
- Изысканный дар тюркскому языку. Грамматический трактат XIV в. на арабском языке / Пер. Э.И. Фазылова, М.Т. Зияевой. Ташкент, 1978.
- Исхаков Ф.Г., Пальмбах А.А. Грамматика тувинского языка. М., 1961.
- Казем-Бек А. Общая грамматика турецко-татарского языка. Казань, 1846.
- Карабаева Л.А. Придаточные дополнительные предложения со сказуемым-причастием в винительном падеже в современном монгольском языке. - В кн.: Лингвистические исследования 1978а. Проблемы грамматического строя языка. М., 1978, с. 31-37.
- Карабаева Л.А. Причастие в дательном-местном падеже в современном монгольском языке. - В кн.: Лингвистические исследования 1978. Синтаксис и морфология языков различных типов. М., 1978, с. 96-102.
- Касьяненко З.К. Об именительном падеже в современном монгольском языке. - В кн.: Вопросы грамматики языков стран Азии. Л., 1964, с. 3-8.
- Касьяненко З.К. Придаточное предложение и оборот в монгольском языке. - В кн.: Проблемы филологии стран Азии и Африки. Л., 1966, с. 3-10.
- Касьяненко З.К. Подлежащее в придаточных предложениях в монгольском языке. - В кн.: Вопросы филологии стран Азии и Африки. Л., 1971, с. 57-65.
- Катанов Н.Ф. Опыт исследования урянхайского языка с указанием главнейших родственных отношений его к другим языкам тюркского корня. Казань, 1903.
- Кашельсон С.Д. Типология языка и речевое мышление. Л., 1972.
- Кенесбаев С.К. Грамматика казахского языка. Алма-Ата, 1941.
- Кенесбаев С.К., Карашева Н.Б. Казахский язык. - В кн.: Языки народов СССР. Т. II. Тюркские языки. М., 1966, с. 320-339.
- Кибрик А.Е. Материалы к типологии эргативности. Предв. публикации Ин-та РЯ АН СССР. М., 1979.
- Климов Г.А. Типология языков активного строя. М., 1977.
- Климов Г.А. Картвельские языки. - В кн.: Языки Азии и Африки. III. М., 1979, с. 102-132.
- Ковалева Л.М. К вопросу о межмодельной парадигматике предложения. - В кн.: Функциональный анализ единиц морфолого-синтаксического уровня. Иркутск, 1980, с. 139-155.

- Ковалева Л.М. Проблемы анализа конструкций с предикативными актантами. - В кн.: Вопросы грамматики русского языка. Иркутск, 1981, с. 39-52.
- Коклянова А.А. Глагольные словосочетания в узбекском языке. - В кн.: Исследования по синтаксису тюркских языков. М., 1962, с. 39-100.
- Кокорина С.И. О семантическом субъекте и особенностях его выражения в русском языке. М., 1979.
- Колесникова В.Д. Синтаксис эвенкийского языка. М.-Л., 1966.
- Колосова Т.А. Русские сложные предложения асимметричной структуры. Воронеж, 1980.
- Кононов А.Н. Грамматика узбекского языка. Ташкент, 1948.
- Константинова О.А. Эвенкийский язык. М.-Л., 1964.
- Константинова О.А. Эвенкийский язык. - В кн.: Языки народов СССР. Т. 5. Л., 1968, с. 68-87.
- Константинова О.А., Лебедева Е.П. Эвенкийский язык. Учебное пособие для педагогических училищ. М.-Л., 1953.
- Котвич В.В. Исследование по алтайским языкам. М., 1962.
- Крамских С.В. Смысловая организация местоименно-соотносительных (отождествительных) предложений в современном русском языке. Автореф. канд. дис. М., 1982.
- Кулиев Г.К. Лексико-семантическое развитие глаголов речи в тюркских языках (на материале огузских языков). - Сов. тюркология, 1982, № 5, с. 3-12.
- Курилович Е. Очерки по лингвистике. М., 1962.
- Лебедева Е.П. Предложения с причастными и деепричастными оборотами в эвенкийском и маньчжурском языках. - В кн.: Научная сессия ЛГУ, 1951-1952 гг. Тезисы докладов по секции фак. народов Севера. Л., 1952, с. 26-28.
- Лекомцева М.И. Типология фонологических систем. - В кн.: Исследования по структурной типологии. М., 1963, с. 42-51.
- Майзель С.С. Изафет в турецком языке. М.-Л., 1957.
- Мартынов В.В. Категория языка. Семантико-грамматический аспект. М., 1982.
- Марузо Ж. Словарь лингвистических терминов. М., 1960.
- Матлина Г.А. Конструкции, выражающие объектно-изъяснительные отношения в современном русском языке, и их семантико-синтаксические особенности. Канд. дис. Л., 1971.
- Мелиоранский П. Краткая грамматика казак-киргизского языка. Ч. 2. Синтаксис. СПб., 1897.
- Мешанинов И.И. Глагол. М.-Л., 1949.
- Мешанинов И.И. Структура предложения. М.-Л., 1963.
- Мешанинов И.И. Основные грамматические формы эргативного строя предложения. - В кн.: Эргативная конструкция предложения в языках различных типов. Л., 1967, с. 7-9.
- Мешанинов И.И. Проблемы развития языка. Л., 1975.
- Мешанинов И.И. Члены предложения и части речи. М., 1978.
- Милевский Т. Предпосылки типологического языкознания. - В кн.: Исследования по структурной типологии. М., 1963, с. 3-31.
- Монгуш Д.А. О временных формах в тувинском языке. - Уч. зап. Тув. НИИЯЛИ, Кызыл, 1959, вып. 7, с. 85-92.
- Монгуш Д.А. Формы прошедшего времени изъявительного наклонения в тувинском языке. Кызыл, 1963.
- Москальская О.И. Проблемы системного описания синтаксиса. М., 1974.
- Москальская О.И. Вопросы синтаксической семантики. - Вопр. языкознания, 1977, № 2.
- Мураталиев М. Придаточные предложения времени в киргизском языке. Автореф. канд. дис. Алма-Ата, 1953.

- Наделяев В.М. Программы по современному монгольскому языку. Л., 1954.
- Ничман З.В. Глаголы говорения (устной речи) в современном русском языке. Автореф. канд. дис. Томск, 1980.
- Оралбаева Н. Категория характера протекания действия в современном казахском языке. - Сов. тюркология, 1971, № 5, с. 95-100.
- Падучева Е.В. К семантике синтаксиса. М., 1974.
- Патачакова Д.Ф. Грамматика хакасского языка для педучилища. Абакан, 1962.
- Пашков Б.К. Маньчжурский язык. М., 1963.
- Поппе Н.Н. Грамматика бурят-монгольского языка. М.-Л., 1938.
- Поцелуевский Е.А. Трехчленная определительная конструкция в туркменском языке и ее модификации. - В кн.: Исследования по синтаксису тюркских языков. М., 1962, с. 189-218.
- Поцелуевский Е.А. Тюркский трехчлен. М., 1967.
- Пфанцагль Н. Теория измерений. М., 1976.
- Пюрбеев Г.П. Типы сложных предложений в монгольских языках. М., 1979.
- Пюрбеев Г.П. Специфика падежного оформления субъекта в инфинитных конструкциях монгольских языков. - В кн.: Падежи и их эквиваленты в строе сложного предложения в языках народов Сибири. Новосибирск, 1981, с. 80-88.
- Рамштедт Г.И. Введение в алтайское языкознание. М., 1959.
- Решетов В.В. Основы фонетики и грамматики узбекского языка. Ташкент, 1965.
- Рифтин А.П. О двух путях развития сложного предложения в аккадском языке. - В кн.: Советское языкознание. Т. 3. Л., 1937.
- Русская грамматика. Т. I-II. М., 1980.
- Рябова А.И. Условия и способы реализации субъектной валентности деепричастия в простых двусоставных предложениях с глагольным и причастным сказуемым. Канд. дис. М., 1982.
- Савченко А.Н. Эргативная конструкция предложения в индоевропейском праязыке. - В кн.: Эргативная конструкция предложения в языках различных типов. Л., 1967, с. 74-90.
- Санжеев Г.Д. Современный монгольский язык. М., 1959.
- Санжеев Г.Д. Сравнительная грамматика монгольских языков. Глагол. М., 1963.
- Сат Ш.Ч. Синтаксические функции причастий в тувинском языке. Кызыл, 1960.
- Сат Ш.Ч. Придаточные предикативные единицы в тувинском языке. - В кн.: Структурные и функциональные типы сложных предложений. Новосибирск, 1982, с. 48-60.
- Севортян Э.В. Категория падежа. - В кн.: Исследования по сравнительной грамматике тюркских языков. Ч. II. Морфология. М., 1956.
- Семантика и синтаксис конструкций с предикативными актантами. Материалы Всесоюзной конференции "Типологические методы в синтаксисе разнотипных языков". Л., 1981.
- Серебренников Б.А. Общие вопросы теории артикля и проблема семантики употребления артикля в древнегреческом языке. М., 1949.
- Серебренников Б.А. Основные линии развития падежной и глагольной систем в уральских языках. М., 1964.
- Серебренников Б.А., Бирюкович Р.М. Некоторые особенности исторического развития перфекта в различных языках. - Сов. тюркология, 1981, № 2, с. 3-12.
- Серебренников Б.А., Гаджиева Н.З. Сравнительно-историческая грамматика тюркских языков. Баку, 1979.
- Скаличка В. Типология и тождественность языков. - В кн.: Исследования по структурной типологии. М., 1963, с. 32-34.

- Скрибник Е.К. Способы выражения субъекта в системе зависимой предикации (на материале бурятского языка). Автореф. канд. дис. М., 1980.
- Скрибник Е.К. Падежные аффиксы причастий как средство связи в полипредикативном предложении. - В кн.: Инфинитные формы глагола. Новосибирск, 1980, с. 44-58.
- Скрибник Е.К. Подлежащие конструкции в бурятском языке. - В кн.: Падежи и их эквиваленты в строе сложного предложения в языках народов Сибири. Новосибирск, 1981а, с. 123-137.
- Скрибник Е.К. Морфологические типы предикативных прилагательных, формирующих подлежащие конструкции (на материале алтайских языков). - В кн.: Морфология имени в сибирских языках. Новосибирск, 1981б, с. 3-14.
- Скрибник Е.К. Эмотивные конструкции в бурятском языке. - В кн.: Грамматические исследования по языкам Сибири. Новосибирск, 1982, с. 83-89.
- Смирнинский А.И. Синтаксис английского языка. М., 1957.
- Субракова О.В. Способы выражения синтаксических связей в языке орхонских памятников. - Уч. зап. Хак. НИИЯЛИ, Абакан, 1964, вып. X, с. 57-67.
- Субракова О.В. Средства выражения синтаксической связи в сложноподчиненных предложениях. - В кн.: Исследования по современному хакасскому языку. Абакан, 1980, с. 22-39.
- Суник О.П. Глагол в тунгусо-маньчжурских языках. М.-Л., 1962.
- Суник О.П. Существительное в тунгусо-маньчжурских языках. Л., 1982.
- Суппес П., Зинес Дж. Основы теории измерений. - В кн.: Психологические измерения. М., 1967, с. 9-110.
- Суюнчев Х.И. Об и-именном и и-местоименном. - В кн.: Всесоюзная тюркологическая конференция. Секция № 1. Советская тюркология и развитие тюркских языков в СССР. Тезисы докладов и сообщений. Алма-Ата, 1976.
- Сыромятников Н.А. Система времен в новояпонском языке. М., 1971.
- Сыромятников Н.А. Развитие новояпонского языка. М., 1978.
- Тадькин В. Причастия в алтайском языке. Горно-Алтайск, 1971.
- Терешенко Н.М. Нганасанский язык. Л., 1979.
- Томанов М. К истории совместно-орудного падежа в казахском языке. - Сов. тюркология, 1982, № 3, с. 53-55.
- Убратова Е.И. Исследования по синтаксису якутского языка. Ч. I. Простое предложение. М.-Л., 1950.
- Убратова Е.И. О вопросах сложноподчиненного предложения в тюркских и якутском языках. - В кн.: Вопросы грамматики тюркских языков. Алма-Ата, 1958, с. 221-225.
- Убратова Е.И. Исследования по синтаксису якутского языка. II. Сложное предложение. Кн. 1-2. Новосибирск, 1976.
- Убратова Е.И. Предикативное склонение в якутском языке. - В кн.: Падежи и их эквиваленты в строе сложного предложения в языках народов Сибири. Новосибирск, 1981, с. 3-11.
- Успенский Б.А. Структурная типология языков. М., 1965.
- Успенский Б.А. Проблема универсалий в языкознании. - В кн.: Новое в лингвистике. Вып. V. М., 1970, с. 5-30.
- Успенский В.А. Замечания на полях статей И.А. Мельчука и А.А. Холодовича о понятии залога. - В кн.: Диатезы и залоги. Тезисы конференции. Л., 1975, с. 3-14.
- Фельдман Н.И. О реальном и фиктивном склонении предложений в современном японском языке. - Уч. зап. ИВ АН СССР, М., 1952, т. IV, с. 230-276.
- Филлмор Ч. Дело о падеже. - В кн.: Новое в зарубежной лингвистике. Вып. X. М., 1981а, с. 389-495.

- Филлмор Ч. Дело о падеже открывается вновь. - В кн.: Новое в зарубежной лингвистике. Вып. X. М., 1981б, с. 496-530.
- Холодович А.А. Проблемы грамматической теории. Л., 1979.
- Храковский В.С. Пассивные конструкции. - В кн.: Типология пассивных конструкций. Диатезы и залоги. Л., 1974, с. 5-45.
- Цыдыпов Ц.-Ж.Ц. Аналитические конструкции в бурятском языке. Улан-Удэ, 1972.
- Цыдендамбаев Ц.Б. Грамматические категории бурятского языка в историко-сравнительном освещении. М., 1979.
- Чейф Уол. Л. Значение и структура языка. М., 1975.
- Черемисина М.И. Деепричастия как класс форм глагола в языках разных систем. - В кн.: Сложное предложение в языках разных систем. Новосибирск, 1977, с. 3-28.
- Черемисина М.И. О перспективах и первых результатах коллективного сопоставительно-типологического исследования сложного предложения в языках разных систем. - В кн.: Способы выражения полипредикативности. Новосибирск, 1978, с. 3-18.
- Черемисина М.И. Некоторые вопросы теории сложного предложения. Новосибирск: НГУ, 1979.
- Черемисина М.И. О содержании понятия "предикативность" в синтаксисе сложного предложения. - В кн.: Полипредикативные конструкции и их морфологическая база. Новосибирск, 1980а, с. 154-180.
- Черемисина М.И. Моносубъектная конструкция. Понятие и типология. - В кн.: Полипредикативные конструкции и их морфологическая база. Новосибирск, 1980б, с. 6-34.
- Черемисина М.И. Сложное предложение как знак языка (об отдельных моделях сложного предложения). - В кн.: Синтаксис алтайских и европейских языков. Новосибирск, 1981а, с. 3-36.
- Черемисина М.И. Предикативное склонение как база зависимой предикации в алтайских языках. - В кн.: Падежи и их эквиваленты в строе сложного предложения в языках народов Сибири. Новосибирск, 1981б, с. 12-38.
- Черемисина М.И. К вопросу о системных отношениях между финитными, причастными и деепричастными формами глагольного слова (на материале алтайских языков). - В кн.: Теоретические вопросы фонетики и грамматики языков народов СССР. Новосибирск, 1981в, с. 3-18.
- Черемисина М.И. Структурно-функциональные типы конструкций с падежными формами зависимых предикатов. - В кн.: Структурные и функциональные типы сложных предложений. Новосибирск, 1982, с. 3-20.
- Черемисина М.И. Притяжательные формы личных местоимений в роли подлежащего зависимой части сложного предложения в баргузинском говоре эвенкийского языка. - В кн.: Семантико-синтаксические связи в языках разных систем. Кемерово, 1983, с. 3-36.
- Черемисина М.И., Боргоякова Т.Н. О хакасском причастии на "галах"/"гелек" в роли зависимого предиката. - В кн.: Грамматические исследования по языкам Сибири. Новосибирск, 1982, с. 70-82.
- Черемисина М.И., Санданова М.Р. Винительный падеж в системе предикативного склонения причастий бурятского языка. - В кн.: Структурные и функциональные типы сложных предложений. Новосибирск, 1982, с. 126-142.
- Черемисина М.И., Скрибник Е.К. Опыт формального описания причастно-последних конструкций бурятского языка. - В кн.: Подчинение в полипредикативных конструкциях. Новосибирск, 1980, с. 38-76.
- Черемисина М.И., Скрибник Е.К. К разработке понятия "причастное предикативное склонение". - В кн.: Грамматические исследования по языкам Сибири. Новосибирск, 1982, с. 3-19.

Чеснокова В.Ф. Предмет и критерии оценивания музыкальной самодеятельности (на материале оценочных высказываний экспертов). - В кн.: Проблемы оценки художественной самодеятельности (в практике работы жюри). М., 1980, с. 49-114.

Чикобава А.С. Проблема эргативной конструкции в иберийско-кавказских языках. - В кн.: Эргативная конструкция предложения в языках различных типов. Л., 1967, с. 10-32.

Чонбаев К.С. Сложное предложение в русском и киргизском языках. Фрунзе, 1968.

Шагдаров Л.Д. Функционально-стилистическая дифференциация бурятского литературного языка. Улан-Удэ, 1974.

Шамина Л.А. Способы выражения причинных отношений в тувинском языке. - В кн.: Аналитические средства связи в полипредикативных конструкциях. Новосибирск, 1980, с. 12-30.

Шамина Л.А. Служебные имена в тувинском языке. - В кн.: Морфология имени в сибирских языках. Новосибирск, 1981а, с. 15-25.

Шамина Л.А., Черемисина М.И. Причастие на "галак" (=калак) в тувинском языке. - В кн.: Грамматические исследования по языкам Сибири. Новосибирск, 1982, с. 57-69.

Шапилова Н.И. Глаголы чувства в современном русском языке. Автореф. канд. дис. Кемерово, 1967.

Шахматов А.А. Синтаксис русского языка. Л., 1941.

Ширалиев М.Ш. Сложноподчиненное предложение в азербайджанском языке. - В кн.: Вопросы языкознания, 1956, № 1, с. 93-99.

Шубик С.А. Иерархия членов предложения в индоевропейских языках. - В кн.: Категория субъекта и объекта в языках различных типов. Л., 1982, с. 125-134.

Шербак А.М. Грамматика староузбекского языка. М.-Л., 1962.

Шербак А.М. Очерки по сравнительной морфологии тюркских языков. Имя. Л., 1977.

Шербак А.М. Очерки по сравнительной морфологии тюркских языков. Глагол. Л., 1981.

Юлдашев А.А. Соотношение деепричастных и личных форм глагола в тюркских языках. М., 1977.

Якобсон Р.О. Шифтеры, глагольные категории и русский глагол. - В кн.: Принципы типологического анализа языков различного строя. М., 1972, с. 95-113.

Яхонтов С.Е. Исходные понятия теории залога. - В кн.: Диатезы и залоги. Тезисы конференции. Л., 1975, с. 15-20.

Böhtlingk O. Über die Sprache der Jakuten. Jakutische Grammatik. Spb., 1851.

Fokos-Fuchs D.R. Rolle der Syntax in der Frage der Sprachverwandschaft. Wiesbaden, 1962.

Groot A.W., de. Classification of uses of a case illustrated on the genitive in Latin. - Lingua, 1956, N 6.

Norman J. A sketch of Sibe morphology. - Central Asiatic Journal, 1974, N 3.

СПИСОК ПРИНЯТЫХ СОКРАЩЕНИЙ

Обозначения словарей и грамматик

- БРС - Бурятско-русский словарь/Под ред. К.М. Черемисова. М., 1972.
ГБЯ - Грамматика бурятского языка. Фонетика и морфология. М., 1962.
ГБЯ-2 - Бертагаев Т.А., Шыдендамбаев Ш.Б. Грамматика бурятского языка. Синтаксис. М., 1962.
ГСРЛЯ - Грамматика современного русского литературного языка. М., 1970.
ГХЯ - Грамматика хакасского языка. М., 1975.
ДТС - Древне-тюркский словарь. Л., 1969.
ССРЛЯ - Словарь современного русского литературного языка. М.-Л., 1951.
ТСРЯ - Толковый словарь русского языка/Под ред. Д.Н. Ушакова. М., 1935.

Обозначения текстовых источников

Бурятский язык

- Б - ж. - "Байгал".
Бадл. - Бадлуев Ш.-С. Хүнэй шарай. Улаан-Удэ, 1968.
Бат. - Батоев Б.-Д. Хээрэн нүхэнэй ноуса. Улаан-Удэ, 1968.
БРС - Бурятско-русский словарь/Под ред. К.М. Черемисова. М., 1972.
ГБЯ-2 - Бертагаев Т.А., Шыдендамбаев Ш.Б. Грамматика бурятского языка. Синтаксис. М., 1962.
Дамб. - Дамбаев Г.-Д. Гүнсэмаа. Улаан-Удэ, 1973.
Лубс. - Лубсанов Вл. Дагба таабайн хөөрөөн. Улаан-Удэ, 1976.
Мунг. - Мунгонов Б. Хара халхин. Улаан-Удэ, 1971.
Мунг., БЗ - Мунгонов Б. Баян зүрхэн. Улаан-Удэ, 1974.
Намс. - Намсараев Х. Тэршээхэн унаган. Улаан-Удэ, 1973.
Тум. - Тумунов Ж. Нойрхоо хэрихэн тала. Улаан-Удэ, 1973.
Тум., ТБ - Тумунов Ж. Талын бүргэд. Улаан-Удэ, 1975.
Шагд. - Шагдаров Л.Д. Функционально-стилистическая дифференциация бурятского литературного языка. Улан-Удэ, 1974.
Шойд. - Шойдоков Б. Дархан соло. Улаан-Удэ, 1971.
Х - Хамаев Ц.-Д. Үүрээр ерэхэн үер. Улаан-Удэ, 1975.
Шыб. - Шыбинов Р. Уулзалга. Улаан-Удэ, 1973.
Шыд. - Шыдылов Ц.-Ж.П. Аналитические конструкции в бурятском языке. Улан-Удэ, 1972.
Ябж. - Ябжанов Б.Н. Майтагсаан. Улаан-Удэ, 1971.

Тувинский язык

- Д-ЧЧ - Донгак Э.Л. Чолдак-аңчының чугаалары. Кызыл, 1982.
ЛЧ - Чадамба Л. Чогаалдар чындзы. Кызыл, 1978.
ОСо - Саган-оол О. Чогаалдар чындзы, т. II. Кызыл, 1975.

- ССо, А - Сарыг-оол, С. Аңгыр-оолдун тоожузу. Кызыл, 1978.
 СТ - Тока Салчак. Араттың сөзү. Кызыл, 1980.
 Сүр - Сүрүн-оол О.С. Чогаалдар чыындызы проза чогаалдары. Кызыл, 1975.
 УТЯ - Салзынмаа Е.Б. Учебник тувинского языка. Кызыл, 1980.
 УХ - альманах "Улуг-Хем", Кызыл, 1982, № 49.

Алтайский язык

- АТ - Тыбыкова А., Сатлаева В., Тепуков Н. Алтай тил. Синтаксис. 7-8 класстарга. Горно-Алтайск, 1981.
 АТ, 4 кл. - Суразакова Н., Суразакова З. Алтай тил, 4 класска. Горно-Алтайск, 1976.
 Мет. - 4-чи класста Алтай тилге иштеер методический жакытталар. Горно-Алтайск, 1975.
 М.ТК. - Манитов С. Туулардын кыстары. Горно-Алтайск, 1980.
 КТ.Т. - Төлбөбү К. Таныбаган. Горно-Алтайск, 1980.
 Сур. - Суразакова З. Изложениетер. 4-8 класстарга. Горно-Алтайск, 1975.
 Тад. - Тадыкин В. Причастие в алтайском языке. Горно-Алтайск, 1971.
 Т.Т. - Туулар жылдызы. Литературно-художественный жуунты. Горно-Алтайск, 1969.
 Хр. - Казагачева З., Суразаков С. Алтай литература. Хрестоматия. 9-10 класстарга. Горно-Алтайск, 1975, 1977, 1978.
 АК - Шинжин Т. Ак кулун. Горно-Алтайск, 1981.
 Ш.Ч] - Шабетин П. Чуйдын жолыла. Горно-Алтайск, 1969.

Хакасский язык

- АХ.Х - Халларов А. Хоңыроңхтар. Абакан, 1981.
 ГК.АХ.Т - Казачинова Г., Халларов А. Той. Абакан, 1979.
 ИК.МН - Костяков И. Минд, нанчыларым. Абакан, 1971.
 ИК.ЧХ - Костяков И. Чибек хур. Абакан, 1966.
 КН.ХХ - Нербышев К. Хорлаңа. Абакан, 1972.
 МП - Микенең поко. Абакан, 1972.
 МТ.ПТ - Туран М. Пай тирек. Абакан, 1981.
 МТ.СС - Туран М. Саялбаан сүрместер. Абакан, 1972.
 НД.ЫА - Доможаков Н.Г. Ыраххы аалда. Абакан, 1960.
 НТ.КК - Тиников Н. Кавристин көглері. Абакан, 1977.
 НТ.ТКÖ - Тинижекров Н. Тіріг кізі длбең. Абакан, 1982.
 НТ.Х - Тюкшиев Н. Хыстаңда. Абакан, 1977.
 НТ.Ч - Тюкшиев Н. Чайлаңда. Абакан, 1972.
 ТБ.ХС - Балтыжаков Т. Халхы саасхан. Абакан, 1979.
 ФБ.ТО - Бунаков Ф. Тигір оды. Абакан, 1977.
 ХЧЧ - Хакас чоохтарының чыындызы. Абакан, 1969.

Эвенкийский язык

- Г - Гольдберг И. Баркауль хэгды нулгин. Красноярск, 1961.
 ИФЭ - Исторический фольклор эвенков (сказаний и предания)/ Запись текстов, перевод и комментарии Г.М. Василевич. М.-Л., 1966.
 К - Катаев В. Пола хутэн/Пер. М.С.Савина. Л., 1949.

- ЛКМ - Лебедева Е.П., Константинова О.А., Монахова И.В. Эвенкийский язык. Л., 1979.
 Н - Носов Н. Витя Малеев школаду, дюдуви-да/Пер. З.В.Монаховой. Л., 1954.
 П - Поппе Н.Н. Материалы для исследования тунгусского языка. Наречие баргузинских тунгусов. М., 1927.
 ТД - Ковалева З.И., Ялогир Е.М. Таңин дярин книга. Л., 1961.
 Торг. - Торганэй. Эвенкийские сказки в записи Г.М. Василевич. Л., 1939.
 ФЭЯ - Романова А.В., Мыреева А.Н. Фольклор эвенков Якутии. Л., 1971.
 Эф - Воскобойников М.Г. Эвенкийский фольклор. Л., 1960.

Маньчжурский язык

- З - Захаров И.И. Грамматика маньчжурского языка. Спб., 1879.
 Леб. - Тексты "Сиди Кур", переписанные и переведенные Е.П. Лебедевой.
 П - Пашков Б.К. Маньчжурский язык. М., 1963.

Предисловие	3
Глава первая. Предмет, задачи и построение исследования	7
§ 1. О типологической направленности исследования	-
§ 2. Сложное предложение как объект типологического исследования	9
§ 3. О понятии предикативного склонения	14
§ 4. Основные задачи и структура исследования	19
§ 5. Материал исследования, методика сбора и обработки	22
Глава вторая. Предикативное склонение как синтаксический механизм	26
§ 1. Основные проблемы исследования предикативного склонения	-
§ 2. Формальные типы склонения в изучаемых языках	30
§ 3. Предикативное склонение как ведущий механизм гипотаксиса	36
§ 4. О типовой семантике зависимых предикативных единиц	41
Глава третья. Винительный падеж	46
§ 1. Винительный падеж в системе склонения	-
§ 2. Винительный как падеж прямого дополнения	54
§ 3. Содержательная специфика винительного предикативного	60
§ 4. Предикаты, управляющие винительным падежом ЗПЕ	66
Глава четвертая. Управляемые косвенные падежи	76
§ 1. Общая характеристика дательного и исходного падежей	78
§ 2. Предикаты, управляющие дательным и исходным падежами	80
§ 3. О корреляции между семантикой управляющего предиката и временными характеристиками ЗПЕ	84
§ 4. Выражение времени в ЗПЕ с дательным и исходным падежами	89
§ 5. Конструкции ЗПЕ в дательном и исходном падежах с реактивной семантикой	99
§ 6. Падежные формы ЗПЕ в сопоставительных конструкциях	103
Глава пятая. Неопределенный падеж	107
§ 1. Конструкции с неопределенным падежом ЗПЕ (общий обзор)	-
§ 2. Конструкции с подлежащей ЗПЕ при глаголах психических действий и процессов	112
§ 3. Конструкции с подлежащей ЗПЕ при именах эмоционального состояния	119
§ 4. Оценочные конструкции	123
Глава шестая. Локальные падежи	134
§ 1. Общая характеристика локальных подсистем склонения	-
§ 2. Выражение временной соотнесенности событий средствами падежных форм ЗПЕ в тюркских языках Южной Сибири	138
§ 3. Падежные формы ЗПЕ в конструкциях с семантикой обусловленности в тюркских языках	151
§ 4. Обстоятельное употребление причастно-падежных ЗПЕ в бурятском языке	154
§ 5. Обстоятельные функции ЗПЕ в эвенкийском и маньчжурском языках (временные и причинные отношения)	158
Глава седьмая. Родительный падеж	162
§ 1. Родительный (притяжательный) падеж и определительные сочетания слов	-
§ 2. Сочетания ЗПЕ в родительном падеже с существительными широким, "категориальной" семантики	164
§ 3. Конструкции со служебными именами	169
Заключение	172
Библиография	179
Список принятых сокращений	189

Майя Ивановна Черемисина,
Лариса Мееровна Бродская,
Лилия Михайловна Горелова и др.

ПРЕДИКАТИВНОЕ СКЛОНЕНИЕ ПРИЧАСТИЙ В АЛТАЙСКИХ ЯЗЫКАХ

Ответственные редакторы
Елизавета Ивановна Убрятова,
Феликс Абрамович Литвин

Утверждено к печати Институтом истории,
филологии и философии СО АН СССР

Редакторы издательства Е. К. Скрибник, Т. М. Назарянц
Художник Е. Ф. Зайцев
Технический редактор Л. Г. Филина
Корректоры Л. Л. Михайлова, Н. В. Лисина

ИБ № 23755

Сдано в набор 28.11.83. Подписано в печать 03.04.84. МН-03514. Формат 60×90¹/₁₆. Бумага тип. № 3. Офсетная печать. Усл. печ. л. 12,0. Усл. кр.-отт. 12,1. Уч.-изд. л. 16,0. Тираж 800 экз. Заказ № 134. Цена 2 р. 70 к.

Издательство «Наука», Сибирское отделение.
630099, Новосибирск, 99, Советская, 18.
4-я типография издательства «Наука».
630077, Новосибирск, 77, ул. Станиславского, 25.